Александр ДОЛИНИН

HAMA KPACHAR 3BE3AA

К 100-летию газеты

Москва 2022 Долинин А.И.

Д 64 Наша «Красная звезда». К 100-летию газеты. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2022. – 192 с.

УДК 82-3 ББК 84(2Poc=Pyc)6,44

Со страниц одноимённой группы на сайте «Одноклассники»

Многие годы в сети «Одноклассники» я поддерживаю группу «Наша «Красная звезда». За это время выстроился обширный материал, который может быть интересен не только коллегам. Подборка снимков и материалов субъективна. Мне в этом собрании интересны люди, о которых я слышал, как о легендах, с которыми я служил, кого люблю и уважаю.

Много в этом издании воспоминаний Михаила Захарчука, который служил в «Красной звезде» до меня, у которого большой круг знакомств с ветеранами его поколения. Публикую их в сокращённой редакции.

Работа посвящается приближающемуся 100-летию «Красной звезды» — 1 января 2024 года. Как говорили ветераны, вся-то наша жизнь в подшивках газеты.

Всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания, — не отдавай всего этого за понюх табаку...
Мы умели жить.
Помни это.

Василий Макарович Шукшин

1. О ЛИЧНОМ

У КАЖДОГО ЖУРНАЛИСТА СВОЯ РАЙОННАЯ ГАЗЕТА

Журналистами вряд ли рождаются. Я о журналистике не думал.

А в 14 лет в сентябре 1968 года начался мой путь в журналистику, с районной газеты «Знамя труда».

...Первое знакомство с Геннадием Павловичем Чистяковым — фронтовиком, редактором районной газеты «Знамя труда» было заочным.

Впечатлённый яркими воспоминаниями о лагере пионерского актива на берегу Какши в Извале, который мы назвали Лапиаком по аналогии с республикой ШКИД, я написал, как теперь понимаю, эмоциональную корреспонденцию «Лапиаку не гаснуть!».

Родилась публикация 2 сентября 1968 года. И я, семиклассник, в мгновение стал местной «звездой».

До сих пор с трепетом вспоминаю те миги радости от появлявшихся с периодической регулярностью заметок, зарисовок, репортажей и корреспонденций в газете, день рождения которой совпадает с моим (я моложе газеты ровно на 24 года).

Почти ни один из материалов, написанных на листочках из школьной тетради в клеточку, не попал «в корзину».

С тех пор и началась моя журналистская деятельность, стаж которой исчисляется уже не одним десятком лет, более полувека. Не планируя ею заниматься, мечтая совсем о другом, дыша «писаниной», как воздухом, я всё-таки пришёл в журналистику.

И зародил серьёзное отношение к этой работе Геннадий Павлович, ставший, по сути, моим первым учителем в ней.

Ничего не навязывая, ни к чему не подталкивая, он исподволь подвёл меня к этому интересному, ответственному делу.

- Прочитав твою первую корреспонденцию, много лет спустя рассказывал Геннадий Павлович, я дал команду не править её, чтобы не отпугнуть юного автора. Поставили в полосу, попросил сотрудников отдела информации и «школьного» обратить внимание на начинающего юнкора.
- Геннадий Павлович, в свою очередь пошутил я, ваш несмышлёный автор так и не получил материального поощрения за пробу пера. Смутно подозревая о каком-то гонораре, ждал его с замиранием...
- Так домашний адрес надо было указать, дорогой товарищ, так же шутя, ответствовал Геннадий Павлович и, компенсируя первый в жизни

Работаем над очередным номером рукописного журнала «Мы». Слева — А. Долинин, справа — Лора Анатольевна Лаврова

заработанный гонорар, угостил «обиженного публициста» пивом, провожая коллегу в Москву на перроне шахунского вокзала.

А был ещё в моей школьной жизни рукописный журнал «МЫ», форматом с лист ватмана. Сами писали, сами оформляли от руки. Редактором являлся я, но руководила творческим процессом будущий заслуженный учитель России Лора Анатольевна Лаврова. И стихи, и репортажи, и фельетоны там мои появлялись.

Номера журнала до сих пор хранятся в школьном музее.

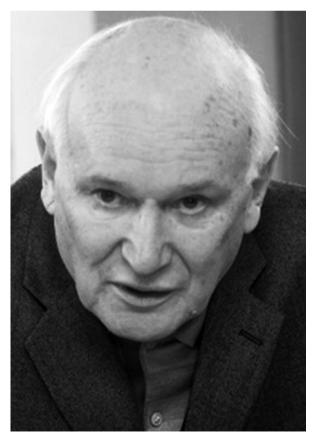
А потом, в годы солдатской и офицерской ракетной службы стал печататься в смоленских и прибалтийских газетах, в комсомольской печати, окружной газете «За Родину».

В военной газете дело шло туго: о ракетчиках открыто не расскажешь, а все остальные темы были натужны. Не сразу освоил армейский стиль.

Потом Латвийский государственный университет, отделение журналистики. Учился в нём заочно, окончил досрочно на год. Любили со мной общаться педагоги: человек в погонах вызывал интерес.

Выпускной в Латвийском государственном университете. 1980 год. На снимке Игорь Киселёв, Елена Гаврилова, Александр Долинин

Абрам Иосифович Клёцкин. Председатель Комитета по телевидению и радиовещанию современной Латвии

А меня обогащали беседы с учёным, редактором журнала «Карогс» (Культура) Рэмом Трофимовым; Абрамом Клёцкиным — ведущим киноведом республики (вёл на латвийском телевидении программу о документальном кино), лауреатом Государственной премии СССР за сценарий фильма «Легко ли быть молодым!» (документальный фильм шёл в переполненных залах страны). Один стал руководителем моей дипломной работы, другой — оппонентом.

Молодой аспирант Сергей Дауговиш открыл для нас мир фотоискусства. В Прибалтике культура фотовыставок была высока и смела.

...Продолжалась моя ракетная служба.

В 1980-е годы я стал ответственным редактором журнала «Комсомольский вестник» политического отдела Смоленской ракетной армии.

Методический журнал, который я оживлял репортажами, зарисовками, стихами, являлся первым открытым печатным изданием в РВСН. Главно-командующий наградил меня грамотой.

Внештатный журнал, внештатная должность. Но приняли меня в 1984 году в Союз журналистов СССР.

До «Красной звезды» были долгие десять с половиной лет. И не мечтал я о ней.

...И настал юбилей — тот, в котором сегодня повинен, Что родился на свет в ноябре 50 лет назад, «Краснозвёздовец», друг и товарищ — полковник Долинин, Про кого все «стратеги» по привычке «он наш» говорят.

...Точно также не вырвать из сердца и все гарнизоны, Где случалось бывать по заданиям «Красной звезды». Это Вам вместе с нею растить доводилось главкомов. И порой «доставалось» с лихвою за Ваши труды.

2004

ноября

17 СРЕПА

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ПОДГОТОВЛЕН ПРЕСС-СЛУЖБОЙ РАКЕТНЫХ ВОЙСК СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ

...И настал юбилей, - тот, в котором сегодня повинен, Что родился на свет в ноябре 50 лет назад. «Краснозвездовец», друг и товарищ – полковник Долинин. Про кого все «стратеги» привычно «он – наш» говорят.

Александр Иванович, нам горевать не пристало. Что никак не суметь взять, и «скинуть» с десяток годов. Ведь судьба - сродни жизни газетной: что в номер попало. То уже достоянием стало грядущих веков.

Кочевые армейские будни, бессонные ночи Тех дежурств боевых, что не раз доводилось нести, -Не изъять с полосы, на которой верстается очерк Офицерской судьбы, где понятие долга - в чести!

Точно так же не вырвать из сердца и все гарнизоны, Где случалось бывать по заданиям «Красной звезды». Это Вам вместе с нею растить доводилось главкомов, И порой «доставалось» с лихвою за Ваши труды.

Что ж, полковник Долинин, что было, то - было, Только все же, что будет – сегодня не меньше важней. Александр Иванович, дай Бог Вам жизненной силы, Да такой, чтоб отметить еще не один юбилей!

Чтоб, как прежде, Вам верно служили и Муза, и Память, Чтобы слог не хромал, и рождалась строка золотой... До конца оставайтесь с Отечеством, с армией, с нами, Неизменно входя к нам со свежею «Красной звездой»!

С самыми наилучшими пожеланиями -

«17» ноября 2004 года.

Коллектив Пресс-службы РВСН.

УЧРЕДИТЕЛЬ НОМЕРА: А. Вовк ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР НОМЕРА: КОВАЛЬ В.А.

Идея и оформление: Васильев М.М.

Дежурная смена номера: М. АНИСКИН Е. МАЛАШЕНКОВА А. БУЧИН

Тираж 1 экземпляр

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, **не допускаются**. Товарный знак "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА" является исключите: собственностью ФГУ "Редакция газеты "Красная звезда".

Этот номер газеты вышел 17 ноября 2004 года в единственном экземпляре. К моему юбилею. Авторы его — А.Вовк (редактор), В.Коваль(стихи). Члены редколлегии пресс-службы PBCH — М.Анискин, Е.Малашенкова, А.Бучин. Идея и оформление -М.Васильев

Павел Долинин

17 лет моей жизни принадлежат центральной военной газете. В сентябре 1990 года, когда я начал службу в столице, мой младший сын, первоклассник Павел, которого я за руку вёл в редакцию, глядя на ордена на входе, воскликнул:

— Папа, я горжусь, что ты трудишься здесь.

Много позднее он и сам начал трудовую деятельность в компьютерном отделе редакции у Юрия Милонова. И очень гордился принадлежностью к коллективу. Поэт Юрий Беличенко читал ему свои стихи — глаза в глаза...

ΔΕΛΟ СЧАСТΛИВОГО СЛУЧАЯ

Попал я в газету по воле случая, а, может, провидения. Крёстным отцом моим в этой истории стал Александр Петрович Копонев.

Вот, что написала о нем газета «Ветеран-ракетчик».

«КОПОНЕВ Александр Петрович (01.05.1938 г.р.), полковник, ветеран РВСН, Заслуженный работник культуры РСФСР.

Своей первой государственной награды — медали «За трудовое отличие» был удостоен еще до призыва на военную службу.

Окончил Высшее военно-политическое училище СА и ВМФ. 30 лет на командно-политических должностях в Ракетных войсках стратегического назначения.

Проходил службу в ракетных дивизиях в Белоруссии, Забайкалье, на Валдае и в Прибалтике (замполитом Приекульского полка, в котором я был сержантом — А.Д.).

Будучи старшим инструктором Политуправления РВСН, внес большой личный вклад в создание Музея РВСН.

Награжден орденом «Знак Почёта», многими медалями.

Уволен в запас в 1990 году.

Принимал активное участие в ветеранском движении.

Скончался 25 ноября 2021 года на 84-м году жизни. Похоронен на Лайковском кладбище г. Одинцово».

1996 г. Встреча ветеранов нашего полка, в котором я начинал службу сержантом после учебного центра. А.П. Копонев — крайний справа в верхнем ряду.

Служба в Приекульском полку и Шяуляйской дивизии сдружила нас с Александром Петровичем. Я не был в его подчинении, но по службе мы встречались. Уважали друг друга.

В 1990 году — так случилось — звонит он своему приятелю, ракетчику Анатолию Васильевичу Белоусову-редактору «Красной звезды» по РВСН И ПВО:

- Толя, как дела?
- Да начальство ругается, год должность корреспондента по РВСН вакантна. Пробуем одного за другим кандидатов — и с опытом, и с именами, но не лежит душа к ним, не чувствуют они РВСН.
 - Так возьми Саню Долинина. Он и ракетчик, и журналист.
 - Это тот майор, который опубликовался у нас на днях?
 - Δa.
- То, что он ракетчик, понимаю. А откуда журналист? В РВСН печатных изданий нет, всё секретно.
 - Он окончил отделение журналистики Латвийского госуниверситета. Так два полковника-ракетчика меня и сосватали.

Позвонил Анатолий Васильевич, на всякий случай, начальнику политотдела моей дивизии в Кармелаве (полковнику Василию Любимову), генералу Геннадию Батанову (секретарю парткома РВСН): что это за Долинин такой.

Мне при первой встрече редактор ракетного отдела Белоусов сообщил: все тебя хвалят. На что я ответил почти всерьёз: так основания, стало быть, есть.

А я в это время — изучения будущего ракетного корреспондента — находился с семьёй в Евпатории, первый раз на море выехали.

Туда и поступило по телефону предложение из «Красной звезды» — стать ракетным корреспондентом, даже без предварительной беседы.

После отпуска в первый день выхода на службу встречаю начальника особого отдела полковника Бориса Лемтюгова.

— А почему вы не в «Красной звезде»? -спрашивает.

(В общем, «просветили» меня со всех сторон).

А краснозвёздовцы с 1990 года всё разгадывали феномен: как это Долинин без Львовского училища в газете появился. Засланный, видать.

Хотя стратегических ракетчиков так в эту газету и «засылали», что Анатолия Васильевича Белоусова, что Юрия Николаевича Беличенко, Николая Белана...

17 лет исполнял я миссию корреспондента по Ракетным, Космическим войскам и Войскам Ракетно-космической обороны, последние пять-шесть лет службы в газете, одновременно занимал ряд должностей, штатных и внештатных: и корреспондента, и редактора «боевого отдела», организа-

Справа полковник Анатолий Васильевич Белоусов, редактор отдела РВ и ПВО. 1991 год

тора-редактора газеты в газете «Военный космос», первого и последнего заместителя главного редактора «Красной звезды» по воспитательной работе. Уволился в феврале 2007 года.

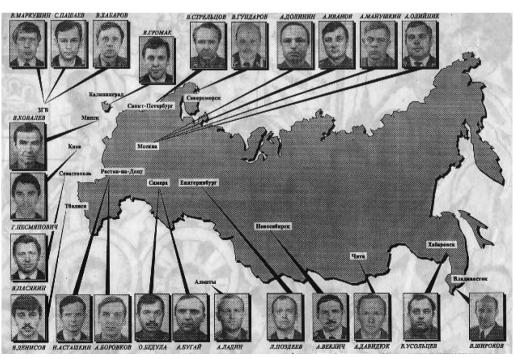
...Александр Петрович — мой крёстный по «Красной звезде» всегда и во всём был готов помочь людям. На даче у нас растёт клубника, «усы» которой он мне подарил.

Упокоился он рядом с моим младшим сыном Павлом на Лайковском кладбище. Под Одинцово. Такие вот повороты судьбы.

В «гражданских» газетах специальные и собственные корреспонденты, в нашей «Красной звезде» — постоянные, в это понятие вкладывалось всё. И писанина, и организаторская работа по подписке, по письмам, расследования, поддержание контактов с главкоматами на местах... И работали-то мы не в здании редакции, а именно на местах.

Диктую стенографистке информацию в номер

Bound 301

DOUGHOUS C P-12 M DESCRIBER

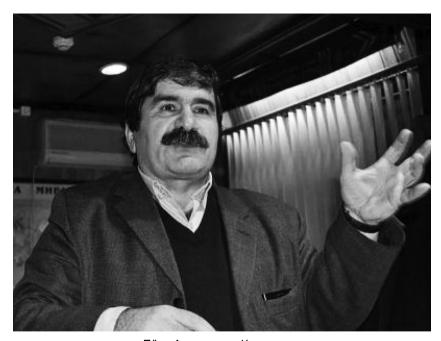
І нами положиватом для года со для вотупления в окту советско-имериченского Догозора на РСИД. В жиде аго ресли види положено милимировани ремета меньной дольности, на все наминила ракет орадией дольности умического более 60 В имери друживатего изменя Догозора по РСИД на базе Лески прекратили организация поздания Р-12. А несколько решь на осотоямие процемя с ней и П-скей части...

Не гранов и это угре присотр, не голодиловь тормотия ших резей. Или минерация, без русти работа. И нес-теми, что ин голори, общеры Инии Передовчикая, Вистор Перениили, открыки препераци Валимий Семингий, мендини серминг Сергей Пациов, рациовой Викдинир Кентин и нее другие поизмили: в приоутатими члотей, курпически инподокумителяютем сим чнорит изгорию, отказа в это белезов угре точку в судьбе ракот, нашениях в Советском Сокро Р-12, а в СПА известиях или СС-4. Их судьба били предрежими в декабря 1907 года — в день подписания Договора менду Сокова Соко сихх Социалистических Республик в Сосименциями Втетови Америки о динициписк их рекез предпей дельности и менъ-

Рукопись первой серьёзной публикации в «Красной звезде», ещё до приглашения на службу.

1993 г. Сбор постоянных корреспондентов «Красной звезды». Первый ряд-Михаил Шашуто, Анатолий Белоусов, Вячеслав Лукашевич, Владимир Урбан, Владимир Чупахин, Александр Пилипчук, Анатолий Докучаев, Виталий Мороз, Геннадий Миранович

Пётр Аршакович Карапетян

Мой корреспондентский пункт находился в Одинцово, позже во Власихе, на этаже главкома, рядом с Центральным командным пунктом РВСН.

17 лет служил я в «Красной звезде», в феврале 2007 года уволился. Всего рядом с ракетами провёл 34 года (до газеты 17 же лет в РВСН непосредственно, от рядового до майора).

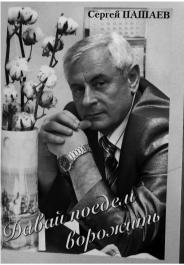
По увольнению пригласил в Издательский дом «Московия» краснозвёздовец Петр Карапетян. Семь лет здесь счастливо трудился. Возглавлял журнальную редакцию, был редактором трёх журналов одновременно — «Открытый урок. Образование Подмосковья», «Социальная защита. Подмосковье», «Местное самоуправление». Одним из верстальщиков был у нас сын Сергея Турченко.

В газете «Пенсионеры Подмосковья» был у меня целый разворот — «Клуб военного пенсионера «Служивые люди», в газете «Неделя»- свои рубрики «Арсенал» и другие, в газете «Подмосковье» вел клуб «Фронтовая землянка». Было где разгуляться! Опубликовал две книги «Луноход и люди», «Привет от уснувшего луноровера» (одну в газете, другую — в журнале).

В некоторых из этих изданий работали краснозвёздовцы — Сергей Пашаев, с ним у нас всё ладно получалось, Владимир Ермолин, Роман Бойков...

Сотрудничал внештатно по приглашению бывших краснозвёздовцев в журнале ДОСААФ (Валентин Шалкеев), в газетах «Воздушный транспорт» (Александр Андрюшков, Сергей Быстров), «Служба» (Сергей Быстров, Борис Похоленчук, с Юрием Тепловым познакомился). В газете Быстрова «Служба» публиковал материалы, которые в «Красной звезде» не пошли бы.

Сергея ПАШАЕВА многие чигателя знают как автора серии детективных и приключенческих романов («Костолом», «Операция «Аропа», «Опетрых абудьте», «Допа», «О потерых абудьте», «Насто не простит», «Картечь, «Насто не поста не «Неуд» по затителя и писла рассказов. Сбориих стихов у него — первый.

Окопчил филфак Диепропетровского госуливредител и редакторское отделение Военно-политической академин им. Ленина. До призыва в армию работал До призыва в армию работал учителем. Потом – комащир извода, роты, корреспоидент ежедиениям доенных тавет «Советский воить и «Красная зведа». Умолился из армии в авили полковника. в авили полковника в авили полковника и должность редактора и должность редактора областной газета «Неделя Подмосковы».

Фото на обложие Владимира Леболева

Слева — Елена Александровна Агапова, легендарный человек из «Красной звезды», дочь полковника, фронтовика, участника Курской битвы, специального корреспондента газеты в Польше Александра Дмитриевича Кочеткова; телеведущая Арина Шарапова...

С 2013 года тружусь в Императорском Православном Палестинском Обществе у Сергея Степашина. Здесь судьба свела с Еленой Агаповой, Иваном Иванюком.

С 1972 года Е.А. Агапова работала в газете «Красная звезда», в основном в качестве специального корреспондента. С июля 1992 года — заместитель главного редактора газеты «Красная звезда».

26 октября 1992 года назначена на должность пресс-секретаря министра обороны РФ.

В 1993 году название должности было изменено на «помощник министра обороны по связям с общественностью и прессой».

По мнению коллег, Агапова — мощный журналист, досконально разбирающийся в проблемах армии, контактная и настойчивая.

Собеседниками Елены Агаповой в ходе журналистской работы, в частности, были председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США генерал Колин Пауэлл, маршал авиации Е.И.Шапошников и другие.

ПРОМУЧИЛСЯ Я ГОД...

Второй год моей работы в газете стал одним из самых плодотворных и радостных. До этого чуть ли не в отчаяние впадал, всерьёз подумывал писать рапорт о возвращении в Ракетные войска, откуда неожиданно пригласили на службу в «Красную звезду»: ничего, казалось, не получается у меня, большого практического опыта не было, а требования предъявлялись высокие. Никто не собирался потакать начинающему корреспонденту. И тут блеснула удача!

Как-то приехал к друзьям-сослуживцам в подмосковный «космический» Краснознаменск, пригласили в музей Главного испытательного центра. Бродил я, бродил по нему в сопровождении Юрия Петровича Аренса, ветерана военно-космических сил и остановился возле... «Лунохода». Как оказалось, его технологического образца (один к одному, только без панели батареи солнечного питания).

«Луноход», «Луноход», — вертелось в голове, — это же тот самый аппарат, запущенный на Луну в день моего рождения — 17 ноября». Раз в году напоминал мне об этом настенный календарь с отрывными страницами. О машине слышали все, фотографии её запомнили, а вот о тех, кто рулил диковинным аппаратом на Земле, знали только посвященные. Посвящёнными оказались и Юрий Петрович, и друзья мои, потому как в «закрытом» городе все обо всех знают, но в силу профессиональной принадлежности к военным секретам помалкивают. Знали они и некоторых «луноходчиков».

- Что же вы молчите! Это же национальные герои, о которых мир не слышал все 22 года!
- Так у нас, в Краснознаменске, таких героев много, каждый день локтями в автобусе толкаем друг друга. Летописцев вот почему-то не находится.
- Давайте для начала найдём экипаж «Лунохода», договорились мы. И сделали это за один день. Вечером я уже беседовал с командиром экипажа Николаем Михайловичем Ерёменко в его квартире. А 23 сентября 1992 года впервые в открытой печати в «Красной звезде» появилась корреспонденция «Земной экипаж «Лунохода», ставшая моей большой удачей.

То обстоятельство, что все они были военнослужащими, на целые десятилетия обрекло их на безымянность. В многочисленных газетных публикациях, телерепортажах и книгах их называли лишь по должностям в экипаже, изредка упоминания имя-отчество. Об их участии в «лунной программе» не знали даже жены, уверенные в том, что мужья находятся просто в длительной командировке.

1992 г. Возле макета лунохода в музее Краснознаменска. С экипажем.

Рабочая группа «лунников» была сформирована из 13 человек. В эту «чертову дюжину» первопроходцев вошли: командиры экипажей Николай Еременко и Игорь Федоров, водители Габдулхай Латыпов, Вячеслав Довгань и Василий Чубукин, операторы остронаправленной антенны Валерий Сапранов и Николай Козлитин, штурманы экипажей Константин Давидовский и Викентий Самаль, бортинженеры Леонид Мосензов и Альберт Кожевников. Возглавил группу майор Алексей Чвиков. Научным руководителем программы был назначен Борис Викторович Непоклонов, единственный «гражданский» человек в этом составе. Формально группа делилась на два экипажа, но постоянными в них были лишь командир и водитель, все остальные работали попеременно, дополняя друг друга.

Скрупулезный, строгий подбор полностью оправдал себя.

Старший коллега Михаил Федорович Ребров, непревзойденный мастер ракетно-космической темы, раздосадовался в ответ на эту публикацию. «Все находилось на поверхности, я давно собирался написать о «Луноходе», — сказал он мне в сердцах.

Но был мудр: принес некоторые из своих книг (их у него более тридцати), подсказал неразработанные еще темы. Валерий Бабердин, наш космонавт — исследователь, был резче и категоричнее, не путайся, мол, под ногами, паши свою ракетную целину. А вот коллега Олег Фаличев и редактор отдела Ракетных войск и ПВО Анатолий Васильевич Белоусов, порадовались «фитилю».

Окрыленный, я и стал пахать дальше, написал еще и еще раз о неизвестных страницах космической истории, в том числе связанной уже с «Луноходом-2». Публикации сделали свое дело. Через год наши герои наконец-то удостоились запоздалых, уже российских наград — ордена Почёта. Экипаж считает, что в этом была и моя заслуга.

О «сидячих космонавтах» теперь знают многие. Они стали частыми гостями на телевидении, в редакциях печатных изданий. Мы по-настоящему подружились. Много лет подряд с бывшими сослуживцами — политработниками Володей Зверевым и Василием Ридошем организовывали устные выпуски «Красной звезды», посвящая их «Луноходу» и его дружному экипажу. Приглашали на них молодых солдат и офицеров. Участвовали в таких выпусках жены и дети «сидячих космонавтов», которые ежегодно в день запуска «Лунохода» встречаются по-семейному.

P.S. На март 2012 года из «чёртовой дюжины» живы были всего лишь четверо. Здравствовал заместитель главного конструктора по лунному направлению Олег Генрихович Ивановский, которому исполнилось 90.

В канун этого юбилея я поместил в журнале «Открытый урок. Образование Подмосковья», который редактировал по увольнению из «Красной звезды», книжку-вкладыш «Привет от уснувшего луноровера».

Позднее издал её.

А здравствуют ныне (апрель 2022 года) Вячеслав Довгань и Игорь Фёдоров. Скромно простились в конце прошлого года с ушедшим из жизни водителем лунохода Валерием Сапрановым.

«ФИТИЛЬ» СПОРТСМЕНАМ

Звонок застал меня в корреспондентском пункте «Красной звезды»:

- Скорее ко мне! Тебе будет интересно.

Звонил Александр Николаевич Кондаранцев, начальник политического отдела центрального узла связи Ракетных войск. Человек серьезный, шутить не будет. Бегу. Открываю кабинет, а там...Виктор Васильевич Тихонов! Да-да, тот самый легендарный хоккейный тренер. Хозяина в кабинете нет, а гость настоящий, живой, расхаживает перед зеркалом и медаль хрустальную на груди прилаживает. Буквально вчера, как выяснилось, прилетел после триумфальной зимней Олимпиады в швейцарском Альбервиле, где победил неожиданно для многих со своей молодой командой — детсадом, по его словам, и получил впервые вместе с игроками хрустальную медаль в золотом обрамлении. Я бросился ему на грудь, как к родному!

– После всех олимпиад, чемпионатов мира Виктор Васильевич, — рассказал мне потом полковник Кондаранцев, — приезжает к нам, на узел связи со своеобразным отчетом по их итогам. Повелось это давно. Он дружит с Николаем Ивановичем (генерал-майором Чернухой, начальником узла связи — А.Д.) любит отдыхать в ракетном санатории «Фрунзен-

ское», даже свою «Волгу» полковник Тихонов в нашем автопарке держит. Вот так! Ну, пошли, а то народ уже в нетерпении!..

Виктор Васильевич под аплодисменты зашел в зал, скромно занял место за столом президиума. По всему чувствовалось, что здесь ему легко дышится, и он рад встрече с офицерами, давними друзьями и верными болельщиками. Да и как не радоваться — такая победа!

– Верил ли кто из нас в победу хоккейной сборной Содружества независимых государств (Советского Союза на то время уже не стало — А.Д.), на Олимпийских играх? — начал Виктор Васильевич свой отчет.

Я максималист по натуре и всегда нацелен на победу, но на сей раз и сам был готов, правда, в душе, довольствоваться малым...

А они, его подопечные, совсем ведь молодо-зелено, вопреки всему и всем победили, подарив миру не только красивую победу, но и надежду, что не все еще в нашем бывшем доме потеряно. Лучшим тренером мира назвал Виктора Тихонова президент Международного олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч и вручил ему большую олимпийскую медаль.

Глядя в лучащиеся глаза Виктора Васильевича, вспомнил эпитеты, какими его награждала тогда пишущая братия: загадочный, неулыбчивый, диктатор. Кому-то хотелось видеть его таким, я же увидел Тихонова совсем другим. Но послушаем рассказ его самого:

– В жизни и в стране так сложилось, что все тяжести легли и на большой спорт. Несколько лет назад началась атака на ЦСКА — всегда бывшего кузницей нашего хоккея. Сначала подвергли сомнению признанный во всем мире опыт создания команды — лидера, потом замахнулись и на самих «звезд». А наши хоккеисты в большинстве своем оказались большими мастерами в спорте, в жизни же — уязвимыми и незащищенными людьми. «Внутренние иноземцы» сделали свое дело. Лучшие форварды подались за рубеж, обескровливая команду. Что требовалось в этой ситуации от тренера? Защищаться, на чем настаивали родные, близкие и истинные доброжелатели хоккея. Поддавшись, решил ввязаться в борьбу за спасение команды посредством гласности. Подготовили несколько публикаций, отсняли полуторачасовую программу для телевидения, но все это не увидело свет. И потому что не захотели редакторы, и потому, что сам, в конце концов, понял: не самый это надежный способ защиты команды и ее интересов. Эта борьба могла отвлечь от главного — от хоккея. Наш главный аргумент в споре — работа, победы. Они становятся послесловием всех журнальных и иных баталий вокруг команды.

В такой атмосфере готовились к Играм. Тяжело все далось. И то, что оказались без Гимна, Флага, своей символики, отнюдь не прибавляло настроения. Откровенно говоря, стыдно было даже за экипировку. О внеш-

ней стороне дела можно было бы много не говорить, но ведь и она отражает существо произошедшего со страной.

В канун Олимпиады мы оказались как бы безродными, ничейными. Не случайно западные журналисты так настойчиво задавали нам вопросы, чья мы сборная, России или СНГ с непонятным пока будущим этого аморфного образования. Это больно задевало меня, еще мучительнее вставал вопрос перед хоккеистами, которые, в сущности, были совсем мальчишками. Они ведь только в хоккейных доспехах выглядят богатырями, а как снимут их — безусые юнцы. И важно было вселить в их души чувство Родины. Без этого нет большого спортсмена, нет уверенности в своих силах. И я сказал им: «У каждого из нас есть Родина, есть родные и близкие. Они за нас переживают. Во имя их мы живем. Не безродные мы, а самые что ни на есть родные». Это ободрило, давало стимул в игре.

Организационная сторона выглядела не проще. Только за два последних года мы потеряли 15 ведущих игроков. Одни уезжали за океан легально, другие обманом. Уезжают мастера и из команд соперников, но ведь там — единицы, а у нас — почти командным составом. Испытывали мы и большие материальные затруднения. Ни от государства, ни от военного ведомства дотаций не было. Что это значило — понятно. Одна клюшка отечественного производства стоит более сотни рублей. А хоккеисты за тренировку ломают не по одной. Переезд из Швейцарии во Францию потребовал тысяч и тысяч. Хорошо, выручили спонсоры.

Отвлекаясь на это, вспоминаю, что нашлись после войны в нашем государстве средства на создание детских спортивных школ. При карточной системе, в обескровленной стране собирали мальчишек с улицы в большой спорт. А тут, похоже, президенты независимых государств забыли о спорте. К слову сказать, перед финальным матчем только Президент России прислал нам напутственную телеграмму...

Словом, подготовка к Олимпиаде велась в режиме самовыживания. Но руки не опускали. Если не мы, то кто же должен был поднять тот груз. Просмотрели мы более 50 кандидатов в сборную, оставили 33, а мест в сборной — на десяток меньше. Все кандидаты были практически равны по силам, без всякого международного опыта. Комплектуя команду, руководствовались одним принципом: нужны парни с характером, готовые к полной самоотдаче.

Учли и то, что играть предстояло в среднегорье, где лучше акклиматизируются как раз не атлеты. Учитывали и другие факторы. То, что шведы ехали на Олимпиаду в качестве чемпионов мира, то, что нашу игру и наши методы многие другие команды давно взяли на вооружение. И судейство стало иным, и отношение зрителей к нам поменялось. Что, кстати, полностью подтвердилось. Единицы из зрителей боли за нас на олимпийских трибунах. На финале до хрипоты поддерживали наши фигуристы и другие спортсмены СНГ, развернув добытое где- то полотнище ЦСКА.

Не было надежды и на наших заокеанских хоккеистов. Отпускали немногих. Да и опыт подсказывал: брать в команду следует одного — двух, не более. Поиграв за рубежом, с уходом из нашей сборной, они теряют душу.

Опыт и интуиция не подвели. Сделав ставку в основном на собственные силы, мы создали команду, которой давно не видели. Самая молодая по возрасту, она показала свое лицо. И шведы, и чехи, и канадцы с уважением пожимали нам руки. На этом фоне проявилось, однако, крайнее недовольство успехом со стороны некоторых наших «зарубежных» именитых мастеров.

Для меня же эта победа — возможность передышки. Может, прекратится, в конце концов, десятилетний прицельный огонь в мой адрес? Я еще хочу поработать. У себя на Родине. Никуда отсюда не поеду, дал слово. А на реплики, что, мол, Тихонов уже не тот и за границей работать не сможет, скажу: сумей-ка поработать у нас, в сложившихся неблагоприятных условиях для хоккея. Сейчас смотрю хоккеистов 76 — го года. За ними будущее.

Завершил я материал «Тайна главного тренера» словами: «Вот и все тайны главного тренера Виктор Тихонова и его золотой команды, покорившей мир. При всеобщем нашем разъединении они нашли силы объединиться и одержать верх над всеми превратностями судьбы. Хороший пример не только для спорта». Довольный принес его после выходных в отдел физической подготовки и спорта родной газеты. Редактор отдела бросил небрежно: положи на стол, чего уж путного, дескать, может предложить корреспондент по Ракетным войскам по его отделу.

Через пять минут прибегает:

– Старик, ты откуда это взял? Тихонов еще никому интервью не давал. Даже «Красную звезду» он не балует. Наш отдел вот уже лет пять к себе не подпускает. На что-то обиделся, на телеге не подъедешь. А тебе — то, как удалось?!

Из книги Александра Долинина «Судьба ракетная такая»

«HITPAOFAT»

Жил такой отдел в 1990-х в «Красной звезде» под именем «штрафбат». Так в просторечье именовали отдел боевой подготовки и жизни войск.

А почему «штрафбат» — так и не вспомнишь. Коллеги относились к нам весело и с уважением. И просились люди ко мне. Обиделись некоторые на отказ.

А входили в отдел Александр Богатырёв, мой незаменимый заместитель, наш начальник штаба, Ольга Божьева (от нас ушла в «Московский комсомолец»), вертолётчик Юра Авдеев, Евгений Лисанов, Сергей Северинов, Андрей Лунёв, амбициозный Константин Ращепкин, который даже три месяца первым заместителем главного редактора побывал после нас.

Дали нам проштрафившегося в отделе политики гениально необязательного, талантливого и очень обаятельного Сергея Богданова (ушёл из жизни неожиданно после ковида совсем молодым в 2022 году).

Комплектовали отдел из того, что было.

А между тем, две полосы из четырех выдавал отдел в каждый номер.

«Под шапку» шли репортажи о поездках министра обороны, почти ежедневно. С ним ездил в дальние поездки по стране Саша Богатырёв.

На снимке: верхний ряд — Евгений Лисанов, Юрий Авдеев, Сергей Северинов, Андрей Лунёв, Константин Ращепкин. Нижний ряд, слева направо — Александр Богатырёв, Александр Долинин, Василий Петрович Комиссаров, Василий Фатигаров

На снимке со мной Александр Богатырёв; народный художник России, учёный, один из авторов Российского Герба Владимир Никонов

Никто и не задумывался в руководстве, как писать эти репортажи. План рабочих поездок министра порой резко менялся, мобильного телефона у Александра не было...

По обрывкам информации от агентств, редким звонкам Александра «мастерил» я «шапочные материалы». Ходили мы с Сашей по лезвию бритвы с ними, но ни разу не свалились ни влево, ни вправо.

Попросил раз на редколлегии телефон для выездного корреспондента, подняли меня на смех: иж чего захотел!

С мобильными служебными телефонами выхаживали по второму этажу бодренькие пришлые кадровики да вороватый, наглый капитан-финансист (перезванивались ради забавы через несколько кабинетов с первым замом главного редактора).

Такое отношение было к «боевому» отделу, который заменил (подумать только!) бывшие мощные отделы боевой подготовки Сухопутных войск, Ракетных войск и ПВО, науки и образования, ВВС, молодёжный, информации — с полковниками, мастерами пера.

2004 год. Собрали пресс-службы, с которыми сотрудничали. Вячеслав Давиденко, Алексей Золотухин, Константин Ращепкин, Александр Дробышевский, Александр Долинин, Николай Ефимов, Елена Малашенкова, Анатолий Докучаев, Александр Вовк, Виталий Мороз, Юрий Беличенко, Александр Богатырёв

На некоторое время к нам пришёл прекрасный человек Василий Фатигаров, поручили ему вести военкоматы. В будущем, уйдя из «Красной звезды», он станет большим редактором.

Фатигаров Василий Юрьевич. Начальник федерального казенного учреждения «Объединенная редакция МВД России», полковник внутренней службы. Родился 20 октября 1968 года в Москве, выпускник Военного университета (юриспруденция) и Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (информационная политика). Военную службу проходил в средствах массовой информации Минобороны России, в 2009 году уволен в запас в звании «капитан 1 ранга» с должности «член редколлегии газеты «Красная звезда». Работал в Аналитическом центре при Правительстве Российской Федерации. С января 2013 года на службе в Министерстве внутренних дел — главный редактор интернет-редакции ФКУ «Объединённая редакция МВД России». 18 апреля 2014 года приказом МВД России назначен на должность начальника ФКУ «Объединённая редакция МВД России».

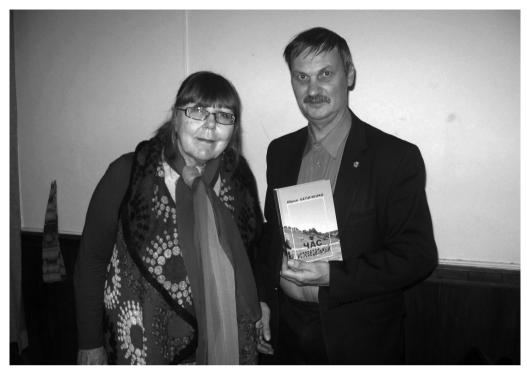
.... Бережно и осторожно относился ко всему, что касалось моих любимых войск, порой вводя в заблуждение и наших невероятных партнёров. Потому отчасти материалы мои тщательно анализировала американская разведка. Представители её, было, выходили на меня, приезжали в «Крас-

Командировка в Иркутскую ракетную дивизию. 1999 г. А.Долинин, Г.Миранович, Ю.Беличенко, Михаил Городецкий (офицер политотдела)

Два поэта в семье

На представлении книги Юрия Беличенко «Час исповедальный», изданной Евгением Артюховым. В Союзе писателей России. На снимке: Ольга Ермолаева, супруга поэта, и его друг Михаил Анискин.

ную звезду». Как раз в то время, когда при Ельцине по пять месяцев не платили денежное содержание. Наверное, знали, что у меня трое детей — школьников. Уж не завербовать ли хотели? А я-то не поддался, не выдал государственных секретов, да ещё и отшил их. Сейчас могу признаться, что в это время по ночам охранял железобетонный комбинат, пряча свой служебный уазик в кустах, чтобы утром примчаться вовремя на корреспондентский пункт «Красной звезды» как ни в чём не бывало.

Что генеральный конструктор «Тополя» Юрий Соломонов, заместитель генерального Лев Соломонов (старший брат) были со мной в приятельских отношениях и считали, если Долинин приехал на пуск, то он будет удачным. По стечению обстоятельств так и было. Стал я у них своеобразным талисманом успеха.

А по Генеральному штабу, как рассказал мне главком, гуляло исследование дотошного американца «Будущее российских стратегических сил». В основе его на 80 процентов были мои публикации в «Красной звезде» — от заметок до аналитических материалов.

Некоторые пассажи были просто любопытны: в Конгрессе США утверждают, что Россия медленно уничтожает свои ракеты, а вот Долинин пишет (с указанием, даты, номера, газетной страницы)...

Активно работали мы с пресс-службами, особенно РВСН, Сухопутных войск (майором был тогда нынешний генерал Игорь Конашенков). Полагались на активных посткоров — Вадима Коваля, Александра Хроленко, Александра Веклича — будущего полицейского генерала, Аркадия Пинчука, Олега Починюка...

«Твои гарнизоны, Россия!» — такую рубрику вели мы с Геннадием Мирановичем. Фактически стала она моей авторской. 18 очерков из 21 опубликованного написал я. Все они вошли позднее в книгу «Судьба ракетная такая».

Ветераны Геннадий Миранович и Юрий Беличенко дружили с нами, с удовольствием ездили в командировки от отдела и писали очерки на целую полосу.

Когда отдел встал на ноги, руководству захотелось поставить во главе его Геннадия Мирановича, у меня за спиной, состряпав приказ и пытаясь внезапно объявить его на редколлегии.

Мы с Мирановичем крепко повздорили тогда, по-русски поговорив.

С Геннадием мы дружили до конца его жизни. Не удалось нас столкнуть. Раньше его ушёл из жизни Юрий Беличенко. Мы с его женой, другом, поэтом Ольгой Ермолаевой издали после ухода Юрия книг больше, чем он увидел при жизни.

ЮБИЛЕИ, ФИЛЬМ

Полувековой юбилей свой в 2014 году отмечал я в «Красной звезде».

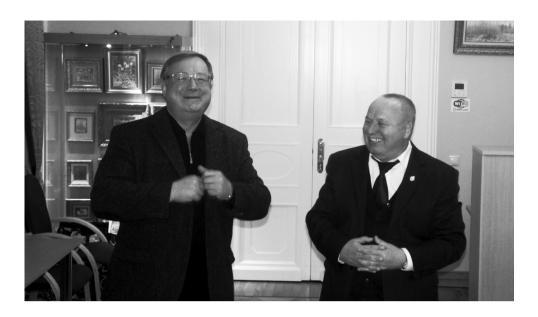
...Через десять лет на моём юбилее по случаю 60-летия уже вне стен редакции порадовали сюрпризом. Миша Анискин создал фильм. А стихи к нему, оказывается, написал Саша Богатырёв — мужик строгих правил в письме, лирики не допускал, а тут — на тебе!

К слову сказать, предпосылки к лирике у него были: прославил полкового кинооператора из Юрьи Михаила Анискина — и призвали его в пресс-службу РВСН. Зарисовка Александра называлась «Майор Hitachi», она восхитила мэтров Беличенко и Мирановича.

Александр прослыл человеком поступка. Немногословен. Однажды в этой же Юрье так защитил честь Юрия Николаевича Беличенко, что пытавшийся обидеть его полковник-лётчик на наших глазах в один миг оказался ...под столом.

На снимке: первый в мире водитель лунохода Вячеслав Довгань, первый начальник политуправления Военно-космических сил, мой начальник в Смоленске генерал-лейтенант Игорь Иванович Куринной, народный художник России, учёный Владимир Никонов

Отмечали мой 60-летний юбилей в узком кругу. В Центре Императорского Православного Палестинского Общества. Сергей Вадимович Степашин пришел на праздник. Супруга Мария собрала стол...

В 1999 году наградили меня орденом Почёта, единственного из числа постоянных корреспондентов. Был у газеты в ту пору юбилей.

Из стихов к фильму

Он многое для нас — коллега, друг, Полковник настоящий, мастер слова. Он стал таким не сразу и не вдруг. История как будто бы не нова:

Родился вдалеке от городов, Ни покровителей не знал, ни фарта, И стартовал с ракетного он старта Заправщиком. А дальше — без скачков,

Уловок и ловкачеств карьериста Шёл войсковым извилистым путём, Не раздвигал товарищей локтём, Чинов не покупал, не льстил речисто.

Пришёл майором в «Красную звезду» Из войск секретных, без мохнатых рук, Ничей не сват, не брат, не сын, не друг И устоял на этом скользком льду,

Где мэтр на мэтре на квадратном метре, Поэты, кавалеры орденов... Не всякому дано в столь ярком спектре Стать новой краской. Мир творцов суров...

Он стал. И не одним из проходящих. Он стал явленьем, новою строкой, Строкой из слов живых и настоящих, Строкой как будто не совсем мирской.

Нет, не поэт, священник дальний, вятский Его в погонах ангелом нарёк, В одно касанье мудрый пастырь смог Узреть талант редчайший, христианский

Любить людей без пользы и расчёта, Детей, друзей, приятелей, коллег, Ребят из экипажа Лунохода, И тех, кто жив, и тех, кого уж нет. Его любовь не ждёт любви ответной, Он любит, не умея не любить, Его любовь нас греет незаметно, Но без неё заметно хладней жить.

Господнего не прочитать нам плана. Кто знает, что потом, и что теперь. Но к Палестине Православной дверь Не всем открыта. Поздно или рано Наш юбиляр не смог бы не прийти

Туда, где стены дышат добрым делом, Где с новой силой можно свет нести, Гордясь — а почему бы нет? — своим уделом...

Не только лишь тебя, СЕБЯ поздравить Нам хочется с рождением твоим. Любя людей, ты многими любим И, видит Бог, тебя нам в радость славить!

Четверостишия в фильме Михаила Анискина исполняли Александр Богатырёв, Дмитрий Андреев, Николай Кухар, Геннадий Миранович, Николай Ефимов, Илья Панин...

КЛУБ РЕДАКТОРОВ

В 1999 году создал Геннадий Миранович Клуб редакторов. Клуб он и есть клуб с членством редакторов отделов, бывших и настоящих.

Собирались побалагурить, поздравить с юбилеями, поделиться радостями, помянуть товарищей...

Устав существовал у нас, Служба безопасности работала (её возглавлял Владимир Кузарь, он давал заключение о благонадёжности новых членов), культурное сопровождение перешло со временем под моё начало. Писали заявления, кто в стихах, кто в прозе.

У председателя Геннадия Мирановича (до конца жизни исполнял он эту должность) существовали атрибуты власти — хрустальный колокольчик для наведения тишины, деревянная хохломская ложка для причастия водочкой принимаемых...

Так они и остались без хозяина в сейфе, когда он уехал умирать в родную Белоруссию.

Последнее заседание провели мы в Центре Императорского Православного Общества. Посмотрели выставку картин народного художника Владимира Никонова, я рассказал об истории Общества, провёл короткую экскурсию по старинному зданию.

Геннадий доложил о праздновании своего юбилея, я поделился новой книгой, приняли в Клуб Александра Богатырёва и Дмитрия Юрова.

Участвовали в заседании прощального, как вышло, Клуба Анатолий Докучаев, Олег Фаличев.

На встрече ветеранов «Красной звезды» в Императорском Православном Палестинском Обществе. Слева направо: Валентин Шалкеев, Олег Фаличев, Геннадий Миранович, Александр Долинин, Александр Богатырёв

Александр Богатырёв с Анатолием Докучаевым

Дмитрий Юров, Александр Богатырёв приняты в Клуб редакторов. Геннадий Миранович поздравляет молодёжь.

Алексей Пиманов вручает приз Владимиру Кузарю. 95 лет «Красной звезды»

«ВОЕННЫЙ КОСМОС»

В 2001 году создали в России новый вид Вооружённых Сил — Космические войска. Вышли они из шинели Ракетных войск стратегического назначения, в которых рождены изначально, позднее оформлялись в виде различных воинских формирований.

Я и «вёл» их по принадлежности. В 2002 году благодаря усилиям генералов Ивана Хоменко и Владимира Поповкина создали мы в газете приложение «Военный космос».

Выходил он ежеквартально в форме — газета в газете. Я его редактировал.

Единственным космонавтом из Космических войск стал полковник Юрий Шаргин. Он с орбиты слал в редакцию репортажи о полёте.

Споро работали мы с Сашей Богатырёвым, Сергеем Севериновым. От Космических войск к нам «прикомандировали» Виктора Заботина и Игоря Сергиенко.

В редакционной коллегии спецвыпуска состояли также Алексей Кузнецов, Вячеслав Довгань, Виталий Денисов, Сергей Богданов, Игорь Подгурский, Дмитрий Макаров, Игорь Самарёв, Юрий Иванов.

Игорь Самарёв делал замечательные фотоколлажи на открытие номера.

2003 г. В штабе Космических войск. Командующий Космическими войсками, земляк мой генерал-полковник Анатолий Перминов, Президент России Владимир Путин, министр обороны РФ Сергей Иванов, Александр Долинин

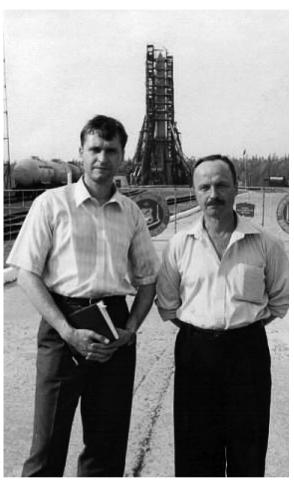
Я вручаю Юрию Шаргину удостоверение корреспондента «Красной звезды». Справа — Юрий Батурин, бывший советник Президента РФ, дважды слетавший в космос.

У командующего Космическими войсками генерал-полковника Анатолия Перминова. Александр Богатырёв, Александр Долинин слева. Крайний справа Вячеслав Давиденко.

На представлении моей книги «Судьба ракетная такая» в Лермонтовском обществе. 2007 г. Слева направо: Александр Богатырёв (ныне в Службе Протокола Президента РФ), Сергей Северинов (ныне сотрудник МИД), Дмитрий Андреев (ныне полковник, сотрудник пресс-службы Минобороны РФ).

С Вячеславом Давиденко на запуске космической ракеты в Плесецке

В кабинете редакции № 305. Фото Александра Пинчука

Газета наша получалась и яркой, и содержательной. Она вобрала в себя всю историю «космоса в погонах», освещала современное состояние войск.

Семь лет выходила газета «Военный космос».

Dunson

ФЕДЕРАЦИИ КОСМОНАВТИКИ РОССИИ

DIPLOMA

OF THE COSMONAUTICS FEDERATION
OF THE RUSSIA

НАГРАЖДЁН

ДОЛИНИН Александр Иванович

3.4 АКТИВНУЮ РАБОТУ ПО ПРОПАГАНДЕ
ДОСТИЖЕНИЙ И ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕНИОЙ КОСМОНАВТИКИ
И В СВЯЗИ С 50 - лением СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.

Президент Фодерации космониванный Рассии

All Frances

19 no

200

Отестривенный хекретарь

2. НАШИ ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

ВЕЛИКИЙ МАКЕЕВ

Три десятилетия командовал главной военной газетой страны — «Красной звездой» — в народе «Звёздочкой» генерал-лейтенант Николай Иванович Макеев.

По длительности пребывания в кресле главного редактора Макеев пропустил вперёд себя только Василия Захарченко, 35 лет редактировавшего журнал «Техника молодёжи», и Анатолия Софронова, 33 года возглавлявшего журнал «Огонёк».

Когда Николай Иванович пришёл в «КЗ» её тираж составлял менее 500 тысяч экземпляров.

В розничную продажу газета не поступала. В почтовых отделениях подписка на неё не велась. И всех это устраивало.

Покидал Макеев «Звёздочку», когда та насчитывала боле трёх с половиной миллионов тиража и прочно занимала место в пятёрке самых лучших, самых любимых советских газет: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Красная звезда». Как пальцы на руке...

Из четырёх орденов, которыми была награждена военная газета за всю свою историю (Красной Звезды (1933), Красного Знамени (1945), ордена — Ленина (1965) и ордена Октябрьской революции (1974) — она удостоилась при Макееве.

Н.И.Макеев — второй слева, первый ряд

А ещё получила новое здание на Хорошевском шоссе и едва ли не самую современную в стране типографию по тому же адресу.

Однако главный подвиг Макеева на каменистой и суглинистой газетной ниве заключался в том, что он сумел возвысить авторитет «Красной звезды» до практически недосягаемой для иных изданий высоты.

Все годы, десятилетия своего редакторства Николай Иванович терпеливо, вдумчиво и созидательно выстраивал, утверждал, начиная с редакционного коллектива и заканчивая министром обороны, ГлавПУром и ЦК на Старой площади, особые, как бы нынче сказали, эксклюзивные взаимоотношения, при которых военный журналист должен был, даже обязан, соблюдая ту самую субординацию, оберегая военную тайну, тем не менее, отстаивать свою позицию до конца, критиковать всех, вне зависимости от величины звёзд на погонах, кто был не в ладах с совестью, моралью, долгом.

Макеев пережил пятерых министров обороны, включая не всегда предсказуемого Жукова и стольких же Генсеков — от «кукурузника» Хрущёва до «перестройщика» Горбачёва.

... Макеев девятый месяц находился в кресле главного редактора — нечего сказать: символический срок. И вдруг раздаётся звонок того самого Жукова Георгия Константиновича — Маршала Советского Союза, четырежды Героя и министра обороны: «Прочёл я в сегодняшней «Красной звезде» передовую статью «Военный прокурор». И хочу спросить вас, товарищ главный редактор, кто, по-вашему, руководит и командует Вооружёнными Силами — я или военные прокуроры?» И положил трубку.

Макеев срочно собрал редколлегию. А надо заметить: если кандидатов для работы в газете отбирали, тщательно рассматривая их под лупой, то на членов редакционной коллегии Николай Иванович всегда смотрел через микроскоп. Поэтому случайных людей там никогда не наблюдалось. И вот им, своим первым помощникам, главный редактор честно признался. После звонка министра обороны, сказал, я предельно внимательно перечитал передовую, вник, что называется, в каждое её слово и убедился: Жуков прав вовсе не потому, что он наш главный начальник. Самоё статью следовало выстраивать иначе. Да, от блюстителей порядка в жизни и деятельности воинских коллективов зависит многое. Но далеко и вовсе не всё. То, что якобы «все мы ходим под прокурором» — исключительно обывательский взгляд на действительность. Ибо за правопорядок, соблюдение законности в войсках и на флоте, как и за всё прочее, из чего состоит воинское бытие, всегда отвечает командир-единоначальник. Как раз этого акцента в передовой и не оказалось. Вперёд нам всем наука. Будем работать, а бог не выдаст, свинья не съест. И больше никаких телодвижений главред не предпринял. Что Жуков тоже оценил по достоинству, ибо не любил подобострастных, каблуками щёлкающих...

Ровно через год Николаю Ивановичу пришлось отчитываться о деятельности «Красной звезда» на заседании коллегии Минобороны. Как раз в те времена первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущёв где-то высказался, относительно того, что газеты подчас «увлекаются смакованием негатива», критикуют всех и вся, не вникая в суть дела, не предлагая каких-либо конструктивных мер по устранению недостатков. Эти довольно общие рассуждения первого лица в партии некоторые доброхоты попытались отнести к «Красной звезде», на страницах которой критических материалов наблюдалось предостаточно.

Макеев всегда полагал неудачным номер «КЗ», в котором отсутствовала хотя бы одна остропроблемная или даже фельетонная публикация. Так что вовсе не случайно на том заседании коллегии министерства прозвучали предостережения: критический пыл военным журналистам следует поубавить. А то, дескать, некоторые краснозвёздовцы уподобляются тем горе-писакам, о которых говорил товарищ Хрущёв. Макеев чётко и внятно (это он умел делать блестяще) изложил свою редакторскую позицию относительно критики и самокритики в армии, на флоте. Однако те объяснения во внимания не приняли и объявили ему выговор.

На следующий день позвонил генерал — секретарь коллегии: «Николай Иванович, дорогой, вот оформляю протокол после вчерашнего заседания и никак в толк не возьму, а за что конкретно тебя наказали? Помоги, пожалуйста, сформулировать претензии к тебе». Главный редактор спокойно ответил: «Извините, но в таких делах я советчиком быть не могу». Выписка из приказа о выговоре в редакцию так и не поступила. А Макеев «выводы из критики» сделал по-партийному правильные: организовал внештатный отдел фельетонов, только сотрудника в него посадил штатного. (Известен редакционный фельетонист полковник Александр Иванович Дровосеков, который был приписан к секретариату и регулярно выдавал нагора свою продукцию, типа «Баран с прицепом», «Бани исчезают в полночь»).

В другой раз спецкор Николай Черкашин, ныне известный литератор, написал в «Красной звезде» материал о Герое Советского Союза... чистильщике обуви на Казанском вокзале. Высшие военные руководители СССР натурально озверели от той публикации. Донеслось до ЦК КПСС. Там поддали огня в полымя. Шум и гам стояли на всю ивановскую. Причём, все большие номенклатурщики возмущались отнюдь не тем, что Герой вынужден был зарабатывать себе на хлеб насущный чисткой сапог, а тем, почему именно краснозвёздовец всё это раскопал и обнародовал.

Главному редактору позвонил тогдашний начальник ГлавПУра генерал армии А.А.Епишев и устроил форменный разнос. Но они были в дружеских

отношения, что позволяло Николаю Ивановичу понизить тональность разговора и спокойно заметить:

- Алексей Алексеевич, но ведь мой корреспондент написал правду! Зло огрызнулся главный военный комиссар страны:
- Нам такая правда не нужна!
- Извини, но всё равно наказывать Черкашина я не намерен. Епишев крякнул и разговор прекратил.
- ...Где-то в начале 1960-х «Красная звезда» совместно с Центральным домом Советской Армии проводила конкурсы на лучшее решение шахматных задач. В одном из них в числе призёров оказался читатель с такими же фамилией и инициалами, как у тогдашнего министра обороны Р.Я. Малиновского. Николай Иванович позвонил Маршалу: «Родион Яковлевич, не удивляйтесь моему вопросу. Но в решении шахматных задач принимал участие Малиновский Р.Я. Это вы или ваш однофамилец?»
- «Конечно, я. Понимаешь, Николай Иванович, я люблю шахматные задачи. Но времени искать их у меня нет. Вот и решаю те, что в газете. А посылал ответы по моей просьбе адъютант только лишь для того, чтобы проверить их правильность»
- «Вы очень хорошо решали и вышли победителем среди более, чем сотни претендентов. Могу я как-то обнародовать эти итоги?»
 - «Нет, Коля, мне достаточно твоего сообщения».

Так никто не узнал, что победителем конкурса стал министр обороны.

...Макеев родился 22 мая 1911 года в селе Новобатайск под Ростовом-на-Дону. Трудился на сельхозработах с детства. После окончания средней школы №9 (это старейшее учебное заведение в Ростовской области появилось в 1876 году) по рекомендации райкома партии и комсомола поступил в Коммунистический институт журналистики имени В.В.Воровского. Окончив его с отличием, получил право выбора будущего места работы и потому остался в Москве. Писал в различные столичные издания, пробовал себя на радио. И как-то так получилось, что больше всего Николая Макеева увлекала оборонная, военная тематика. Оно и неудивительно: предвоенное время, словно предгрозовое, пульсировало повышенной концентрацией милитаризованной напряжённости. Поэтому тридцатилетний журналист в июле 1941 года становится слушателем военно-воздушного факультета Военно-политической академии. Полгода ускоренного курса обучения и Макеева назначают начальником отдел фронтовой жизни в газете BBC «Сталинский сокол». Через год он её возглавит. А после Победы вновь засядет за учебники, постигая военное искусство в Военной командной академии имени М.В.Фрунзе. И здесь по выпуску получает красный диплом, а заодно очень высокий пост — заместителя начальника отдела печати Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

С этой должности Николай Иванович и приходит в «Красную звезду» редактором ведущего отдела пропаганды в 1950 году. В то время газетой командовал генерал-майор В.П.Московский. Зарекомендовал себя он очень хорошо и был затребован на работу в ЦК КПСС. На его место заступил генерал-майор В.И.Штырляев. Такой себе добросовестный служака, обладавший солидным опытом работы в Генеральном штабе. Будучи уже не ответственным, а главным редактором «КЗ», он и занимался тем, что было ему ближе по душе и нраву — бытом редакционных сотрудников, их семей, командирской учёбой военных журналистов. А вот к сугубо редакторской деятельности интереса не испытывал. К тому же не сложились у Василия Ивановича отношения с министром обороны Маршалом Советского Союза Н.А.Булганиным. Николай Александрович вышел с ходатайством перед ЦК КПСС: верните, дескать, Московского хотя бы на время, чтобы он подготовил достойного главного редактора для главной военной газеты.

Василий Петрович без колебаний аттестовал на эту ответственную должность Макеева.

Николай Иванович был живым человеком. Конечно же, имел свои недостатки. Только он представлял из себя «руководителя ленинского типа» в исконном, а не постперестроечно-ерническом понимании этого термина. Он прекрасно понимал, что является примером, ориентиром для всего многочисленного военного идеологического коллектива и потому вёл себя соответственно. Всегда. В большом и в малом. Даже в самом страшно сне нельзя было представить Макеева замешанным в чём-то предосудительном, недостойном звания коммуниста, офицера, гражданина. У него случались выговоры, порой внушительные и грозные, но в 99 случаях из 100 — за поступки и действия его подчинённых, а не за личные просчёты.

И эти свои командирские вериги Николай Иванович тоже нёс достойно и мужественно, не сетуя и даже не кряхтя от спорадической бестолковости «дорого личного состава». Он всегда был главной и самой надёжной инстанцией. И — защитой. А каким был всегда стройным, подтянутым.

Сколько бы ни длились бесконечные совещания, никто не видел Макеева усталым, с потухшим взором, не приведи господь зевнувшим. Уже прилично разменяв восьмой десяток лет, он, как и в молодости, бегал по утрам трёхкилометровые кроссы. Правда, машина с мигалкой всегда следовала за ним поодаль. Раз — другой в год Макеев выезжал за границу. Как-то, возвращаясь из-за рубежа, Николай Иванович попал в авиакатастрофу и лишь чудом остался жив (ему помогла спастись женщина-партработник, ставшая потом сестрой по жизни).

И без того мощный, парадоксальный ум Макеева, после катастрофы приобрел еще и некоторую элегичность. Он чаще стал вспоминать о Библии, об Экклезиасте, о том, что всё суета...

Вот любимчиков в редакции Николай Иванович имел. Некоторые из них: полковники Вячеслав Гаврилин, Михаил Ребров, Александр Беляев, подполковники Валерий Манилов, Владимир Возовиков, Юрий Беличенко.

Вячеслав Михайлович Гаврилин сносно владел несколькими языками, побывал более, чем в ста странах мира, освещая различные спортивные состязания. Уйдя из «Красной звезды», возглавил «Советский спорт». Был заместителем председателя Госкомспорта СССР по международным вопросам, вице-президентом Национального олимпийского комитета СССР, первым вице-президентом Международной ассоциации спортивной прессы.

Валерий Леонидович Манилов дослужился до генерал-полковника — первого заместителя начальника Генерального Штаба ВС РФ.

Михаил Фёдорович Ребров возглавлял у нас единственный в стране и в мире отдел науки, техники и космонавтики. Любимец Сергея Королёва, он прошёл полный курс подготовки для полётов в космос. Написал более 30 книг.

Признанными советскими писателями были Александр Павлович Беляев и Владимир Степанович Возовиков, а Юрий Николаевич Беличенко по праву считался у нас одним из лучших военных поэтов.

В поздравительной телеграмме в адрес «Красной звезды» по случаю награждения её орденом Ленина великий русский писатель, Герой Социалистического труда, лауреат Нобелевской премии Михаил Шолохов написал, что гордится своим сотрудничеством с такой замечательной газетой. А ещё гордится тем, что её возглавляет его земляк.

Бывший заместителем у Макеева, генерал-майор Иван Сидельников написал о своём начальнике: «Тридцать пять лет я работал под началом Николая Ивановича, в одной, так сказать, упряжке. В отношениях со мной, как и со всеми офицерами, сотрудниками редакции всегда он оставался таким же внимательным, доброжелательным, чутким к нашему духовному настрою и состоянию, одинаково уважающим человеческое достоинство руководителя отдела и литературного секретаря, машинистки и корректора, библиотекаря и фотографа, линотиписта-наборщика и печатника.

Нисколько не погрешу против истины, если скажу: Макеев был для всех нас образцом порядочности, совестливости, принципиальности, светлой и благородной духовности. Его порой жесткая, но всегда справедливая, осмысленная требовательность к нам по работе, по исполнению воинского долга сочеталась с искренним, идущим от сердца стремлением оградить нас от налёта благодушия, самоуспокоенности. В моем дневнике есть за-

пись по этому поводу: «Все больше и больше убеждаюсь: Главный совершенствует нас не окриком, не разносом, а терпеливым убеждением».

К 100-летию со дня рождения Макеева полковник Виталий Мороз написал в «Красной звезде» большой очерк о нашем Главном. Заканчивается он словами: «Тридцать лет оставаться на посту главного редактора центральной газеты в XX веке, работать под присмотром пяти очень разных по характеру министров обороны — это, как считают, своеобразный рекорд. В новое время, когда у руководителей средств массовой информации совершенно иной правовой статус, он, можно полагать, будет побит. Но в истории отечественной журналистики вряд ли будет другой редактор, заслуги которого были бы столь высоко оценены государством.

Среди наград Николая Ивановича Макеева десять орденов: Октябрьской Революции, Отечественной войны I и II степени, два — Трудового Красного Знамени, три — Красной Звезды, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени и «Знак Почёта».

Нет, не одними выговорами обозначен творческий путь многолетнего руководителя «Красной звезды». Высшей же наградой для Николая Ивановича было искреннее уважение в журналистском сообществе. Память о нём светла».

Полковник в отставке Михаил Захарчук

МУДРЫЙ И ОСТОРОЖНЫЙ ПАНОВ

На снимке: И.М.Панов с начальником Главного политического управления генералом армии А.Д.Лизичевым.

Увидев этот снимок у меня в кабинете, Иван Митрофанович попросил Павла Герасимова сделать копию: а то жена считает, что я начальников боюсь, признался он. А вот фотодоказательство иного.

12 мая — день памяти генерал-лейтенанта Ивана Митрофановича Панова. С июля 1985 года по март 1992 года он возглавлял центральную военную газету «Красная звезда».

Панов в ней трудился с 1960 года. Прошёл все ступеньки не самой впечатляющей иерархической редакционной лестницы: корреспондент; «передовик» (редактировал так называемые флаги номера — передовицы); заместитель, редактор отдела боевой подготовки Военном-Морского Флота; первый заместитель и, наконец, главный редактор.

...После окончания военно-морского училища Панов попал служить на крейсер «Свердлов» Балтийского флота. Командир, внимательно рассмотрев молодое пополнение, распределил всех по боевым постам. Худого, как жердь, какого-то шарнирного Панова, на котором форма сидела, словно седло на корове и вдобавок еще в фуражке отсутствовала пружина, офицер в сердцах отправил «в обоз» — к политработнику. Через пару

месяцев, однако, он затребовал нескладного Панова на первую боевую часть (БЧ-1):

— У этого парня, — заметил удивленным офицерам, — пружина, оказывается, не в фуражке, а в голове.

Иван Митрофанович Панов действительно был умницей из умниц. И совершенно неконфликтным человеком, которого, по-моему, просто невозможно было вывести из себя. Работать он мог с кем угодно.

Когда Иван Панов выступал на летучках и прочих редакционных собраниях, его слушали, не закрывая рта.

Владимир Чупахин, который сменил его на должности главного редактора, вспоминает:

- Меня всегда восхищало пановское мастерство редактирования текстов. Он мог, конечно, забраковать материал насмерть, но не было не единого случая, чтобы он чей-то текст переписывал. Нет, его стилем была «точечная» правка, эдакие мазки мастера на ученическом полотне, которые всё вдруг заставляют играть совсем иными красками и придают всему глубинный смысл, о котором сам автор в общем-то поначалу и не догадывался.

Первый день путча 19 августа 1991-го. Тогда нам, молодым, ретивым, казалось: Панов не просто осторожничает — трусит. И только со временем я понял: решать так, как он решал, это было, видимо, самое мудрое, что можно было сделать. Минобороны молчало, ГлавПУР молчал. На моих глазах Панов трижды звонил по «кремлёвке» Язову. Но порученцы каждый раз отвечали: «Министр отдыхает. Велено не беспокоить». Недоступен был и Шляга, начальник ГлавПУРа. Молчал и Манилов, начальник Управления информации Минобороны. Что было делать главреду центральной военной газеты? Взять и встать под флаги ельцинистов, как это сделали некоторые высокопоставленные генералы? О, это сделало бы Панова эдаким «светочем демократии». И не увольнение из армии ему бы светило, а, возможно, какие-то новые витки карьеры. Но, впрочем, подобный вариант бессмысленно рассматривать даже гипотетически. Панов с его убеждениями никогда бы на такое не пошёл. То был ПАНОВ!

Запомнилась беседа, состоявшая уже после поражения путча. Панов вызвал меня и приказал:

— Срочно готовьте справку «К вопросу о названии газеты «Красная звезда». Нам надо подготовиться к тому, что судьбу нашей газеты будут решать те, кому безразлично многое из того, что для нас дорого. Им наплевать, что «Красная звезда» — газета с великими традициями. Их не трогает то, что в годы Великой Отечественной — это была газета №1, в которой работали Симонов, Эренбург, Шолохов, Сурков. Им вряд ли интересно то, что в лучшие времена тираж «Звездочки» превышал 2.5 мил-

лионов экземпляров. Им до лампочки то, что есть огромное количество людей, причем не только военных, которые душой прикипели к нашей газете. Для нынешних «демокомиссаров» все это — сантименты. Но их, как быков, раздражает «красный цвет», и они начнут первым делом с атак именно на название газеты. Поэтому, я вас прошу: соберите все аргументы в пользу того, что это название — не только коммунистический символ. Но самое главное — обязательно употребите термин «бренд». «Красная звезда» — это не просто название, это «бренд», которым надо дорожить. Панов и тут оказался точным предсказателем.

Панова пригласили на передачу «Взгляд». Там его нещадно «пытали». В конце концов, Любимов растерял атакующий задор и как-то сник. А умница Листьев, улыбаясь, подвел итог:

— Да, Иван Митрофанович, если б все генералы были настолько демократичны и интеллектуальны, мы за нашу армию были бы спокойны.

Стоит напомнить для полноты картины, что Панов был избран народным депутатом СССР. Причем отнюдь не по «квоте» КПСС, как многие его коллеги-генералы, а от общественной организации — Союза журналистов.

И еще. Не могу хотя бы вкратце не упомянуть, что именно при Панове несколько раз проводились весьма масштабные Дни Красной звезды в ЦПКиО им. Горького. Десятки тысяч людей приходили в парк не только, чтобы посмотреть десантные шоу или поесть солдатской каши из котла полевой кухни.

Человек жив, пока его помнят другие люди. А Ивана Митрофановича Панова очень многие краснозвёздовцы будут помнить, покуда сами живы. И генерал-лейтенант от печати заслужил по праву нашу долгую и благодарную память.

Полковник в отставке Михаил Захарчук, капитан 1 ранга в отставке Владимир Чупахин

19 августа 1991 года все посткоры «Красной звезды» получили интересную телеграмму. «В стране опубликованы новые документы. Приказываю вам оперативно, но не реже, чем дважды в сутки информировать меня о реакции на них со стороны местных органов власти, широкой гражданской общественности, военного командования и воинских коллективов». Главный редактор газеты «Красная звезда» генерал-лейтенант И.Панов.

В той телеграмме — три принципиальных момента. 1). Никогда раньше постоянные корреспонденты не получали указаний по работе непосредственного от главного редактора — только от начальника корсети. 2). Подписывались служебные телеграммы исключительно фамилиями, без указаний должности. 3). Не припомню, чтобы во внутренней переписке употреблялось слово «приказываю». Когда я пришел с телеграммой к ко-

мандующему Камчатской военной флотилией вице-адмиралу Ю.И.Шуманину, он сказал: «Молодец у вас главный редактор — прикрыл вас собой. И текст такой, что никакой прокурор не придерется».

Михаил Луканин

Я пришёл в «Красную звезду» при генерал-лейтенанте Иване Митрофановиче Панове.

Представлял меня главному редактору Анатолий Васильевич Белоусов, который самолично решал мою судьбу.

Редактор полагал, что я выпускник Львовского училища и об РВСН мало слышал. Сам он жил на одной лестничной площадке с членом военного совета РВСН генерал-полковником Виктор Семёновичем Родиным и уверовал, похоже, что в ракетных делах он кое-что соображает. (Виктор Семёнович, к слову сказать, вышел из сухопутчиков и сам многому удивлялся в ракетной жизни).

И вот, главный редактор решил посвятить меня в ракетные корреспонденты. Минут сорок он рассказывал о стратегических войсках, о их значении в судьбах мира (мы с Белоусовым скромно молчали), в конце концов спросил:

- А вы что знаете об РВСН?
- От рядового до майора, 17 лет, служил в этих войсках, скромно заметил я.
 - Так что же я вам рассказываю, а вы молчите!
 - Хотелось узнать, что главный редактор знает об РВСН.

Напутствовал он меня так:

— Вы обречены стать полковником.

Александр Долинин

Нас обреченных тогда насчитывалось до 40 человек в штате. А в нынешней «Красной звезде» по штату — только один, да и то в отставке.

Вторым моим редактором стал капитан 1 ранга Владимир Чупахин. С ним трудились в сложные годы.

САМЫЙ МОЛОДОЙ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В центре — Владимир Чупахин

За почти что столетнюю историю главной военной газеты Советского Союза и России — «Красной звезды» — её творческим коллективом руководили шестнадцать ответственных и главных редакторов. Люди то были разные, но всегда — необычные, нестандартные, чем-то выделяющиеся из массы себе подобных. И длительность их пребывания на высоком посту исчислялась по-разному.

Например, первый ответственный — Антонов-Овсиенко Владимир Александрович — просидел в кресле чуть больше месяца.

Жил он долго. В 1990-е он приходил в «Красную звезду», выходили его книги. Они продавались на входе в киоске нашей газеты.

А тринадцатый главный — генерал-лейтенант Макеев Николай Иванович — руководил «Звёздочкой» тридцать лет с гаком.

На долю пятнадцатого главного капитана 1 ранга Чупахина Владимира Леонидовича, которому в 2022 году исполнилось 70 лет, выпали самые смутные шесть, так называемых постперестроечных лет, прозванных в народе «лихим ельцинским временем».

В тревожный поставгустовский период славная история «Красной звезды» висела на волоске и вполне могла оборваться. Белодомовских рефор-

Фронтовой главный редактор Давид Ортенберг.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 230 (4985)

30 сентября 1941 г., вторник

ЦЕНА 15 КОП.

Борьба с фашизмомсвященный долг молодежи всего мира

В Москве состоялся антифацистский ми- извергом-Гитлером стран, тинг молодежи. Гневом и страстью дышали боевой дух, зовет к активным выступлеслова его участников. Советские юноши и пики В час, когда нужно действовать, девушки, полиме веры в победу, призывали своих ровесников во всем мире, независимо от различия расы, имущественного положения, религии и политических взгляского фашизма.

За всю многовековую историю человечества у молодежи не было более лютого врага, чем гитлеризм. Фанцистское чудовище-смертельная угроза для юного поколе-

польгиает ее бездеятельно плакаться на свою горькую судьбу! Обращение участников антифанистского митинга призывает молодежь растоптанных фашизмом стран расширять ряды партизан, раздувать пламя священной беспощадной мести захватчикам.

В огне боев с гитмеризмом куется друж-ба советской и английской колодежи. С да-декого острова доносятся к советской ко-

ОТ СОВЕТСКОГ Утреннее сообп

В течение ночи на 28 сентября наш войска вели бои с противником на всез фронте.

В результате семидневных боев на одно: из участков Западного направления фронта части тов. Юшкевича нанесли тежелы удар противнику, вынудив его оставить ук репленные позиции. За неделю части гов Юшкевича уничтожили 18 рот немецкої пехоты. На поле боя подобрано 2300 тру пов немецких солдат и офицеров. Уничто жено 18 вражеских танков, 41 автомания ва с боеприпасами, 10 минометных бота рей, разрушено 10 ДЗОГов. Много немец ких соддат ватго в плен. Среди захвачей: ная всех народов.

Рабскую участь германский фанизи хонаги участь германский фанизи хонаги участь нашему народу, нашей мов разведки, задымленные порохом сражепин и большое количестве винтовох. маторов, как и нынешних укробандеровцев, до желудочных колик раздражал красный цвет, вообще вся советская символика.

После краха ГКЧП, выступая на заседании Верховного Совета РСФСР, генерал-ельцинист Д.Волкогонов вынес приговор: «Красная звезда» идеологически готовила путч и её поэтому надо переименовать». Безбашенные горе-реформаторы пошли дальше своего вождя и предложили газету вообще ликвидировать, издавая вместо неё «бюллетень» для публикации приказов. Тогда Чупахин лично подготовил и отправил в различные инстанции свыше полусотни писем и справок в защиту бренда «Красной звезды». Многажды выступал по этому поводу и в одиозной Комиссии по ликвидации политорганов. К осени 1991-го ему удалось отбиться от лютых волкогоновских пираний.

Однако, к маю 1992-го, когда Российскую армию возглавил Павел Грачев, вопрос с переименованием встал ещё с большей остротой. «Доброжелатели» наперебой твердили министру: в новой армии всё должно быть по-новому, в том числе и название военной газеты.

Грачёв вызвал Чупахина: «Есть предложение вместо «Красной звезды» выпускать «Армию России». Как вы на это смотрите?»

- «Плохо смотрю, Павел Сергеевич. Вот вы награждены орденом Красной звезды. Он для вас устарел, девальвировался?»
- «Но-но, редактор! Грачёв набычился. Ты орден не трожь! Это моя первая боевая награда, омытая кровушкой моей. В тех боях, за которые мне её дали, я дважды ранен был. Это гордость моя».
- «Название газеты, товарищ министр обороны, тоже омытое кровушкой десятков фронтовых корреспондентов. Многие поколения людей в погонах «Красную звезду» читали, уважали и почитали. И сегодня это всё никуда не делось. Ибо «Красная звезда» ведь не только газета. Это история Армии и Флота, их традиций, душа вооружённых сил, если хотите»
- «Душа, говоришь, Грачёв почесал свою большую, почти квадратную репу.
 - Ну ладно. Какие ещё у тебя вопросы?»
- «Вот на этом свежем номере «Красной звезды» утвердите её новый статус: «Центральный орган Министерства обороны Российской Федерации». Грачёв размашисто расписался, и с той поры уже никто на бренд «Красной звезды» не покушался. Благодаря главному её редактору.

Дрогни он, и мы бы уже забыли, что была такая газета. Той же весной 1992 года Владимир Чупахин совершил, если так можно выразиться, и личный подвиг, защитив на страницах вверенной ему газеты святое для него понятие. Он выступил с большой публицистической статьёй «Патриотизм всегда был и будет великой ценностью нашего народа».

Сегодня, когда слово «патриотизм» звучит чуть ли не из каждого «утюга», очевидной до банальности кажется мысль о том, что армия может строиться только на патриотической идее. Но весной 92-го само это слово тщанием сонма либерастов считалось опасным и даже запретным. Тот, кто его употреблял, мгновенно становился «красно-коричневым», «коммунофашистом», «ретроградом.

Главный редактор «Звёздочки» не побоялся пойти наперекор дурному, навязанному обществу тренду. Ещё он из номера в номер публиковал в пику тогдашнему министру иностранных дел А.Козыреву, утверждавшему, что никаких таких особых национальных интересов у России нет и быть не может, обстоятельные материалы солидных авторов как раз под рубрикой «Интересы России».

Эта длительная и целенаправленная газетная акция возымела своё действие. Со временем даже спичрайтеры Ельцина стали вписывать в его речи вполне патриотические формулировки, дословно взятые из «Звёздочки». Вообще военные журналисты той поры, ведомые капитаном 1 ранга Чупахиным, чем-то напоминали спасателей, которые ходят среди руин обрушившегося здания и ищут: не остался ли кто-то живой, не уцелело ли что-то ценное.

Понятно: не о людях и вещах тут речь. Они искали в том безвременье уцелевшие смыслы, идеи, традиции, и, насколько хватало умения, возможностей, пытались их спасать. Например, самоотверженно боролись за право отмечать традиционный праздник 23 февраля.

Так в 1992 году «Красная звезда» стала единственной центральной газетой, которая посмела выйти с праздничным номером. Остальные либо промолчали, либо витиевато предлагали заменить «советский атавизм» новым праздником, скажем, приуроченным к дате Куликовской битвы. Многие просто издевались над «красной датой» календаря. А московские власти вообще устроили на улицах столицы избиение людей, пожелавших возложить цветы к Могиле Неизвестного солдата. И «Звезда» отреагировала жёстко: «Спасение России — в единстве. Для политиков — в омоновских дубинках?».

Потом военные журналисты ещё не раз возвращались к означенной теме. Во многом благодаря им, уже на следующий год «День защитника Отечества» стал официальным праздником. В сохранении Мемориального Комплекса на Поклонной тоже львиная доля принадлежит краснозвёздовцам. Не многие сейчас помнят, что в начале 92-го дельцы-строители сознательно превратили возведение комплекса в долгострой, чтобы выгодно его продать.

По зданию административного корпуса даже объявили аукцион. «Красная звезда» ударила в набат: «Памятник Победы пытаются продать с мо-

лотка. Что же мы делаем со своей Историей?». Лишь после этого Грачева и Лужкова наведались на стройку и решили: к 50-летию Победы все работы закончить.

«Горячие точки» и Чечня стали для журналистов «Красной звезды» непрекращающимися кровоточащими ранами. После трагического штурма Грозного, когда вся мощь либеральных СМИ — и печатных, и электронных — обрушилась на армию, в который раз жестоко подставленную ельцинскими политиками, «Красная звезда» выходила долго с одной и той же «шапкой»: «Воинам России сегодня очень нелегко. Россияне, поддержите своих сыновей!». Среди центральных изданий «Звезда» оказалась единственной в этом сострадательном стремлении.

В феврале 1995-го Российско-американский информационный прессцентр провёл социологическое исследование по освещению чеченской войны. Собрали главредов центральных газет. В ходе жарких дискуссий больше всех досталось Чупахину за то, что его газета ведет одностороннюю линию, показывая в выгодном свете только федералов. Владимир Леонидович долго слушал проамериканских витий, а потом ответил нападавшим: «Это для вас российские военные — «федералы». А для нас они — «наши войска», «наши ребята», «наши сыновья».

Дудаевцы же — враги и бандиты. Это ваши корреспонденты могут быть на той и другой воюющей стороне. Но я не могу даже представить офицера-краснозвёздовца в расположении Дудаева. Он может быть там либо пленным, либо расстрелянным. Мы — газета воюющей армии, из чего и исходим. И сражаемся мы не за Ельцина и не за Грачева. Мы воюем за тех офицеров и солдат, которые сейчас каждодневно рискуют своими жизнями там, на передовой.

Солдат войны не выбирает. Не по его воле любая война начинается, не служивому человек приходится выбирать, в какой именно войне ему участвовать: большой или маленькой, знаменитой или не знаменитой, славной или оболганной. Есть воинский долг — он должен быть исполнен».

Острейший кризис с самого начала «шоковой терапии», вопиющее «недофинансирование», многомесячные задержки зарплат, нехватка всего необходимого для жизни и даже для смерти начались при Грачеве, но максимальную остроту социальные проблемы приобрели при министре обороны И.Н.Родионове.

Редакцию захлестывал вал отчаянных писем от военнослужащих и членов их семей. Газета публиковала их целыми полосами под «шапкой» «Так жить и служить нельзя». Вот, что написал об этом периоде в своих воспоминаниях «Звезды, пронесенные через ад» отважный и честный министр обороны Игорь Николаевич Родионов: «Вызываю к себе главного редактора «Красной звезды» Чупахина. В конце нашей беседы мы были единодуш-

Ветеран военной журналистики, автор многих очерков о краснозвёздовцах, полковник в отставке М.А. Захарчук

ны в том, что социальная, моральная, нравственная атмосфера в армии и на флоте накалена до предела. Нужны действенные меры. Редактору говорю о том, что со стороны Минобороны снимаются все ограничения на публикацию информации, писем, сообщений из частей и гарнизонов, повествующих о реальном состоянии морально-нравственного климата, боевой подготовки, дисциплины и всего прочего, бытового.

Где-то через месяц мне звонит Чубайс, первый вице-премьер: «Игорь Николаевич, в последнее время я боюсь брать в руки «Красную звезду». Я вас прошу принять меры по ограничению публикации этого ужасного негатива». Я ему отвечаю: «Мне приятно слышать, что вы стали читать «Красную Звезду», и, если для того, чтобы сообщить об этом, звонит первый вице-премьер, значит, газету стали читать и в правительстве. Но запретить публикации, сменить их тон и направленность я не могу, т.к. настоящее положение дел ещё мрачнее и улучшения не видно. Я прошу вас понять обстановку в армии и на флоте в связи с многомесячными невыплатами и реально поправить ситуацию, так как она уже выходит из-под контроля.»

За время своего редакторства Владимир Чупахин подписал добрую полусотню наградных представлений. Подчинённые получали ордена, а он сам... выговоры.

Из воспоминаний Михала Захарчука

3. ЛЕГЕНДЫ РАССКАЖУТ, КАКИМИ МЫ БЫЛИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАРШАЛ

Александр Павлович Беляев

Его нет уже более 20 лет.

Журналист-краснозвёздовец, член Союза кинематографистов СССР, полковник Александр Павлович Беляев.

Он — автор более двадцати книг. Самые известные — «Взлётная полоса», «Становление», «В сводках не сообщалось...», «Синие дали», «Облака под нами», «Не померкнет никогда», «Тайна глухого леса».

Беляев написал сценарии к таким советским фильмам, как «Тайна золотого брегета», «Постарайся остаться живым», «Твоё мирное небо», «Танкодром», «Шёл четвертый год войны...».

Александр Павлович с головой ушёл в сочинительство и написал свыше полусотни романов, повестей, киносценариев и пьес. Вообще редкий уважающий себя краснозвёздовец не стремился издать книгу — другую. И многим это удавалось. Но полковник Беляев, как видно из вышеприведённого перечня, побил в этом смысле все краснозвёздовские рекорды.

Кроме бесспорного писательского дара, он обладал ещё и исключительным даром организаторским, который приобрел, будучи порученцем Маршала Советского Союза Ивана Конева. Поэтому он знавал всех дей-

ствующих маршалов и почти всех генералов армии. В так называемой «Райской группе» (генеральные инспектора при МО СССР) Беляев был не только своим человеком, но и в некотором смысле её организатором. Поэтому самого привередливого военачальника краснозвёздовцы обычно «приручали» с помощью дяди Саши. Он звонил крупнозвёздному и все проблемы решал. А ещё Александр Павлович слыл лучшим другом уже литературного маршала Сергея Михалкова. Всегда говорил: «Это, братец, такой сложный вопрос, что с ним никто не справится. Даже наш Генсек. Поэтому надо звонить Михалкову».

С родственником последнего, знаменитым артистом, сыгравшим Гришку Мелехова в «Тихом Доне», Петром Глебовым Беляев не просто дружил, а был с ним не разлей вода. Они вместе ездили на рыбалку, на охоту.

Не только Глебова, но и всех мне известных на ту пору писателей, артистов и кинорежиссёров Беляев любил называть исключительно ласкательными именами: Коля, Валя, Ленка, Нонка. Чему последние не особенно-то и сопротивлялись. Наоборот, выражали полное удовлетворение, потому что сам дядя Саша отличался фантастическим хлебосольством.

Щедростью Беляев обладал тоже неординарной. Деньги легко зарабатывал, столь же легко с ними и расставался, а добрейшая его супруга Екатерина Алексеевна ещё и поощряла расточительность мужа, всякий раз пристально интересуясь, а не нужно ли тому или иному имяреку как-то помочь материально. Сам Беляев любил повторять: «Деньги нужны, хотя бы для того, чтобы о них не думать».

Вспоминаю премьеру фильма в Доме кинематографистов «Шёл четвёртый год войны...». Меня Александр Павлович определил на должность встречающего его гостей. Интересуюсь, кто придёт? «Люся Савельева, Коля Олялин, Сашка Збруев, Лёвка Дуров, Колька Ерёменко-младший, Сашка Денисов, Тимка Спивак, Славик Баранов, ну и другие».

- «Дядя Саша, но Савельевой ведь точно не будет. Вся Москва знает, что эта актриса никакие сборища не посещает принципиально»
 - «Не переживай, ко мне она придёт».

И точно пришла. И расцеловалась с Беляевым. Тогда я единственный раз в жизни увидел Наташу Ростову «живьём».

Ещё Александр Павлович крепко дружил с известным детективщиком, отцом Штирлица Юлианом Семёновым. Вместе они держали литературную мастерскую в одном из переулков возле Нового Арбата.

Писал Александр Павлович свои захватывающие опусы прямо на рабочем месте, строча, как из пулемёта, на большущей механической машинке.

При этом умудрялся быть очень крепким и надёжным «середнячком» в «Красной звезде». Правда, он никогда не лез в газетные передовики

социалистического соревнования, но и зорко, пристально следил за тем, чтобы не оказаться, как любил говаривать наш Главный генерал-лейтенант Николай Макеев, «задистом», то есть «в хвосте социалистического соревнования». А для этого всегда подбирал себе толковых сотрудников. При мне ими были отличные журналисты Яков Ершов, Николай Седых и мой земляк Александр Перестенко, с которым мы регулярно резались в шахматы и тоже в рабочее время.

Интересуюсь: «Дядя Саша, а почему вы никогда нас не шугаете?»

— Вы же взрослые люди, какой-никакой творческой работой занимаетесь. И какое мне дело, когда вы её выполняете — да хоть за полночь. Но к утру, как утверждал тот анекдотический генерал, чтобы мне было сделано».

Из воспоминаний Михаила Захарчука

PS. Рассказывают, что и Беляев, и Возовиков, и Беличенко — маститые писатели и поэты «Красной звезды» работали поочерёдно в кабинете № 305, на третьем этаже редакции.

Много позже там трудился Геннадий Миранович, я сменил его.

Да ещё в кресле Симонова восседали. Увольняясь, кресло я передал Ольге Юрьевне Ермолаевой-супруге Юрия Беличенко, в журнал «Знамя», где она десятки лет возглавляет отдел поэзии.

После меня в кабинете работали Дмитрий Андреев, Роман Бирюлин...

АЛТАЙСКИЙ САМОРОДОК

Владимир Степанович Возовиков

10 января 2022 г. исполнилось 85 лет со дня рождения литературного самородка из Алтая Владимира Степановича Возовикова.

Владимир был едва ли не самым талантливым из всей послевоенной генерации краснозвёздовцев.

Причем, в журналистику, а потом и в писательство он пришёл с довольно распространенной и потому весьма рутинной офицерской должности взводного.

Начинал Возовиков со стихов ещё в раннем детстве.

Оно прошло на Алтае. Родился в селе Фунтики Топчихинского района. Перед войной семья переехала в Павловский район, сначала на пятое отделение зерносовхоза «Павловский», а затем, в 1946 году, в деревню Арбузовка, где Володя и жил с родителями до 1954 года. Окончил с отличием десятилетку в селе Лебяжьем в 1954 году.

После Ташкентского танкового училища служил в Германии. Затем его перевели в Сибирский военный округ. И уже там Возовиков перешёл в окружную газету. Однако долго в ней не задержался. Талантливого самородка быстро заприметила центральная военная газета и сделала ему такое предложение, от которого пишущему человеку трудно был отказаться.

В «Красной звезде» Владимиру Степановичу в звании майора поручили возглавить самый элитарный и, пожалуй, самый сложный отдел литературы и искусства.

Писал Возовиков много и интересно. Дела в отделе тоже шли неплохо. Молодому редактору отдела помогали такие краснозвёздовские киты, как поэт и писатель Юрий Беличенко, признанная в журналистике эстетка Гелия Драчева, великолепный знаток музыки и театра Эрнст Михайлов. И все было бы чудно, если б Союз писателей СССР совместно с Министерством обороны не объявили конкурс на лучшее литературное произведение, посвященное 600-летию Куликовской битвы.

Володя Возовиков и помимо конкурса бредил русской стариной, каждую свободную минуту пропадая в архивах и библиотеках. А тут такой стимул!

И он с головой ушёл в накопление материала. Но служба ведь есть служба. Тем более в «Красной звезде». Как раз приближался очередной съезд родной коммунистической партии, и газета обязана была делегировать в комиссию по его подготовке нескольких лучших своих перьев. Выбор, естественно, пал, в том числе и на Возовикова.

Однако он честно заявил на редакционной коллегии, что не может принять столь почётную миссию в связи личными литературными планами. У главного редактора генерал-лейтенанта Николая Ивановича Макеева глаза на лоб полезли. За бесконечную свою службу он ещё не встречал таких чудиков, которые бы отказывались выполнять его поручения, а уж тем более задания ЦК КПСС.

Возовиков, тем не менее, стоял на своем. Тогда главный пригрозил строптивцу: вы, мол, не забывайте, где и с кем разговариваете. Мне ведь недолго и власть употребить. И вместо очередного звания полковника вы можете лишиться и нынешнего.

И тут случилось такое, что до сих пор передается в редакции, как легенда невероятная. Ибо за всю историю главной военной газеты ни один её сотрудник не расправлялся со своей собственной карьерой столь решительно и радикально. Возовиков послал всех, включая главного и родной ЦК, куда обычно посылает русский человек в сердцах что-то ему опостылевшее. Повернулся, ушёл, и только его видели.

Здесь, в легенде, правда, возможны варианты, и мне некоторые краснозвёздовцы о том говорили, но не в них, в конце концов, дело. Жена Володи в расстроенных чувствах указала мужу на двери: кому хочется жить с сумасбродом, который способен так нелепо расправиться со службой, с налаженной жизнью.

Краснозвёздовцы Юрий Теплов и Виталий Безродный помогли Возовикову снять где-то возле метро «Водный стадион» совершенно пустую трехкомнатную квартиру за пятьдесят рублей в месяц. Привезли туда спи-

санный письменный стол, четыре стулья-развалины и двадцать подшивок газеты «Правда», из которых соорудили писателю ложе. Почти полгода Володя провел в этой квартире, как в заточении, выползая из неё лишь эпизодически, чтобы запастись крупой, картошкой, хлебом и водкой.

Сам мне рассказывал, что писал, случалось, сутки напролет, покудова рука не занемеет. И в таком неестественном творческом раже написал чудный, замечательный и никем непревзойдённый исторический роман «Поле Куликово».

Это на самом деле так, дорогой читатель. Если ты сомневаешься в моих словах, не поленись, разыщи эту вещь и другую — «Эхо Непрядвы» в какой-нибудь серьезной библиотеке и убедишься в моей правоте. Кстати, первый роман включен в «Золотую библиотеку исторического романа».

Когда дело было сделано, наступило и похмелье, и отрезвление одновременно. Жена через дочь срочно разыскала своего непутевого мужа, у которого вдруг образовалась по советским меркам совершенно сумасшедшая сумма денег — несколько десятков тысяч. Сам счастливый писатель приобрел себе костюм, дубленку и пыжиковую шапку. Пощеголяв в этом партикулярном уборе пару дней, вдруг заявился к Теплову в камуфляжном бушлате.

На вопрос, что случилось, Володя безразлично ответил: был, дескать, в гостях и уходя, по привычке надел бушлат вместо дубленки. Ещё спустя какое-то время потерял и пыжиковую шапку, прикорнув в парке на скамейке. Хуже было другое. Непривычно большие деньги очень быстро разлетелись, и перед ним, мужиком, не достигшим ещё и полувекового рубежа, встал вопрос, как дальше семью кормить.

О возврате на службу не могло быть и речи: наш главный не на шутку обиделся за нанесённое оскорбление. Но все же смилостивился и зачислил Володю гражданским сотрудником в отдел очерка и публицистики. (Тогда там и оказался самый звездный состав едва ли не за всю историю «Красной звезды»: Алексей Хорев, Виктор Филатов, Александр Сгибнев, Владимир Возовиков, Александр Ткачев и Юрий Теплов). Тогда же мы с Возовиковым и познакомились. Свел нас Геннадий Барнев, тоже интересный поэт и человек, который раньше служил с Володей в сибирской газете «Советский воин». Мы часто засиживались втроем допоздна за шахматами.

Запомнился случай, произошедший с Владимиром Степановичем, который (случай), если вдуматься, невозможен был больше ни с кем иным из нашего брата краснозвёздовца.

Когда Возовикова отлучили от газеты, коммунисты-пенсионеры ЖЕКа избрали его секретарем партийной организации. Примерно, через год в райком партии пришло возмущенное письмо от члена КПСС имярек, у

которого уже год никто не брал партийных взносов. Возмущенный коммунист бил себя в патриотическую грудь и негодовал от того, что, конечно, на его пенсионные копейки партия не зажиреет и они ей, возможно, даже не нужны. Но вот ему, человеку, поступившему ещё в члены ВКП (б) во фронтовых окопах сорок второго года, вовсе не безразлично: имеет ли он связь с партией (пусть даже через партвзносы!) или не имеет.

В райкоме срочно провели ревизию, но оказалось, что из парторганизации ЖЕКа регулярно приходили ведомости со взносами, подписанные всеми коммунистами, в том числе и жалобщиком! Вызвали Возовикова, и он как на духу сразу признался: платил свои деньги, подписывался за рядовых коммунистов, чтобы не тратить зря драгоценного времени на сбор партийной подати.

И секретарь райкома нашел соломоново решение: пусть коммунисты ЖЕКа срочно переизберут себе секретаря парторганизации в связи с большой занятостью коммуниста Возовикова. ...

...Вот книги, написанные Возовиковым: «Кобры» под гусеницами», «Верность традициям», «Год спустя», «Звено выходит на цель», «Кедры на скалах», «Когда идет бой», «Командирский перевал», «Люди чести», «Маки «Красной пустыни», «Море вернёт янтарь», «Нелегкое испытание», «Осенний жаворонок», «Время алых снегов», «Поле Куликово» (книга издана не менее 7 раз!), «Сиреневые ивы», «В горах долго светает», «Особое задание», «Подарок для командира», «Прохоровское поле», «Соперники», «Сын отца своего», «Тайфун», «Тревожная тишина», «Хлеб и кровь», «Четырнадцатый костер».

Из воспоминаний Михаила Захарчука

ВСПОМИНАЕТ ЮРИЙ ТЕПЛОВ

Немного истории

Первый номер газеты вышел 1 января 1924 года. Первыми редакторами были известные революционеры и участники гражданской войны В.А. Антонов-Овсиенко, А.С. Бубнов, Я.Б. Гамарник.

Великую Отечественную «Красная звезда» встретила публикацией 24 июня знаменитых строк Лебедева-Кумача: «Вставай, страна огромная...», ставших песней на музыку Александрова «Священная война». В годы войны газету возглавляли генерал-майоры Д.И. Ортенберги Н.А. Таленский. Журналисты находились на фронтах. Шестнадцать из них погибли.

Многие известные писатели стали сотрудниками «Красной звезды» — Константин Симонов, Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Валентин Катаев, Борис Полевой, Александр Твардовский, Василий Гроссман, Андрей Платонов, Евгений Петров, погибший при возвращении с фронта...

В «Красную звезду» меня рекомендовал посткор по Уральскому военному округу майор Алексей Хорев. Это произошло в 1968 году, когда я работал в Свердловске корреспондентом армейской газеты ПВО «На страже». Месяц я стажировался. Была такая практика отбора журналистов.

Кандидатов в газету собирали в редакции, давали задания и срок написания корреспонденций. Проверяли на профессионализм. Из девяти

кандидатов, проходивших стажировку, семерых отправили обратно. Оставили Виктора Филатова и меня. Он был назначен посткором в Киевский округ, я — в Забайкальский. Корреспондентской сетью тогда руководил полковник Гриневский, замом его был капитан 2-го ранга Фирсов.

В Забайкалье я познакомился со старшим лейтенантом Валерой Рязанцевым из окружной газеты. Позже мы стали работать вместе, и подружились на всю его жизнь....

Через три года меня перевели в Среднеазиатский округ. То была обычная ротация, чтобы корреспондент не обрастал местными связями и не перестал писать критические статьи. В Алма-Ате я прокололся, завёл на стороне женщину. Жена накатала жалобы в партком, в Главпур и Главному редактору. Мне вкатили строгий выговор с занесением в партийную карточку. И вызвали на ковер в Москву.

Николай Иванович Макеев сказал:

- На тормозах уже не спустить. Я переговорил с кадровиками. Вам подобрали должность начальника отдела культуры окружной газеты в Ростове. Согласны?
 - Нет. Готов написать рапорт об увольнении в запас.
- Есть еще вакансия редактором малотиражки железнодорожной бригады на БАМе. Должность майорская.
 - На БАМ поеду.
- Пишите в «Красную звезду». Возможно, года через три вы вернетесь к нам...

Насчет вернуться — я не поверил. Не было такого прецедента в истории газеты, чтоб проштрафившегося корреспондента возвращали. С таким настроением я и убыл на БАМ. Место дислокации бригады лишь значилось — будущая станция Алонка. А вокруг была сплошная тайга, ни посёлков, ни дорог. Передвигались только на гусеничных тягачах.

В первую зиму и солдаты, и офицеры жили в палатках. Это не приют для туристов, а общага с двухъярусными кроватями. Стены из лиственничного сруба, обтянутого брезентом. Печка сделана из двухсотлитровой бочки. От бочки через всю палатку шла обогревательная труба с выводом наружу. Топили круглосуточно. Спать все равно приходилось в шубах, шапках и валенках. В нашей палаточной общаге поселились 26 офицеров.

Штаб бригады тоже размещался в палатке, но огромной, с множеством столов и сейфов. Комбригу подполковнику Железнову полагался персональный строительный вагон, который был для него и жильём и командным пунктом.

Связь с внешним миром шла через почтовый вертолет. Я мотался по трассе, по карьерам. От механизаторов отправлялся к мостовикам.

Никогда я так много и с желанием не писал. Кроме своей газеты, писал в хабаровские издания и каждую неделю отправлял корреспонденции в «Красную звезду».

Еще сочинял не всегда приличные песни о нашем житье-бытье. И даже накропал небольшую повесть. Отослал её в журнал «Дальний Восток», не особо надеясь на публикацию. Однако через полгода повесть опубликовали.

Оглядываюсь сегодня в те годы и вижу, что энтузиазм строителей, их мужество и даже героизм воспринимались ими, как обыденность. А они творили историю страны. И как бы позже перестройщики ни охаивали БАМ, называя его ошибкой века, из летописи страны великую стройку не вычеркнуть.

... В то, что меня вернут в «Звезду», я не надеялся. Но вдруг на исходе третьего бамовского года в часть пришла телефонограмма с приказом о моем назначении корреспондентом в Закавказском военном округе. Я прибыл в Москву, в редакцию. Корсеть уже возглавлял капитан 1-го ранга Владимир Фирсов. Он повел меня к главному редактору на инструктаж.

Николай Иванович поздравил меня с возвращением в «Красную звезду» и стал объяснять особенности Закавказья.

— Регион сложный. В Грузии и Азербайджане имеются националисты. Особенно в среде интеллигенции. Вы должны представиться всем руководителям республик — Шеварнадзе, Алиеву и Демирчяну. Самый хитрый из них — Шеварнадзе. Будьте бдительны, остерегайтесь взяток, объяснения событий и фактов тщательно проверяйте...

С тем я и улетел в Тбилиси, где располагался корпункт. Представления Гейдару Алиеву и Карену Демирчяну прошли довольно быстро. А Эдуард Шеварнадзе задержал меня чуть ли не на час. Рассказал о достижениях в экономике и успехах в военно-патриотической работе в республике. Порекомендовал темы для публикации. Ну, прямо душа-человек!..

К каждому празднику курьер привозил собкорам поздравительные открытки за подписью Шеварнадзе. Понятно, что публикаций о Грузии в центральных газетах было больше, чем о других закавказских республиках. А я помнил предостережение Макеева, что грузинский лидер — хитрый лис, и с пристрастием проверял все факты....

В годы перестройки Горбачев вытащил Шеварднадзе из Грузии и назначил его министром иностранных дел Советского Союза. Все подписанные им соглашения были выгодны вовсе не той стране, которой он должен был служить. Он подарил американцам больше 46 тысяч квадратных метров континентального шельфа Берингова моря, где были разведаны запасы нефти. При переговорах по объединению ФРГ и ГДР Шеварднадзе уступил объединенной Германии право вступить в НАТО. Отказался фиксиро-

вать на бумаге обещание министра иностранных дел ФРГ Ганса Дитриха Геншера о том, что государства бывшего социалистического лагеря никогда не станут членами НАТО. Сказал, мол, немецкому министру можно доверять. Эту «дипломатию» иначе, как предательством, не назовешь...

Провидец был наш главный редактор. И человек он редкостный. Главным его качеством в отношениях с подчиненными была доброжелательность и требовательность, а в отношениях с руководством Главпура — принципиальность и отстаивание своих позиций.

Макеев был примером для подражания. Он был всегда гладко выбрит, и от него пахло одеколоном «Шипр».

В Закавказье я работал два с половиной года. К этому времени возглавлявший партийный отдел редакции Борис Пендюр стал начальником Воениздата. Редактором отдела был назначен Борис Похоленчук. Мне предложили должность его зама. Партийная тематика мне не нравилась, да и в Москву не рвался. Но это была единственная возможность получить звание полковника.

Я рекомендовал на место посткора в Закавказье Гришу Артеменко из комсомольского отдела окружной газеты. А редактору Александру Кирюхину посоветовал взять из малотиражки бамовца Виктора Светикова, окончившего Львовское политическое училище. И отправился в Москву.

Жизнь сотрудников аппарата редакции регламентирует распорядок дня: летучки, правка материалов, дежурства по номеру газеты и по редакции. Вольготно себя чувствовали лишь специальные корреспонденты. Отдел спецкоров возглавлял полковник Хорев, с подачи которого я когда-то стал краснозвёздовцем. Спецкором стал и полковник Филатов, с которым мы вместе стажировались. Это была элита газеты. Им поручали самые сложные и щекотливые расследования по следам жалоб.

Писали спецкоры дома и сдавали готовые материалы в набор. Перебраться в спецкоры стало моей голубой мечтой. Но приходилось править партийные статьи и писать скучные передовицы.

В нашем отделе работали четверо. Самый пожилой — фронтовик Михаил Петрушин, минёр, прошедший со своей собакой на послевоенном параде Победы. Самый молодой — Гена Барнев. Еще редактор и зам. А штатное расписание предполагало шесть сотрудников.

Я предложил вызвать на стажировку из Забайкалья Валерия Рязанцева и из Закавказья Виктора Светикова, который уже работал у Кирюхина. Стажировку они прошли успешно и стали работать в партийном отделе...

С той поры минуло много лет. Что-то забылось. Но яркие личности из памяти не стираются. Такие, например, как редактор отдела науки и космонавтики — Миша Ребров, интеллектуал и журналист N = 1 в космической теме.

Мало кто знает, но его всего шаг отделял от полета в космос. 1964 году главный конструктор Королёв решил отправить журналиста в космос. Пригласил для испытаний десять журналистов, пишущих о космосе. И только Ребров успешно прошёл медицинское обследование, получив заключение комиссии о годности к спецтренировкам. Барокамеры, центрифуги, множество других тренажёров, выживание в различных климатических условиях, поездки на космодромы и прыжки с парашютом — всё это он выдержал и освоил. Королев сказал ему: «Готовься, Миша, встретить своё 35-летие в космосе». Увы, космос не состоялся. В начале 1966 года главный конструктор скончался. Проект с запуском журналиста тихо почил в кабинетах чиновников...

В военно-морском отделе лидером был Сергей Быстров, жесткий в критике, находивший злободневные темы и писавший ёмко, профессионально и интересно.

Редактором отдела литературы был поэт Юра Беличенко, автор двух поэтических сборников.

Отдел физкультуры и спорта возглавлял Слава Гаврилин. На всех международных соревнованиях его назначали старшим группы журналистов. Замом у него был контактный и расторопный Олег Вихрев.

В отделе вузов работал Виталий Безродный, судья всесоюзной категории по стрельбе. Его нередко вызывали на соревнования, на которых он судил и освещал их в газете. А вернувшись в редакцию, засыпал даже на летучке. Главный будил его вопросом: «Что сейчас говорил дежурный по номеру?». И Виталий слово в слово повторял слова дежурного....

Спустя полтора года главный редактор предложил мне возглавить отдел культуры. В отделе работали юрист Игорь Вашкевич, Лена Агапова и Галина Конюшкова, внучка полярного исследователя. В Северном ледовитом океане даже есть островок имени Конюшкова....

Мне хотелось заполучить в отдел талантливого газетчика Юру Мамчура, который учился в военно-политической академии на редакторском факультете. Я предложил кандидатуру Конюшковой в отдел писем с повышением в должности и в зарплате. Она, конечно, согласилась. Мамчур перешел на заочное отделение и стал сотрудником отдела. Каждая его публикация отмечалась, как лучшая в номере...

Через два года меня всё же назначили спецкором. Я сразу запросил командировку в Афганистан, где наши войска вступили в официально необъявленную, но изнуряющую войну с моджахедами.

О войне в Афганистане написано много статей и книг, потому этот период освещать не стану. Уже назревали события, изменившие историю советской державы и даже «Красной звезды». Это произошло, когда к власти пришли демократы во главе с перестройщиком Горбачевым.

Народ ошалел от новых лозунгов. Помню, шла кампания борьбы за трезвость. Коллектив редакции собрался в актовом зале отмечать День Победы. На столах самовар и чашки с чайными ложечками. Секретарша Главного Антонина Дмитриевна заканчивает наливать из самовара чай. Николай Иванович поднял чашку

— Выпьем за великую Победу!

В самоваре оказался не чай, а коньяк...

Это был последний праздник при Макееве. Журналистам зам. начальника Главпура предложил избрать голосованием Панова Ивана Митрофановича. Однако, соблюдая демократический ритуал, спросил, будут ли другие предложения. Я встал и назвал кандидатуру Сергея Быстрова. Начались прения. Не помню всех выступавших. А выступление Филатова запомнил. С ним мы приятельствовали, даже бывали друг у друга дома.

Но его выступление поразило меня. Почему-то он обрушился на Макеева. «Уставится на тебя оловянными глазами, и не поймешь, нравится ему статья или нет». Затем добавил пару хвалебных фраз в адрес Панова и сел с видом победителя. Большинством голосов избрали приятного в общении интеллигента Панова, хотя должности больше соответствовал бескомпромиссный Быстров, не выносивший бездельников, и резкий в оценке творчества коллег. После собрания я сказал Филатову:

— Сука ты! Лижешь задницу с перспективой.

Он презрительно глянул на меня и вышел...

Вскоре он был назначен главным редактором Военно-исторического журнала, где получил звание генерала. Позже, в разгул демократии, подвизался у Жириновского в ранге военного советника. Однако тот, спустя небольшое время, от его советов отказался. И Филатов пустился в свободное плавание. Бросил жену и дочь Вику. Женился на журналистке из Сербии, дочери какого-то магната. Где он сейчас, чем занимается и жив ли — не знаю.

Некоторое время я работал при Панове.

Из армии, а значит и из газеты стали увольняться ведущие журналисты. Покинули ряды краснозвёздовцев Гаврилин, Беличенко, Станислав Грибанов из отдела авиации. Я тоже уволился в запас. Быстров стал редактором газеты «Воздушный транспорт», Рязанцев и я перешли в журнал «Мир безопасности». Многие краснозвёздовцы устроились в ТАСС...

А события накатывали волнами. Спектакль с ГКЧП. Расстрел дома правительства. Штурм Останкино. Ельцин свалил Горбачева и запретил компартию. Наступил период, какой на Руси во все времена называли смутой. Министром обороны стал Павел Грачев. Однажды он посетил «Красную звезду» и приметил среди сотрудников Лену Агапову. И моя бывшая подчиненная взлетела вверх, как ласточка. Стала помощником министра по

связям с общественностью. Про нее говорили, что ни один генерал не может попасть на прием к министру без ее дозволения. Она перетряхнула пресс-службу министерства обороны и втянула в нее Юру Мамчура. Впрочем, это, вероятно, входило в ее обязанности.

Насколько я помню, Агапова была скромной и уважительной дамой. Иногда в редакцию ее подвозил муж.

Из моих ровесников краснозвёздовцев никого не осталось. Ушли в мир иной Ребров, Похоленчук, Пендюр, Безродный, Рязанцев и даже пяти-десятилетний Светиков. Я самый старый из живых. На год моложе меня Станислав Грибанов. Он написал несколько книг о Сталине и его семье. Следом за ним по возрасту Кузьма Пашикин из отдела вузов, автор ряда книг о рыбалке. В Москве живет Александр Пилипчук, с которым мы в 90-е годы выпускали газету «Служба».

На этом я ставлю точку и передаю перо тем, кто моложе, кто связал жизнь с военной журналистикой. Память подсказывает фамилии Миши Малыгина, Володи Пасякина, Сергея Попова, Володи Ермолина, Миши Захарчука, Олега Одноколенко, Бориса Солдатенко. Если кого не вспомнил — не обессудьте.

Уважаемые коллеги, если я в чем-то ошибся, поправьте старика. Если с чем-то не согласны — тоже обнародуйте, на критику я давно не обижаюсь. Возможно, что-то упустил, — добавляйте информацию, буду рад.

PS Елена Александровна Агапова была зам. главного редактора «Красной звезды». После работы в Министерстве обороны, за рубежом, в Счётной палате РФ пришла в Международную общественную организацию «Императорское Православное Палестинское Общество» (председатель С.В.Степашин). Является заместителем председателя ИППО.

Юрий Николаевич Беличенко вернулся в газету спецкором и до последнего дня работал в ней. Мы его в последний путь провожали из редакции. Вышло у него после смерти 9 книг благодаря усилиям супруги Ольги Юрьевны Ермолаевой, моим и Евгения Артюхова.

БЕЛИЧЕНКО, ТЫ МОГУЧ!

Юрий Николаевич Беличенко

Никогда при жизни поэта и публициста Юрия Николаевича Беличенко не произнес бы этой фразы, вынесенной в заголовок, без имени и отчества. Я его и по имени-то называл нечасто, в редкие минуты обоюдно сердечного расположения, а так — исключительно: Юрий Николаевич. Это он меня шутливо величал: «Долинин, ты могуч!». Шла ли речь о публикациях, или о каких-то моих поступках и действиях...Теперь вот я ее перефразировал.

Открыл мне Беличенко его тезка и сослуживец — Юрий Рощупкин, инструктор политотдела шяуляйской дивизии — по культуре. Не имевший высшего образования формально Юрий Митрофанович был исключительно образован в области литературы, кино, истории, живописи. Ходячая культурная энциклопедия, а не Рощупкин. Серпуховское военное училище окончил по программе среднего. Видно, база была такая там, что не только до гаечки знали курсанты технику, а и высоты культуры постигали в этом древнем русском городе.

Документальный фильм «Версты мужества» о дивизии снял Рощупкин в качестве режиссера, о чем рассказ отдельный. Сделал это профессионально, стал лауреатом Всесоюзного фестиваля. Любитель и большой

знаток литературы, он, конечно же, обратил внимание на начинающего поэта Беличенко и его первые «тощенькие» (имея в виду только форму) сборники «На гончарном круге» и «Время ясеня». И прежде всего потому, что знал Беличенко по службе в Паплаке. Там, в местечке Вайнеде (в сорока километрах от «города под липами» — Лиепаи), стояли два ракетных полка — в Приекуле и Паплаке. Потом остался только приекульский, в котором я служил сержантом-заправщиком, в Паплаке же, «где пять домов смотрели на восток», прописались лишь «зимние квартиры» третьего дивизиона нашего полка.

Мне тоже сначала был интересен Беличенко как однополчанин. Потом я узнал о нем больше в окружной газете «За Родину», в которой он трудился начальником отдела культуры в свое время. Находилась она в Риге, на улице Муйтас, д.1. Недалеко от Даугавы. Учась в Рижском университете, с газетой я сотрудничал, частенько туда во время сессий забегал. Беличенко в ту пору служил в Венгрии. Я стал следить за его творчеством.

Позднее опубликовал его стихи в сборнике смоленских и армейских поэтов — «Вечный огонь». В газете, которую мы выпустили к открытию комсомольской конференции Ракетных войск, поместил в сокращенном

Саме Волинаму — 600 кмовий ель м бранизатару наших Дангник поездал — Прудесска, 10 Трештино 28.06.2002

Г.Конюшкова, И.Вашкевич, Ю.Беличенко, А.Хорев

варианте его поэму «Ракетная застава». Каждую строчку Беличенко искали: о Ракетных войсках писалось мало, тем более не баловали стихами.

И часы поэзии я проводил для солдат по стихам Беличенко, и читал его поэму офицерам на боевом дежурстве под землей. Обо всем этом осмелился сообщить в письме. Мэтр не ответил.

Впервые встретились мы с ним на Беговой, в «Красной звезде», году в 1983-м. Запомнился он молодым, подтянутым подполковником. Дежурил по номеру, был чрезвычайно занят и на беседу у него времени не хватило. «А, детка, это вы», — протянул он артистично, и, показалось, вяло свою руку в приветствии.

Через семь лет меня неожиданно призвали в «Красную звезду», и тогда он уже проявил ко мне интерес. Ему, похоже, было приятно, что однополчанин пишет о Ракетных войсках. Никогда со мной праздно не заговаривал, но, как выяснилось, за публикациями следил и даже радовался, представил с гордостью уважаемым им и мною Алексею Петровичу Хореву и Юрию Тарасовичу Грибову: «Это наш посткор по Ракетным войскам». И глаза его при этом просто искрились. (Публикациями Хорева в журнале «Журналист» я просто зачитывался, по ним знал его давно. А кто ж не читал первый советский еженедельник «Неделя»! Думал ли я, что с главным редактором его буду дружен).

Помню, как провожали Беличенко по случаю увольнения в запас на заседании редколлегии, куда он пришел по форме. Отдел поэзии и литературы, возглавляемый им более десятка лет, сократили, посчитали в чумовом 92-ом году, что он в новый облик газеты не вписывается, обидели его этим — Беличенко и написал рапорт. К тому же он, полковник, демократично избранный председателем офицерского собрания редакции, чем очень гордился, не мог терпеть то обстоятельство, что офицерами «Красной звезды» стала «править» женщина, в качестве заместителя главного редактора.

Через несколько лет он вернулся в газету, потому что жить без нее не мог. Мне часто говорил: «Не уходи, «Красная звезда» — это непотопляемый авианосец. Это наша газета». Стал обозревателем, писал тонкие, глубокие очерки, публицистику, выступал с оригинальными литературными заметками, историческими зарисовками.

Как-то подошел и попросился в командировку: «Отбатрачу, не волнуйся. Давно в гарнизонах не был, тем более в Ракетных войсках». Раньше, при погонах, не просился, потому как связанный секретами мог лишиться возможности бывать в заграничных командировках. А тут и времена изменялись: нас уже секретоносителями не считали, да и сам он в заморские края не рвался. К тому же увидел (позднее признался), какая дружная команда у нас подобралась — признанный «боевик», добрая и цельная натура Геннадий Миранович, наш любимец, совсем юный Александр Богатырев, деятельный и инициативный Игорь Детинич. И вписался он в нее сходу. Я был «вождем», Геннадий «командиром», Александр «капитаном» (и это соответствовало истине), а Беличенко, конечно же, «мэтром» (что тоже было верно, он и не опротестовывал это имя, посмеиваясь в усы). Десятки гарнизонов, все ракетные армии посетили мы с этой великолепной краснозвёздовской бригадой, даже писать сообща научились, подлаживаясь под стиль друг друга. Единомыслию (по принципиальным вопросам) учиться нужды не было: понимали друг друга с лету. Какое же это было счастье — совместно работать и приятельствовать! Разные по возрасту, темпераменту, опыту жизни и стажу в журналистике, мы легко находили общий язык и доверяли друг другу. Спасибо главному редактору, что он почти никогда не препятствовал нашим дальним поездкам в гарнизоны, прекрасно понимая, что по приезде будут серьезные, интересные очерки и репортажи. Спасибо прежде всего ракетчикам, которые нас принимали. Как правило, командировочный фонд в редакции был скуден, и «принимающая сторона» житейские заботы брала на себя. Поездки эти были праздником души для нас. и. хочется надеяться, для ракетчиков тоже. Встречаясь с ними, заряжались энергией этих основательных и надежных людей. Друзей мы в поездках обрели много.

Ракетчики стали свидетелями успеха его глубокой литературоведческой книги «Лета Лермонтова» (никто тоньше Беличенко не напишет о русском поэте — воине), самого лучшего сборника его стихов, на мой взгляд, — «Арба». Вышел он при его жизни, щедро раздаривал Юрий Николаевич книгу друзьям и почитателям. Недоедая порой, он свои книги в издательстве еще и выкупал, чтобы нам дарить. В договоре не прописывал количество авторских экземпляров, а там не подсказывали. Я его долго журил за это: только стихи хорошие писать можешь... Не зря я ругался: здоровье у него барахлило, и он чувствовал это, без конца говорил о грустном. Средств на лекарства и на неизбежную, как выяснилось, операцию, понятно, не было. Хорошо, нашлись добрые люди и в редакции, и в госпитале, и проблема была снята. Однако, полный надежд после выписки протянул он недолго.

Большая часть тиража поэтической книжки так и осталась нераспечатанной в кабинете. И мы уже с Ольгой Юрьевной Ермолаевой, женой, поэтом и верным другом, «несли в массы» сборник большого русского поэта Беличенко, которого в одночасье потеряли. Тромб выстрелил, как пуля, в сердце. И упал наш могучий Беличенко, подкошенный по дороге в «Красную звезду» ранним морозным утром 8 декабря 2002 года, в ста метрах от дома. Когда об этом узнал в воскресный день дежуривший по редакции Влад Павлюткин, он тотчас позвонил мне...

Эх, Юра, а ведь еще в пятницу, встретившись как-то по-особому тепло на этаже, мы мечтали об очередной командировке в дальний гарнизон.

Потом выяснилось, что день в день, только несколько лет назад, при до сих пор невыясненных обстоятельствах погиб, считаем мы, и приятель Юрия по РВСН и редакции Анатолий Васильевич Белоусов.

Не без трудностей издали мы с Ольгой Юрьевной написанный Беличенко последний сборник стихов — «Прощеное воскресение» (название символическое, его придумал он сам, читая нам новые стихи в госпитальной палате), к юбилею Ракетных войск другой — «Как первая любовь — ракетные войска» и исповедальный документальный роман — «Пишу, чтобы жить».

Большую часть тиража отдали в воинские библиотеки и радуемся этому. Спасибо генералу Михаилу Солнцеву, начальнику Центрального узла связи РВСН, Александру Вовку, Елене Малашенковой и Вадиму Ковалю — из «ракетной» пресс-службы, которые знали и любили Юрия Николаевича и которые помогли доставить роман во все уголки нашей страны и в ближнее зарубежье, где стоят в ядерном карауле ракетчики.

— Саня, — сказал Юрий Николаевич как-то, — сейчас на Руси не до поэтов, но через пятнадцать лет я буду востребован.

Он как бы убеждал и меня, и себя в этом.

Не избегнув по пути ни беды, ни огня, возвращаюсь я к нему, словно круг по оси, ну а то, что этот город позабыл про меня – до поэтов и сейчас на Руси?

Так он сказал на эту тему и в своем последнем, должно быть, стихотворении «Крымск», посвященном малой родине.

Если довериться предсказанию Беличенко, читатели спохватятся о нем году к 2017-му. А нам его с каждым днем все больше не хватает.

Не могу не привести, в тему же, выдержки из его документального повествования «Лета Лермонтова». Без комментариев.

«Говорят, что времена повторяются. Это не так. Повторяются не времена, а заблуждения. Как ни грустно, но наша русская история не учит нас ничему. Поскольку любое деяние ушедших из жизни людей, любое минувшее, свершенное ими событие всякий раз трактуется в наиболее желанном для живущих повороте, и подлинные причины и приметы его с течением времени так размываются в человеческой памяти, что как бы уже и перестают существовать, переходя из области быта и факта в область мифологии».

«Случается, однако, что недоуслышанный или недопонятый современниками голос поэта начинают понимать и слышать потомки. Мгновенно растущий интерес к личности, жизни и творчеству такого поэта тогда становится чем-то вроде общественного покаяния. Как будто свершается наконец и Суд, и Промысел Божий».

«Нам-то в тайне казалось, будто успехам или неуспехам своим мы сами себе причиною, сами на распутьях выбирая, куда повернуть и что потерять. Сейчас я понимаю: это не так. И возникшие на пути препоны, и наш выбор, и все, что следовало потом, было определено исторической жизнью России, увязывая нашу судьбу с ее непредсказуемой судьбой. А ее судьба, что ни век — темна, и правит ею не партийный вождь и не православный царь, не здравый смысл и не твердый замысел, а всякий раз какая-то нелепица, порыв, случай, предвидеть и предотвратить который заранее невозможно.

Одна лишь надежда, что случай этот таит в себе Промысел Божий...»

«Я, признаться, очень смущаюсь душой, если слышу порой суждение о безвременной смерти великих людей, особенно поэтов. Сюда обычно прилагаются сочувственные слова: «Как много он смог бы еще написать или сделать!» Откуда такая уверенность, что непременно бы смог? Мне кажется, любая творческая жизнь длиться ровно столько, сколько ей назначено длиться. Кем назначено и почему — это уже другие вопросы, и

всякий отвечает на них по собственному верованию или разумению. Но каков бы ни был ответ, человек в своей жизни — при ее протяженности — успевает написать или сделать не более того, сколько он мог написать или сделать. Менее — случается часто, более — никогда. Почему? Потому (для меня), что любая человеческая жизнь есть Замысел Божий, и наибольших успехов достигает в ней тот, кто слышит, носит в душе этот Замысел и именно по нему «настраивает» земное свое поприще.

... Никому не мешаю думать или веровать иначе ... каждая жизнь в моем понимании — единична, драгоценна и всегда внезапной конечностью своей печальна. Причем интенсивность, духовная насыщенность и отдача у каждой — своя. Иной человек за неделю проживает больше, чем его сосед за десятилетие. И это для обоих — просто нормально».

Предчувствуя и, казалось, подгоняя свой уход, он завещал мне: похоронить из «Красной звезды» и разобраться в архивах.

Ракетчики благодарны своему Поэту. Книги Беличенко — на выставках в библиотеках, ему посвящаются поэтические вечера, стихи звучат в концертах. На здании школы в Крымске Краснодарского края, где он жил и учился, открыта мемориальная доска. Сделал это друг Владимир Иванов, кубанский казак. На могиле стараниями жены поставлен памятник с лаконичной надписью «Поэт. Офицер. Журналист «Красной звезды». Михаил Анискин — друг из Юрьи, любимой Юрием, смонтировал документальный фильм. Мечтаем об открытии музея в школе, опять надеемся на Иванова.

Самыми известными среди ракетчиков стихами Беличенко «Как первая любовь — ракетные войска» открывается книга «Стратегические ракетчики России». Издана она к юбилею РВСН под редакцией командующего.

Страстные историки РВСН и глубокие знатоки своего дела Владимир Ивкин и Георгий Сухина, сами авторы многочисленных исследований и книг, при составлении этой не забыли и о Юрии Николаевиче.

...Невидимы для глаз, — как подо льдом река, – оберегают нас ракетные войска. И дома, и в пути, и в ливень, и в пургу – не надо забывать, что мы у них в долгу. У тех, кто городов не строит на земле и к звездам не летит на звездном корабле, не вспашет борозды и не напишет книг. Иная их судьба.

Иная цель у них.
От городов вдали, от праздников вдали, их чуткая рука на пульсе у Земли.
Я помню, как схем, когда в глазах серо, нам снились наяву театры и метро.
Как пили в Новый год не водку, а чаек, у стартовых кругов дежуря свой черед.
Как ладили очаг на воинских харчах, и небо, и детей носили на плечах.
И в сотни рук сильней была моя рука.
И личная судьба — была судьбой полка.
Как первая любовь — ракетные войска!

Юрий Беличенко

И ПИСАТЕЛЬ, И СЦЕНАРИСТ

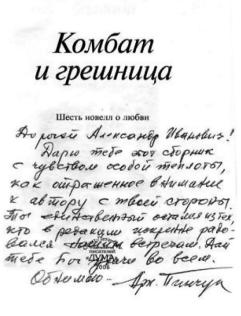
Аркадий Фёдорович Пинчук

12 января день рождения известного советского и русского писателя, военного журналиста, полковника Аркадия Фёдоровича Пинчука.

Познакомился с ним в юности, когда учился во Львовском политучилище. Пинчук тогда работал постоянным корреспондентом «Красной звезды» по Прикарпатскому военному округу. И писал книги, пьесы. Одна его пьеса «Лейтенанты» шла в местном армейском театре. Нас как-то строем повели на нее, и мне совсем не понравились пинчуковские «Лейтенанты».

Когда его пригласили к нам на кафедру для дежурного какого-то выступления, я смотрел на тогда еще майора Пинчука почти что с придыханием. Между тем, он оказался очень простецким и веселым мужиком. Аркадий Федорович доступно и живописно рассказал нам о будущей нашей журналистской жизни и службе. Короче, очень мне понравился старший коллега, и я просто навязался на дружбу с ним, а он, вечно занятой, перепоручил меня своему боевому помощнику Владимиру Житаренко. И все

Аркадий Пинчук

курсантские годы они оба возились с моими жалкими опусами, пристраивая некоторые из них даже в «Красной звезде».

Пинчук до «Красной звезды» возглавлял отдел комсомольской жизни окружной газеты «Слава Родины». На своё место определил земляка капитана Андрей Захаренко. И это был круг моих профессиональных кумиров: подполковник Пинчук, майор Захаренко, капитан Антипов и старший лейтенант Житаренко. Когда они приглашали меня на отдельские посиделки, гордость распирала мою курсантскую грудь.

Потом жизнь нас разлучила на долгие годы. Вспоминал я о Пинчуке лишь когда встречал его новые книги, пьесы, кинофильмы. А надо сказать, что семидесятые годы были для этого быстрорастущего писателя очень плодотворными, и вскоре он стал едва ли не самым признанным лидером в военно-патриотической тематике. Обо мне же, как оказалось, Аркадий Федорович забыл напрочь. В этом я убедился, когда в восьмидесятом пришел работать в «Красную звезду», где уже трудились и Захаренко, и Житаренко. А Пинчук тогда «посткорил» по Ленинградскому военному округу.

В очередной его приезд на посткоровское совещание представляюсь ему и вижу: в упор не помнит. И так мне обидно стало: вот она, черная неблагодарность кумира.

Аркадию Федоровичу о моих переживаниях стало известно от Володи Житаренко.

— Прости, — объяснился, — меня, старого дурака. Но за четверть века знаешь, сколько военных журналистов через мои руки прошло, не мудрено и забыть кого-то.

А что сроднило нас по-настоящему, так это светлая память о погибшем в Чечне Володе Житаренко, которого оба мы любили по-настоящему.

Когда я стал главным редактором журнала «Вестник ПВО», Пинчук деятельно помог мне в становлении постоянной литературной рубрики «Дальний гарнизон». Дал мне первому для публикации и свою повесть «Берлинская стена», привлек других военных писателей к сотрудничеству. Тогда же я впервые опубликовал интервью со старшим товарищем.

- Аркадий Федорович, начнём с того, кто были твои учителя в литературе, в жизни? Когда именно состоялся военный писатель Пинчук?
- В жизни моим самым главным учителем была сама жизнь, как это ни прозвучит банально. Слишком сложное время выпало на мои годы детства и юности. В 1937 году я остался без отца, и моим главным воспитателем и учителем стал дед Белый Иван Игнатьевич. Это был талант-самородок, человек, который умел все. Он был и кузнецом, и столяром-краснодеревщиком, и механиком на первой электростанции в местечке, умел прилично рисовать и строить шлюзы в системе мелиорации, ремонтировал паро-

возы, работал мельником. Я вертелся возле него, помогал, чем и как мог, и, конечно же, чему-то научился.

Позже через мою судьбу прошло много хороших и очень интересных людей, и каждый что-то оставил во мне. Литературными своими наставниками я могу назвать нескольких писателей: Владимира Добрякова, Григория Глазова, Владимира Пименова, Роальда Назарова. Первый подтолкнул меня в литературу, поверил, что я смогу писать. Второй рекомендовал меня в Союз писателей, ибо знал меня по литературному объединению, которым руководил. Пименов был моим руководителем творческого семинара в литинституте. Роальд Назаров практически руководил моим творчеством с 1967 года. В том же году на еще Всесоюзном радио прозвучала постановка по моей радио-пьесе «Много-мало». Это была конкурсная работа, отмеченная второй Всесоюзной премией.

Потом в театрах пошли мои пьесы «Не все про любовь», «Лейтенанты». В 1969 году вышел сборник рассказов, а через два года повести «Продолжение биографии», «Потому что люблю». Затем были пьесы «Майор как майор», «Самый счастливый человек», «Небо — земля», «Честь имею», ну и так далее. У меня более полусотни книг.

- Как работаешь, как «лепишь» свои литературные образы?
- Почти все мои герои пришли в мои книги из жизни, опять же, как это ни тривиально прозвучит. Порой я даже фамилии их не менял, не было особой нужды. Всегда мне хотелось показать людей такими, какие они есть на самом деле — со своими проблемами, недостатками, сомнениями. В этом плане особенно характерен мой роман «Под знаком стрельца». Там почти нет вымышленных персонажей. Мне вообще везло на хороших, ярких, запоминающихся людей. Если ты заметил, у меня почти нет подонков и подлецов. И не пишу я о них не потому, что не встречал в жизни. Встречал. Отпетых, изощренных, даже потерявших человеческий облик. Но писать их мне не интересно, даже скучно. Ну, не вдохновляет меня человеческая мразь, что уж тут поделаешь. Другие любят ковыряться в помойках человеческих душ, мне это занятие никогда не нравилось. Скажешь: лакирую жизнь. Нет, пытаюсь вдохновлять читателя положительным примером. В наш нигилистический век это занятие посложнее любых литературных изысков, поверь, я знаю, что говорю. Я, если хочешь, как художник Александр Шилов в литературе.

Он пишет красивые картины в совершенно реалистической манере, а я в точно такой же реалистической манере создаю красивые литературные образы. И они нравятся читателям, перекормленным всякой «чернухой». Что же тут удивительного. Кстати, положительного героя тяжелее написать, нежели противоположного по качествам характера, души, поступков. Когда пишу, то, как правило, представляю себе конкретного че-

ловека. Но только внешне: жесты, манеру говорить, слушать. Сам характер создается, как правило, сложнее. Например, когда писал полковника Чижа в романе «Хождение за облака», перед моими глазами стоял дед. А в основу этого характера я положил знакомого руководителя полетами подполковника Меркулова.

В фильме «У меня все нормально» образ генерала Матюшенко один к одному списан с генерала Малашенко, с которым мы часто встречались еще во Львове. Он, кстати, узнал себя в фильме, и все его знакомые узнали — очень колоритная фигура.

- Слушая тебя, Федорович, я сейчас вот чем подумал. Раньше об армии писали много, но хороших литераторов среди них было мало. Теперь нет ни тех, ни других. Почему? Ведь, казалось бы, служба сплошь экстремальные ситуации. Неужели это неинтересно пишущему?
- Война, прости, интереснее. Даже не то, чтобы интереснее сильнее, впечатлительнее, чем вся прочая наша жизнь, в том числе и армейская. Хотя определения эти, разумеется, приблизительны. Не зря же у Толстого на первом месте война, а мир на втором. И до тех пор, покуда в стране будет хотя бы даже тлеть военный конфликт, к нему будут прикованы взоры пишущей и творящей братии. Это дважды два. А вообще-то мало глубоких и ярких произведений о нашей армии потому, что, во-первых, армейский механизм настолько специфичен, что разглядеть с ходу его шестеренки, узлы, агрегаты и приводящие ремни не так-то просто. Многие пишущие, подступая к армейской тематике, хотят решать ее именно так вот с ходу, наскоком, за одну-две командировки понять все и обо всем рассказать.

Я в армии свыше тридцати пяти лет прослужил, но не уверен, что все о ней знаю. Во-вторых, писатели, особенно режиссеры-постановщики фильмов порой стороной обходят ворота КПП, потому что их творчество сдерживается сплошными «нельзя». Помню, сколько же мне пришлось претерпеть всяческих мытарств при съемке картины «Потому что люблю».

Режиссер десятки раз хотел плюнуть на все и умыть руки. А я его сдержал. Сразу после августовских событий 1991 года наступило некоторое послабление во всевозможных цензурных ограничениях, а потом военное руководство снова «закрутило гайки» повсеместно, и все как бы вернулось на круги своя. В этом тоже специфика армейской службы: она не хочет, не любит гласности, и не всегда это только недостаток. Ты назови мне хоть одну армию мира, которая была бы полностью открытой. Нет таких армий, и с этим надо мириться. Или хотя бы смотреть на это философски.

Что же касается критики вооруженных сил и их порядков, то сейчас она значительно поумерила свой пыл. Это раньше люди боролись за власть и разыгрывали военную карту, где ни попадя. Теперь, слава Богу, другие

времена. Руководство страны у народа в целом — в доверии, и в армии больше стабильности. Это не весь тебе ответ, но добрая его часть. Во всяком случае, для меня, несомненно, то, что огульное шельмование армии в конце восьмидесятых — начале девяностых годов принесло громадный вред стране.

Некоторые «критики» просто увлекались модным веянием, другие потеряли меру в стремлении прослыть смелыми журналистами и общественными деятелями. И в результате очень быстро в обществе распространился вирус пацифизма, нежелание служить, другие отрицательные явления, разрушающее оборонное сознание народа. Последствия антиармейских истерик мы расхлебываем до сих пор. Ведь если вдуматься: едва ли не все нынешние беды армии проистекают из-за того, что практически целое ельцинское десятилетие она рассматривалась в государстве не его твердыней, как это и должно быть, а так — лишней обузой. Авиация, флот, ракетные войска, военно-промышленный комплекс — мы же все это едва не угробили. А закономерность, брат, здесь простая: сколько лет военное дело разваливали — в два раза больше времени уйдет на его восстановления. Иного не дано. Но я верю, что еще на моей жизни увижу свою армию сильной и крепкой. Ни на йоту не сомневаюсь, что так оно будет!

В годы моей юности и зрелости творчество военного писателя Аркадия Пинчука пользовалось очень большим спросом. Тогда у нас не было ни марининых, ни незнанских, ни корецких, ни дашковых с их кровавыми «дютиками». И мы читали произведения социалистического реализма. Так вот Пинчук, как редко кто другой из собственно военных писателей, умел сочинять вещи злободневные, интересные, всегда окрашенные легким юмором и тонкой иронией. Его пьесы шли во всех военных театрах страны, в нескольких столичных (в театре имени Моссовета, к примеру). По его сценариям поставлено шесть фильмов, которые до сих пор показываются по разным программам телевидения.

Руководство Главпура понимало, что один Пинчук со своими миллионными тиражами приносит несравненно больше пользы «делу патриотического воспитания советского народа», чем десять рядовых сотрудников военной газеты. Писателя поэтому не трогали до тех пор, покуда он сам не уволился на пенсию.

...Однажды я спросил Аркадия Федоровича: как тебе удается так много писать? А я, говорит, следую завету древних: ни дня без строчки. Но это же невозможно, возразил я. Ведь в жизни много таких ситуаций, когда человек физически не в состоянии сесть за стол, чтобы написать эти самые несколько строчек.

- Все это глупости. Ты же при любых обстоятельствах находишь возможность умыться, почистить зубы, побриться. Некоторые успевают еще и зарядку сделать. А если еще на полчасика подняться раньше и на столько же позже лечь спать, то за это время, при определенных навыке и сноровке можно написать пять — семь страниц. Пустяк вроде бы. Но за месяц скапливается около 200 страниц — размер малой книжки. Ну еще — полтора месяца уйдет на ее доводку и столько же времени на переговоры с издательством. В результате получается три книжки в год. Но это в теории. На практике — одна книжка, потому что вмешиваются наша пресловутая лень и те самые твои обстоятельства. Но все же в год по книжке — это вполне реально.

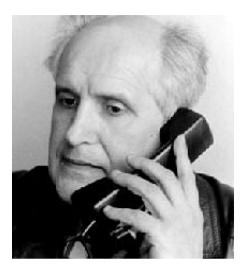
...Судьба частенько поворачивалась к Пинчуку спиной, нещадно испытывала его на прочность, гнула долу, но сломать так и не смогла. Фронтовой разведчик в 14 лет, тяжело раненый, он пошёл на службу, когда многие от неё бежали. А на службе выдержал все ее удары, выпрямился и впоследствии достойно представлял свое поколение и в журналистике, и на писательском поприще.

Пинчук отмечен Государственной премией РФ, удостоен звания «Заслуженный работник культуры». До конца жизни был полон творческих замыслов, работал корреспондентом газеты «Красная звезда». Будучи заместителем генерального директора фонда «Победа — 1945 год», Аркадий Федорович активно участвовал в ветеранском движении, руководил Международной ассоциацией писателей баталистов и маринистов, являлся членом Правления Петербургской организации союза писателей России, трудился ответственным секретарем общественно-политического и литературного журнала «Медный всадник», очень серьёзно увлекался портретной живописью.

Из воспоминаний Михаила Захарчука

КОСМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛИСТ

Михаил Фёдорович Ребров

3 июля 2021 года исполнилось бы 90 лет Михаилу Федоровичу Реброву. В газете «Красная звезда» он вёл космическую тематику с начала 1960-х годов прошлого века и, как говорится, до последнего вздоха. Космический журналист № 1.

«Мне довелось разговаривать с каждым из космонавтов накануне старта и после полёта, и каждого я спрашивал: «Что бы вы хотели делать дальше?» Все отвечали одинаково: «Снова летать!» И это были не только слова. Многие из космонавтов уже дважды, трижды и четырежды совершали полёты и не собираются ставить на этом точку».

Так написал в одной из своих 30 книг инженер по авиационному спецоборудованию, военный журналист, писатель, редактор отдела науки, техники и космонавтики газеты «Красная звезда», претендент в отряд космонавтов от Союза журналистов СССР, полковник авиации Михаил Фёдорович Ребров. И более никто из когда-либо живущих людей на планете Земля не имел, не имеет и никогда уже не будет иметь права на подобное заявление. Да, о космосе сейчас пишут многие — с некоторых пор путешествие на околоземную орбиту перестало быть даже экстремальным приключением. Но чтобы вести постоянную, глубокую и подробную летопись покорения неведомых пространств мироздания от первого в мире космонавта Юрия Алексеевича Гагарина и потом методично в продолжение 37 лет — такого журналиста, повторяю, не было, нет и никогда уже не будет.

О созидательной черте его характера хорошо написал Ярослав Голованов: «Когда я вспоминаю Михаила Фёдоровича, прежде всего на память

приходит отсутствие у него даже тени какого-либо ревнивого соперничества, что, вообще говоря, было свойственно подавляющему большинству журналистов космодрома. Реброву это чувство не то, чтобы не было знакомо вообще, но он никогда не был здесь человеком мелочным. Потом я не раз убеждался, что с Мишей можно делиться любой, даже самой эксклюзивной информацией, поскольку он наверняка не обнародует её без твоего разрешения. С ним можно было обсуждать планы своих ещё не написанных книг. Он регулярно подсказывал номера нужных мне телефонов, добыть которые было трудно.

Да что тут долго объяснять: полковник Ребров был человеком истинно офицерской чести, а проще говоря, был во всём порядочным человеком, очень дорожившим своей репутацией порядочного человека. И еще Михаилу было неведомо чувство зависти.

Познакомлю читателя с биографией Михаила Реброва. Родился он Ленинграде. Когда мальчику исполнилось пять лет, отец Фёдор Николаевич уехал на войну защищать республиканскую Испанию. Был удостоен звания Героя Республики. Потом прошёл всю Великую Отечественную. Генерал-майором ушёл в запас с должности заместителя начальника Главного ракетно-артиллерийского управления МО СССР. По его стопам пошёл и Михаил. Окончив среднюю школу, поступил в МВТУ им. Баумана на факультет «Ракетная техника». После первого курса перевёлся в Военно-воздушную инженерную академию имени Н.Е. Жуковского, чтобы стать военным ракетчиком. В звании инженера-лейтенанта Ребров служил в 49-м истребительном авиационном полку Московского округа ПВО. Там же впервые взялся за перо и написал очерк для журнала «Вестник воздушного флота» (впоследствии — «Авиация и космонавтика»). В 1957-м — год начала Космической эры, — Михаил Фёдорович стал штатным сотрудником журнала. В этой должности провожал и встречал первого в мире космонавта Юрия Гагарина. Потом уже Ребровы и Гагарины дружили семьями. В 1964 году военного журналиста Реброва перевели в газету «Красная звезда», где он проработал до самой своей кончины. Летом того же года, после удачного полета первого многоместного корабля «Восход», у Главного конструктора Королёва возникла мысль послать журналиста в космос, чтобы тот профессионально осветил проблемы невесомости и всё, что с ней связано в безвоздушном пространстве. Сергей Павлович и сам бы с удовольствием слетал хотя бы на околоземную орбиту, но врачи запретили ему даже думать об этом. Тогда Главный и пригласил для испытаний десять военных журналистов, среди которых оказался Михаил Ребров. И только он один успешно прошёл углублённое медицинское обследование, получив заключение комиссии о годности к спецтренировкам.

Краснозвёздовца откомандировали в Центр подготовки космонавтов. Барокамеры, центрифуги, полеты на невесомость, сурдокамеры, вибростенды, велоэргометры, гидробассейн, множество других тренажёров, выживание в различных климатических условиях, поездки на космодромы и прыжки с парашютом — через всё это и ещё через много другое, о чём долгие годы даже писать не разрешалось, прошёл Михаил Фёдорович. Ему посчастливилось участвовать в испытаниях системы ручного управления при моделировании возвращения на Землю со второй космической скоростью спускаемого аппарата лунного облетного корабля 11Ф91 по программе «УР500К-Л1» — так называемая Лунная программа. Одновременно с космической подготовкой Ребров окончил факультет журналистики при Высшей партийной школе.

Довольный недюжинными успехами своего подопечного журналиста, Сергей Павлович приободрил его: «Готовься, Миша, встретить своё 35-летие в космосе». Однако в самом начале 1966 года Главного не стало. Проект полёта журналиста в космос дружно похерили во всех инстанциях вплоть до ЦК КПСС. Справедливости ради следует отметить, что руководитель подготовки космонавтов Николай Каманин предлагал любимцу Главного вступить в отряд космонавтов, но Ребров, поразмыслив, отказался от суперзаманчивого предложения, о котором мечтал долгие годы. Из-за возраста.

Только в одной «Красной звезде» Михаил Фёдорович написал за 34 года активной журналистской деятельности несколько тысяч материалов по развитию космической энергетики, транспорта, связи, различных биотехнологий.

Но его главной темой всегда был космос, а главными героями — космонавты и те, кто помогал им прокладывать дорогу в неведомые дали Вселенной. Об этом его книги: «Дневник лётчика-космонавта»; «Я — «Аргон» — о командире космического корабля «Союз-З» Георгии Береговом; «Байконур на проспекте Мира»; «Космонавты»; «Над планетой людей»; «Грани популяризации, или пути к читателю» — Из опыта научно-технической пропаганды в газете; «Советские космонавты»; «Тени с острова Узедом»; «Космические катастрофы: странички из секретного досье». В предисловии к последнему капитальному труду, который Ребров вынашивал не дно десятилетие, он написал: «Долгие годы космос был как бы двуликим — известным и неизвестным. О первом мы узнавали из бодрых и восторженных сообщений ТАСС. Было в этой информации много интересных подробностей и деталей, но были и недосказанность, «белые пятна». При всём при этом вершились подвиги, а нам они преподносились столь упрощёнными и обыденными, что кое-кто ставил под сомнение заслуженность наград героями».

Михаил Фёдорович, скончавшийся в апреле 1998 года, всё же успел рассказать о том, что многие годы было тайной за семью печатями и

не удавалось опубликовать раньше. Снимки фотохроники ТАСС, АПН, из архивов космодрома Байконур и Звёздного городка, личных архивов лётчиков-космонавтов и самого автора сделали эту удивительную книгу поистине уникальной.

Ещё один труд Реброва: «Сергей Павлович Королёв. Жизнь и необыкновенная судьба» вышел четыре года спустя после смерти журналиста. Привожу выдержку из предисловия к этой удивительной книге: «В нашей истории многое, увы, забыто, а нынешнему поколению и вообще неведомо. И о людях, и о событиях. Относится к таковым, в частности, и дерзновенный прорыв человека в космос. Не будет преувеличением сказать, что тех, кто вообще что-либо слышал о проектах 40-х и 50-х годов, о, казалось бы, фантастических замыслах, победах и поражениях на этом трудном пути, о драме людей и идей, — образно говоря, единицы. И это при том, что о лидере практической космонавтики академике Сергее Павловиче Королеве написано немало — книги, поэмы, статьи, сборники творческого наследия, есть фильмы, пьесы... Но во всех публикациях о главном конструкторе первых ракетно-космических систем много купюр, белых пятен, вызванных секретностью этого человека и его работы. Даже статьи свои Королев подписывал псевдонимом «Профессор К. Сергеев». А там, где указывалась его должность, фамилия отсутствовала. Таков был порядок, установленный службой режима. Умолчание и сокрытие рождали легенды. слухи, домыслы, порою злобные и откровенно лживые.

Но даже и недруги признавали его организаторский талант, эрудицию, живой аналитический ум, феноменальную память, поразительную работоспособность. И все-таки, если попробовать выделить в человеке то самое главное, что легло в основу многих его задумок и дел, то надо сказать: крупнейший ученый и выдающийся конструктор умел и любил мечтать, обгоняя время, забегая вперед своего века».

Величие последнего труда Реброва как раз в том и состоит, что он имел право после всех этих слов добавить: я лично был свидетелем всего того, что здесь написано. Не многим известно, что Реброву в своё время предлагали даже возглавить военный отдел газеты ЦК КПСС «Правда», где бы он уж точно получил вожделенные для большинства военного люда генеральские лампасы. Отказался. Главная тема в жизни — звёзды космоса — была ему определённо дороже генеральских звёзд.

За многолетнюю деятельность в области пропаганды отечественной космонавтики полковник-инженер, журналист Михаил Фёдорович Ребров был награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта», орденом Дружбы народов и 12-ю различными медалями. Его продолжение — два внука — Иван и Виктор.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАЧАЛЬНИК, ФРОНТОВИК

Юрий Тарасович Грибов

Ю.Т. Глебов с женой Антониной Александровной, 1947 год

Мой земляк, друг Юрия Беличенко Юрий Тарасович Грибов родился в 1925 году в селе Бугры Богородского района (в настоящее время Дальнеконстантиновского района) Горьковской области. Отец — Тарас Иванович Грибов — из деревни Ушибиха Пучежского района Ивановской области. Мать — Екатерина Михайловна Шуваева — из села Бугры, где они и стали жить.

В большой крестьянской семье Грибовых росло шесть детей, и Юрий был старшим. Окончил Речное училище в городе Балаково Саратовской области. Проходил стажировку на речных судах в Саратове. Там и узнал о

начале войны. В годы войны Юрий Грибов работал мотористом на волжских судах «Карелия» и «Якутия», затем добровольцем ушёл в армию.

Окончил Энгельское пулеметное училище в городе Красноармейск Саратовской области, получил звание лейтенанта. Весной 1945 года получил назначение на фронт, командовал пулемётным взводом, а затем ротой. В составе 257-го стрелкового Варшавского полка 185-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта форсировал Одер, участвовал в боях за взятие Берлина. Закончил войну на Эльбе, где был свидетелем встречи советских и американских войск.

Член ВКП(б) с 1945 года, в партию вступил на фронте, перед форсированием Одера. После окончания боевых действий продолжил службу в составе Группы советских войск в Германии. Был назначен комендантом трёх населенных пунктов. Весной 1946 года воинская часть, в которой он служил, была выведена на территорию СССР, в военный гарнизон Песочное (Песочные лагеря) под Костромой. В этом же году Юрий Тарасович женился. Весной 1947 года дивизия была расформирована, и Юрий Тарасович был переведён служить сначала в Брянск, а потом, в 1948 году. в 4-е научно-испытательное управление Государственного Краснознаменного (ГК) НИИ ВВС, базировавшегося на аэродроме Чкаловский вблизи города Шёлково Московской области. Там он сперва командовал аэродромным взводом, а затем был назначен Начальником секретной части. Юрий Грибов впервые стал печататься в дивизионной газете. Первый журналистский опыт был получен на передовой. Ещё раньше он начал писать стихи — в школе, в военном училище, на фронте, а здесь проявился журналистский талант. Сначала писал, можно сказать, для души, а потом обязали, при этом, не освободив от исполнения командирских обязанностей.

Но все изменилось в 1953 году — Юрия Тарасовича зачислили в штат газеты ВВС «Сталинский сокол». Так началась его карьера в качестве военного журналиста. Сперва он служил в Москве, в «Сталинском соколе», а с 1953 по 1955 был откомандирован в Румынию, где работал в газете группы войск в Румынии «Советский воин» в городах Констанца и Тимишоара. После ухода из армии в запас, с 1955 года стал работать в Костроме, в областной газете «Северная правда» собкором, а с 1957 года заведующим отдела информации.

Окончил филологический факультет МГПИ им. В. И. Ленина в 1956 году. Член Союза журналистов с 1957 года. В 1962 году перешёл в газету «Советская Россия» — сперва работал собкором в Костроме, а с 1963 года переведен в Псков на должность собкора по Псковской, Новгородской и Калининской областям. Член Союза писателей СССР с 1963 года.

В 1967 году был переведён в Москву, где стал спецкором газеты «Советская Россия», а в 1968 году утвержден в должности члена редколлегии, возглавил отдел литературы и искусства. Одновременно с этим был спецкором газеты «Правда». По заданию этих газет в качестве спецкора много ездил по стране, бывал в зарубежных командировках.

С 1973 по 1982 год был главным редактором газеты «Литературная Россия». С 1982 по 1986 год был главным редактором газеты «Неделя» и заместителем главного редактора газеты «Известия».

В 1986 году был избран на должность секретаря Правления Союза писателей СССР, и занимал эту должность до 1991 года. Был ответственным за издательский сектор.

После распада СССР, а за ним и Союза писателей СССР, Юрий Тарасович стал сотрудничать с газетой «Красная звезда», и с 1993 года в течение 13 лет работал штатным спецкором. Большой читательский резонанс вызвали очерки Юрия Грибова о знаменитых людях России — военачальниках, писателях и деятелях культуры.

ВОЕНКОР «ГОРЯЧИХ ТОЧЕК»

Владимир Михайлович Житаренко

Вот уже сорок дней в редакции не слышно привычного для всех голоса Владимира Житаренко — ни в телефонной трубке, ни в дальнем крыле длинного коридора, где за стеклянной дверью почти непрерывно стучала его старенькая машинка. Там, в рабочей комнате, все осталось неизменным — стол, шахматная доска: ее Михалыч называл «прибором для разрядки», сейф... Нам, видимо, придется нарушить покой комнатки. Хочется разместить в ней лучшие снимки Владимира Михайловича — он делал их не по заданию редакции, а по велению души. Наверное, именно здесь место для номеров всех московских и многих региональных газет с прощальным словом, посвященным коллеге, официальных и неофициальных телеграмм, читательских писем — в стихах и прозе.

То, что о Владимире Житаренко после его трагической гибели многими сказано очень тепло и проникновенно, кажется не только данью уважения к его мужеству, порядочности, пронзительной честности пера. Любой, кто прочел хотя бы один его очерк или репортаж, совсем не обязательно из «горячей точки», не мог не заметить, не оценить: Владимир Михайлович всегда был верным принципу — в любом материале оставаться незримым, не выпячивать личной персоны, не ставить себя рядом с героями и, Боже упаси, над ними. Его личное присутствие чаще всего проявлялось в

деталях: «изрезанные о камни ботинки», «видавший виды бинокль с латунными проплешинами», «журнал наблюдений из школьной тетрадки в клеточку»... Порой в большой по газетным меркам публикации встречалась одна-единственная строка, за которой отдаленно, косвенно ощущалось пережитое им лично: «За рекой ударил крупнокалиберный, трасса, казалось, ушла в небо, но тяжелые пули прошумели над головой будто стая скворцов». Те пули были не его. Своих, он знал об этом от фронтовиков, не услышишь.

Иногда, подчеркнуто не занимая читателей личным, своим, Владимир, мне думалось, даже рисковал их доверием. Помню, однажды вернулся он из командировки в Кировабад, теперь это Гянжа. Там во время выброски воздушного десанта он стал свидетелем гибели прекрасного офицера, начальника полковой разведки. Владимир даже чертил на бумаге схему, чтобы лучше объяснить, как все произошло. Тогда Житаренко — так получилось — первым оказался у места падения. Услышал даже заставивший содрогнуться удар... Что-то глубинное, трудно объяснимое, как я заметил, было задето в душе Владимира. Он почему-то никак не мог успокоиться.

Спустя недели две Владимир попросился в очередную командировку, снова в парашютно-десантный полк. Вернувшись, с каким-то внутренним торжеством показал книжечку, где подписи и печати свидетельствовали, что Житаренко В.М. совершил два прыжка с парашютом. Вручили тогда ему и соответствующий нагрудный знак. Никогда ни в одном последующем материале Михалыч не упоминал о своем опыте общения с небом, хотя писал о десантниках довольно часто. Чтобы лучше понимать других, точнее выражать их чувства, мысли, он провел эксперимент над собой и только для себя. Правда, однажды объяснил все иначе: «Знаешь, сколько всяких справок требуется, чтобы допустили к прыжку? А у меня, видишь ли, документ!»

В другом случае, вернувшись из командировки то ли в 42-ю, то ли в 22-ю танковую дивизию, точно уже не помню, Владимир с озорством в глазах признался:

— Заодно выкупался с солдатами в «Чилите».

«Чилитой» в том соединении нарекли не тайную баньку для почетных гостей, а штатный гидротренажер. Если танк — может, не все об этом знают — остановится посреди реки, под толщей воды, выбраться из него экипажу очень непросто. Крышки люков придавлены так, что сдвинуть их можно, лишь затопив машину. Танкисты» надевают изолирующие противогазы, смыкают в замок руки, чтобы в случае чего помочь друг другу, и в кромешной тьме ждут, пока вода зальет боевое отделение, поднимется до крыши башни. Такого рода упражнения в гидротренажере требуют больше, чем хладнокровия. Житаренко не устоял, решил и себя прове-

рить «Чилитой». И опять же совсем не для того, чтобы это каким-то образом отразить в газете. Владимиру всегда хотелось быть ближе к своим героям, понимать их даже без слов. О технологии боевой подготовки он не писал — только о людях.

И все же однажды я услышал-таки от Михалыча реплику, которая касалась лично его. Вырвалась она, думаю, исподволь. В номере шел оперативный материал, привезенный Владимиром из Чернобыля. Он не помещался в отведенное на газетной странице место, нуждался в небольшом сокращении. Дежурный редактор предложил автору убрать один эпизод. Даже помню какой: о поездке из промзоны, с площадки АЭС в покинутую жителями Припять. По пути туда не миновать так называемого «лисьего хвоста» — участка пожелтевшего под ударом радиации леса, где рентгенометр для фоновых измерений мгновенно зашкаливал. «Логика в материале вполне сохраняется и без этого эпизода», — полагали в дежурной смене. Житаренко, подумав, с коллегами согласился. И только в коридоре как-то по-своему, не очень весело улыбнулся, как будто пошутил:

— Был абзац — и нет абзаца. А ведь обошелся он мне по крайней мере в полрентгена.

Даже в расстроенных чувствах, обиде, как, впрочем, и в необязательном разговоре, он оставался самим собой. Не рентген ведь, не два, а половинка. Ничего, кроме правды, Владимиру не было нужно.

Репортером «горячих точек» Житаренко сделала жизнь. Должности такой в штате редакции, разумеется, быть не может.

Это Владимир учредил ее — своим характером, содержанием и географией творчества.

Возможно, началось все с Приднестровья. Хотя перед этим Владимир Михайлович исколесил Закавказье, где волей политиков вдруг оказалось неопределенным правовое положение нашей армии и тысячи жен офицеров под аккомпанемент шумных митингов и стрельбы начали паковать чемоданы. С Днестром Житаренко породнился в юности. На левом — украинском берегу он, восемнадцатилетний мастер-десятник, строил мясокомбинат. «Если ты не бывал в тех краях, — светлея и молодея лицом, предавался он иногда воспоминаниям, — то и не видел настоящего чернозема. Ткни палку в землю — дерево вырастет». На правый берег Днестра — молдавский — увело его повышение: винный завод возводил уже в ранге прораба. И вот в тех благословенных местах люди вдруг оставили плуг, мастерок и взялись за оружие, не вода — кровь окропила лучшие земли планеты. Из-за чего? Каким злым ветром принесло семена вражды?

Когда Владимир опубликовал несколько переданных телеграфом материалов, вернулся на время в редакцию, я не мог не спросить:

- А заводик-то твой уцелел?
- Постарел, поизносился, но стоит, ответил Владимир и после паузы добавил в раздумчивости: Хорошо бы на видном месте обозначить, когда построен дом, проложена дорога, разбит сад... Отмаркировать, так сказать, рубеж, от которого отчалили в суверенное плавание.

Материалы Владимира Михайловича были своеобразны. Это небольшие очерки, пронизанные духом репортажа, сиюминутности. Очерки газеты по-прежнему принимают, из «горячих точек» охотно и с признательностью, но заказывают все реже. В динамичное, взрывное, полное неожиданных поворотов время предпочтение отдается иным жанрам, публикациям с прямой и обнаженной информацией, отвечающим на вопросы: что, где, когда и по возможности — почему. Эта линия устраивает многих, если не большинство читателей. Но вот проходит время, конфликт угасает, становится новейшей историей, и оказывается, что очерки о людях, честное и точное отражение их мыслей и чувств по информативности не уступают оперативной хронике. Больше того. Перечитывая книгу очерков Житаренко о событиях на Днестре, убеждаешься: никто ведь проникновеннее, масштабнее об этом не рассказал.

А затем Владимир Михайлович по-своему, по-житаренковски, опускаясь с высот большой политики к судьбам конкретных людей, к их будничным делам, тревогам и радостям, рассказывал со страниц газеты о событиях в Южной и Северной Осетии, в Ингушетии, Абхазии, в Нагорном Карабахе, в далеком Таджикистане и снова в Приднестровье... Его помнили, знали, ценили в 201-й дивизии, на многих погранзаставах, постах на Ингури, в Кодорском ущелье. Когда Владимира не стало и была подготовлена официальная справка о его командировках, листок передавали из рук в руки в полной тишине. Владимир почти постоянно находился там, где день числят за три. Мы даже как-то свыклись с тем, что он так часто вносил поправки и дополнения в свои материалы даже перед подписанием номера: его герои получали ранения, погибали в боевых схватках, от подлых выстрелов из-за угла, от мин, выставленных на горной тропе. «Ну как же так? — порой не находил себе места Владимир Михайлович. — Я же и письма его родным переслать еще не успел. А тут такой звонок!» Конечно. сердце сжималось всякий раз и у нас, но с самим Владимиром горькие вести с далеких застав мы как-то не соотносили: сам журналист вроде бы заговорен от беды, на переднем крае он гость, поберегут.

Похоже было и перед отлетом Владимира Михайловича в Чечню. Туда он просился за неделю до Нового года. Ему отказали решительно: и в Моздоке, и под Грозным уже есть наши корреспонденты, с обустройством каждого дополнительного человека в войсках проблемы — собирают де-

фицитных специалистов, потерпи, от Таджикистана остынь. Житаренко, по-военному исполнительный, смирился:

— Тогда иду к раненым, на Госпитальную.

В госпитале ему разрешили встретиться с самым тяжелым, почти безнадежным. Только родителям и ему. Юный сержант Леонид Мещаненко и седой полковник Владимир Житаренко — два русских солдата — взглянули друг другу в глаза и, кажется, даже обменялись словами. Одному оставалось жить около суток, другому — чуть больше пяти.

Между тем Владимиру Михайловичу очень хотелось верить, что Леонида вырвут у смерти. Трижды в течение дня заводил разговор об этом. Хотел что-то сказать и в четвертый, но не мог, лишь положил на стол в комнате дежурной смены оттиск своей завтрашней публикации с припиской на полях: «К сожалению, и золотые руки врачей могут не все: спасти Леонида Мещаненко не удалось».

Через двое суток Житаренко уже из Моздока диктовал отчет об очередной пресс-конференции. Дальше был перелет под Грозный. Телевизионщики передали кассету, на которой Владимир запечатлен покидающим борт вертолета на полевом аэродроме десантников. На днях в редакцию доставили его походную сумку. Сохранились листки с его последними пометками, сделанными ручкой и карандашом, судя по всему, при ночном освещении. Владимиру Михайловичу, можно предположить, называли людей, с которыми стоило встретиться. По одному из адресов он, видимо, и отправился в первые минуты нового года. Не дошел... В сумке четыре неиспользованные катушки фотопленки. Судьба пятой и фотоаппарата пока неизвестна. Кого Житаренко снимал в последние дни жизни? К кому торопился по распаханному колесами и гусеницами полю?

Житаренко как-то по-особому любил свою малую родину — подольский городок Немиров, в котором ему удавалось бывать нечасто. Знал немировскую старину так, будто был чуть ли не участником далеких событий. Заведет вдруг разговор о происшествии в семье бригадного адъютанта 36-го егерского полка, который не успел довезти жену Елену из Немирова в соседнее село, к родителям. Пришлось остановиться за прудом на взгорье, под величественными уже тогда екатерининскими липами. И вскоре из кареты раздался крик новорожденного. Кто мог тогда догадаться, что это пробует голос будущий великий поэт России Николай Некрасов?

То вдруг Владимир начинал сокрушаться, что в Немирове очень уж неуютно жилось Наталье Пушкиной, Таше, как называл ее любя отец: семейные отношения с капитаном Дубельтом, начштаба местного полка, не складывались.

Гордился Михалыч, что перед школой, где он учился, стоит памятник писательнице — классику украинской литературы. В Немирове она удиви-

Утреннее заседание редколлегии («топтушка») ведёт первый заместитель главного редактора Виталий Иванович Мороз. Слева направо: фотокорреспондент Сергей Фёдоров, Геннадий Миранович, заместители главного редактора Анатолий Докучаев, Владимир Урбан, а также Юрий Гладкевич (Беридзе), Вячеслав Лукашевич

тельно народным языком писала первые рассказы. Судьбу же связала с выдающимся русским критиком...

Даже в частностях, исторических случайностях Владимир Михайлович находил подтверждение своим взглядам, опору для убеждений. Многое вокруг очень круто менялось. Житаренко жил в ногу со временем, но было в его душе и что-то неизменное, незыблемое, вечное. Казалось, ему еще в опаленном войной детстве вручили святую чашу и наказали нести ее по жизни, не оступаясь, не расплескав ни капли. Понятия Отечества, государства, долга были в его душе столь высокими, что и выразить это до конца невозможно. О долге напоминает любая житаренковская строка — и выношенная в раздумьях, и по-репортерски вырванная у жизни, литературно несовершенная. В ней боль от того, что мы, помимо государственных, порой городим и духовные границы, выуживаем из прошлого, закрепляем в настоящем то, что разделяет и противопоставляет народы, плодим ослепленных сомнительными идеями наставников. Эта боль и бро-

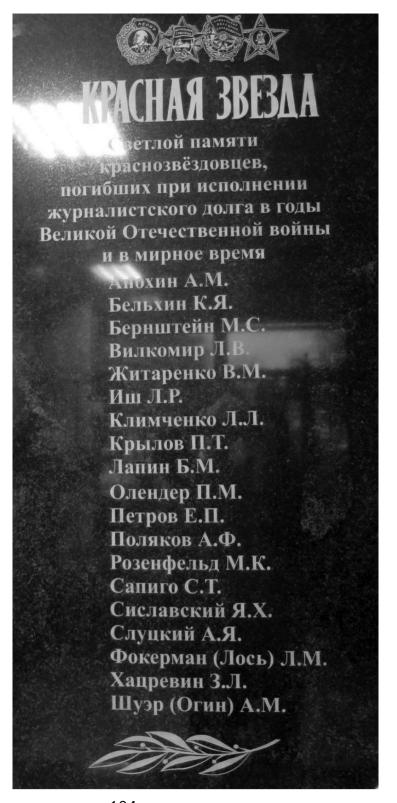
сала Владимира Михайловича из одной «горячей точки» в другую, заставляла трудиться без праздников и выходных, по-фронтовому.

Наверное, это естественно, что мы, разделенные временем, целой эпохой, с благоговением, душевным трепетом говорим о журналистской работе в годы войны Константина Симонова, Ильи Эренбурга, Александра Кривицкого, Андрея Платонова, Александра Авдеенко — называю только краснозвездовцев. Сравнивать с ними товарища из соседнего кабинета неприлично, да и ни к чему. Но ведь не утеряна же в журналистской семье преемственность, не погублены традиции. Полистай пожелтевшие подшивки — и увидишь: писалось и тогда по-разному, ярко и не очень, были взлеты, была рутина. Нет, совесть наша останется чистой, если мы не пожалеем возвышенных слов и для коллег- современников.

И в жизни, и в журналистике Владимир Житаренко был личностью. Крупной, незаурядной. Его судьба, творческая и личная, что, к сожалению, осознаешь лишь после трагедии-Подвиг.

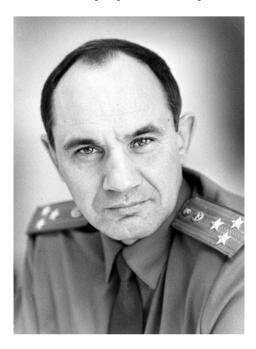
Полковник Виталий Мороз

Памятная доска на входе в редакцию

БОЕВИК И ЛИРИК ВОЕДИНО

Геннадий Дорофеевич Миранович

Талантливый военный журналист, более сорока лет он работал в аппарате редакции «Красной звезды» — редактором по отделу боевой подготовки Сухопутных войск и заместителем главного редактора.

Г.Д. Миранович родился 1 апреля 1945 года в деревне Слободка Лепельского района Витебской области в семье партизана Великой Отечественной войны. В 1967 году окончил Киевское высшее общевойсковое командное училище, в 1971 году — заочно Львовское высшее военно-политическое училище по специальности «Журналистика».

Офицерское становление лейтенант Миранович прошёл в должности командира взвода разведки. В 1969 году, оценив литературный дар, его назначили ответственным секретарём дивизионной газеты, в 1971-м перевели в газету Белорусского военного округа «Во славу Родины».

Работая с 1976 года в «Красной звезде», Г.Д. Миранович считал своим творческим призванием и офицерским долгом освещение жизнедеятельности Сухопутных войск. Он многократно возглавлял группы журналистов, выезжавших на войсковые манёвры, читателям памятны его репортажи из Афганистана.

На юбилее Геннадия Мирановича

Краснозвёздовцы знали и ценили Геннадия Дорофеевича как человека долга и чести, профессионала, способного заинтересовать читателя деловой статьёй и согреть лирическим стихотворением.

...Поехал он в отпуск в родную Беларусь и не вернулся. В родной средней школе открыли уголок в честь его, проходят уроки поэзии, на которых звучат стихи Геннадия Мирановича.

Снят документальный фильм «Миранович на «Звезде». Хороший фильм, достойный его светлой памяти.

Интервью с Сергеем Вадимовичем Степашиным

Владимир Матяш — один из его учеников и Владимир Гундаров

Олег Владыкин, воспитанник Г. Мирановича, ныне первый заместитель главного редактора газеты. На военной тропе

РАКЕТЧИК, РЕДАКТОР, ЖИЗНЕЛЮБ

Анатолий Васильевич Белоусов

На снимке: Олег Фаличев, Алексей Кулаков, Николай Калмыков, Анатолий Белоусов (отдел РВ И ПВО)

Белоусов Анатолий Васильевич — полковник, писатель, журналист по призванию. Служил он в Ракетных войсках стратегического назначения. Окончил академию РВСН, попал в 12-м ГУМО (головными частями занимался), писал диссертацию. Словом, удачливый инженер.

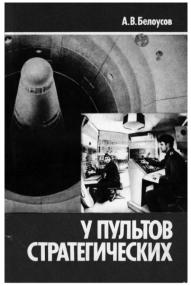
Но судьба повернула его к ракетам уже и на газетной полосе «Красной звезды». Главком РВСН Владимир Фёдорович Толубко выхлопотал должность постоянного корреспондента по РВСН. И первым на этой должности стал майор Белоусов.

Со временем пригласили его в отдел РВ и ПВО, после отдела информации он возглавил его.

Меня, как я вспоминал в начале публикации, он нашёл случайно. Мы со временем подружились.

В отделе трудились замечательные журналисты Олег Фаличев и Анатолий Докучаев. Анатолия он любил особенно.

На празднике «Красной звезды» в парке Горького

Да всех он нас привечал, с посткорами умел работать. С Александром Ивановым (ПВО) у них складывались особенные отношения.

У Анатолия Белоусова вышли две книги. Во всех полковых библиотеках есть его книга «У пультов стратегических».

Уже будучи «гражданским», Анатолий Белоусов работал заместителем главного редактора «Красной звезды».

Анатолий Докучаев моложе меня на четыре дня. Почти вместе мы пришли в «Красную звезду», только опыт его много богаче моего. Он уже работал в отделе РВ И ПВО.

Он автор многих книг. Сейчас редактирует журнал. Анатолий мне всегда приходил на помощь...

МОРЯКИ-ЖУРНАЛИСТЫ

За столом Михаил Луканин. Справа — Сергей Быстров

Их в «Красной звезде» было много. Особая каста. Отдельный мир. Назову некоторых из них.

Иван Панов, Алексей Крысов, Михаил Кореневский, Олег Баронов, Василий Воронецкий, Геннадий Савичев, Николай Шумихин.

Шли годы и к этому морскому братству прибавлялись: Сергей Быстров, Владимир Чупахин, Николай Черкашин, Анатолий Поздняков, Альберт Контиевский, Георгий Самолис, Владимир Ермолаев, Михаил Шашуто, Михаил Луканин, Владимир Урбан, Олег Одноколенко, Сергей Турченко, Александр Ткачёв, Вячеслав Лукашевич, Александр Орлов, Владислав Павлюткин, Владимир Марюха, Владимир Пасякин, Юрий Гладкевич, Валерий Громак...

Андрей Гавриленко в одиночестве ведёт теперь флотскую тему.

Капитан 1 ранга Сергей Турченко. Искатель Янтарной комнаты

Александр Орлов. У себя на родине в Сибири по увольнению возглавлял сельскую администрацию.

ЧЕЛОВЕК-ПРАЗДНИК

Владимир Яковлевич Каушанский

Владимир Яковлевич Каушанский — военный журналист, полковник в отставке, известный в стране знаток джаза, отец двух прекрасных дочерей, свидетель на моей свадьбе.

«Володя — очень большой кусок моей жизни в продолжение нескольких десятилетий. Мы с ним работали сначала в окружной газете Бакинского округа ПВО «На страже», потом в «Красной звезде», затем, оба, уйдя на пенсию, в издательстве «Парус».

Отношения всегда поддерживали ровные, товарищеские. Ещё находясь на курсантской скамье, я написал ему письмо, зная точно, что попаду в «На страже». Он ответил, как и полагается старшему коллеге: приободрил, обнадёжил. Уже потом, будучи моим начальником отдела комсомольской жизни, по-товарищески поддерживал все мои робкие начинания.

Никогда не показывал своего превосходства.

Володю с курсантской поры отличали особая интеллигентность, начитанность, врождённая влюблённость в музыку. Руководил нашим курсант-

95-летие газеты. Юрий Гладкевич, Владимир Каушанский

ским самодеятельным ансамблем «Нонпарель». Сам прилично играл на гитаре. Поэтому во всех редакционных посиделках был всегда душой компании.

Как журналист-профессионал Каушанский тоже заявил о себе ещё с курсантских времён. На последней стажировке в 1972 году он один представлял наше училище в «Красной звезде».

Помню, написал Володя очень приличный материал о конном цирке в популярную по тем временам краснозвёздовскую рубрику «Землянка». Мы все тогда ещё поняли, что главная военная газета Советского Союза обязательно возьмёт к себе такого ценного кадра. И, в принципе, не ошиблись: так оно в итоге и оказалось.

Но жизнь и служба военного журналиста весьма сложная и всегда непредсказуемая субстанция. Того же Каушанского она после ликвидации газеты «На страже» определила начальником отдела боевой подготовки в газету Закавказского военного округа «Ленинское знамя». Рафинированный интеллектуал, он долгие годы вынужденно занимался в принципе, делом, к которому душа не лежала. Однако долг есть долг, а его Володя всегда чтил. Поэтому работал, не покладая рук, параллельно обучаясь в Военно-политической академии имени В.И.Ленина на заочном отделении.

Руководство «Красной звезды» не упустило из виду старания Каушанского, и со временем поручило ему почётные, весьма ответственные обязанности постоянного корреспондента по Закавказскому военному округу. Весь гамсахурдиевский бред, когда из цветущей, самой сытой советской республики, Грузия превратилась в дымящее пепелище, выпал как раз на долю Каушанского.

В то время я, корреспондент ТАСС при министре обороны, приехал в Тбилиси с конкретной задачей: сделать интервью с командующим Закав-казским военным округом генерал-полковником Валерием Анисимовичем Патрикеевым, в котором бы военачальник на всю страну обратился к Президенту Горбачёву с просьбой ввести или прямое президентское управление или объявить в «горячем» кавказском регионе режим чрезвычайной ситуации.

Мы с Володей поэтому пообщались, как писал наш великий краснозвёздовский коллега Константин Симонов «на тычке» — кратко и оперативно. Показывая на вмятину служебного Уазика Володиного, интересуюсь: откуда она. «А, бандиская пуля», махнул рукой дружок.

Думалось, как всегда, шутит, с него станется. Потом уже узнал: точно попал Каушанский под обстрел местных нациков. Дела там разворачивались серьёзные — далеко не командно-штабные игры на ящиках с песком. Поэтому перевод в Киевский военный округ Володя воспринял как награду.

Но кто же знал, что и братская Украина уже забеременела нэзалэжностью. И пришлось Каушанскому срочно эвакуироваться в Москву.

Кроме всего прочего, белокаменная всегда влекла его еще и как столица русского джаза. На этой «музыке для богатых» «наш Каушанец» (так мы, друзья его, ласково назвали) всегда был тихо, но по-хорошему помешанный. Признаюсь, я даже завидовал столь замечательной его чокнутости, которая и определила всю дальнейшую судьбу Володи в столице.

За ничтожно короткий срок он стал своим человеком в легендарном оркестре Олега Лундстрема. Полмира объездил с его музыкантами. А потом Каушанского пригласил в свой Московский Джаз-ангажемент другой выдающийся музыкант современности Юрий Саульский. Входить в доверие к людям была главной чертой личности моего дружка.

Кстати, свою вторую жену (первая отказалась ехать в москальскую столицу) Володя взял из джазовой тусовки. Как раз в «лихие ельцинские времена» Каушанский обрёл и по-настоящему своё призвание, став редактором «Красной звезды» по отделу культуры. Можно сказать, что шёл он к этой высокой должности всю свою службу. С неё же и уволился в запас.

Из воспоминаний Михаила Захарчука

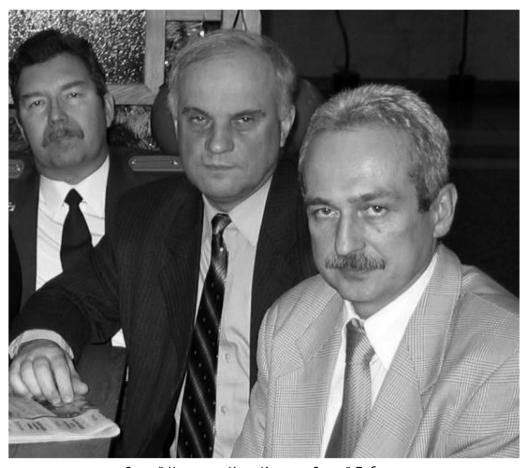
ΟΗ ΔΕΛΑΛ ΜИР СВЕТΛΕΕ

Иван Иванович Иванюк

«В ночь на 9 сентября 2018 года в Подмосковье скоропостижно скончался Иван Иванович Иванюк, редактор сайта Императорского Православного Палестинского Общества. З сентября ему исполнилось 63 года.

Он достойно прожил свою яркую и интересную жизнь и до последнего дня находился в творческом поиске как талантливый писатель, поэт, журналист. И, безусловно, в последние годы — как редактор сайта старейшей и авторитетной международной общественной организации. Его кропотливая, скрупулёзная, по-настоящему профессиональная работа, потрясающая работоспособность, интеллект и неравнодушие, вывели интернет-сайт ИППО на качественно новый уровень».

Из сообщения на сайте ИППО

Сергей Князьков, Иван Иванюк, Сергей Бабичев

Член Союза писателей России и Союза журналистов. Заслуженный работник культуры России. Лауреат премии «Лучшие перья России».

Автор многих книг, поэтических сборников, в том числе сборников афоризмов, которые были переведены на десятки языков. В издательстве «Литературная Россия» вышел его сборник под названием «Вот оно, счастье!». Он успел подписать на память этот сборник Сергею Вадимовичу Степашину, многим коллегам по ИППО и был от этого сам счастлив.

Уроженец Брестской области, в перестроечные времена Иван Иванюк был известным фельетонистом в журнале «Крокодил», работал в газете «Социалистическая индустрия», а позже много лет трудился в центральной военной газете «Красная звезда. Его воинское звание — полковник. Он окончил Российскую академию управления (сегодня — РАГС при Президенте РФ), аспирантуру кафедры физики МЭИ.

В 2003 году был прикомандирован к Счётной палате РФ, где работал в должности главного инспектора и заместителя директора Департамента стратегического контроля ресурсного обеспечения социально-экономического развития.

Талантливый, сильный духом, обладающий гибким умом и творческой инициативой, никогда не боявшийся брать на себя ответственность, он всегда пользовался уважением коллег и руководства.

Иван Иванюк был любящим и заботливым мужем, отцом и дедом. Светлый, жизнелюбивый, порядочный, искренний, он радовался успехам других людей, своих товарищей и сам стремился сделать этот мир лучше.

Из афоризмов Ивана Иванюка

Любая служебная лестница упирается в потолок.

Человечество лучше всего берегло леса, когда само жило на деревьях.

Первопроходцы протаптывают дорогу своим гонителям.

Сколько сил отнимают иные слабости!

К молчанию некоторых людей надо прислушиваться.

С телеграфным столбом тоже есть о чём поговорить, если он тебя уважает.

Всё можно объяснить глупостью — не своей, так чужой.

В жизни, как в азбуке: среди согласных немало глухих.

Всем хочется валять дурака, но очень трудно выдержать конкуренцию.

За нимб святости часто принимают ореол славы.

Мысли приходят и уходят, главное, чтобы голова оставалась на месте.

Ничто так не объединяет людей, как стремление выделиться.

Повторение прошлого — не лучший способ усвоения уроков истории.

Если не можешь создать видимость работы — работай!

Обещанного три года ждут. Потом начинают готовиться к новым выборам.

Все ошибки молодости стары как мир.

Если у тебя мало врагов, значит, ты в жизни ничего не достиг.

Если их много, то ты так ничего и не достигнешь.

Полезный человек может принести гораздо больше приятного, чем приятный — полезного.

Защищать защитников, контролировать контролеров, сторожить сторожей — на это уходит почти половина бюджета.

Это удивительно, но братьев по разуму мы ищем не на Земле, а на другой планете.

Простому народу не объяснишь, почему с ним все так сложно.

Камни в почках — философские, они заставляют задуматься о смысле жизни.

Прежде чем лезть кому-то в душу, подумай, как потом оттуда выбираться.

Заблудшие души легче находят друг друга.

Даже тот, кому нечего сказать миру, найдёт для него пару крепких слов.

Порой напомнить о себе можно лишь длительным молчанием.

Даже если твёрдо знаешь себе цену, всё равно хочется посмотреть прейскурант.

Всем женским нарядам приходится конкурировать с костюмом Евы.

В самые узкие лазейки протаскивают то, что ни в какие ворота не лезет.

Вращаются в высших кругах, ниже — крутятся.

Отпуск не проведёшь — он всегда кончается вовремя.

ДУША РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА

Василий Петрович Комиссаров

Василий Петрович Комиссаров — наш любимец.

Василий Петрович прожил, казалось бы, долгую жизнь: 25 января его поздравляли с 88-летием, а 2 апреля его не стало.

Сибиряк, наделённый недюжинным здоровьем, много занимавшийся спортом, он и на склоне лет не утратил офицерской выправки, в редакции о нём говорили, что он не ходил, а летал.

Биография Василия Петровича типична для его поколения. В 1943 году, за два дня до совершеннолетия, он становится солдатом. И сразу же на фронт. При освобождении Киева был ранен, но остался в строю. Победу встретил в Румынии младшим сержантом. После войны — военное училище, офицерская служба и в 1975 году увольнение в запас.

С декабря 1984 года жизнь полковника в отставке Комиссарова была непосредственно связана с «Красной звездой». Вначале он работал ин-

спектором отдела распространения в издательстве, а последние 20 лет — заведующим редакцией.

Деятельный, полный энергии, Василий Петрович не мог сидеть без дела, у него всё крутилось. И он был нужен всем. К нему шли с любыми нуждами. Когда он решил оставить работу, его отговаривали. Как это так: «Красная звезда» — и без Василия Петровича?

...Он обогрел лучистой улыбкой, щедрым сердцем каждого из нас.

ΗΕ ΛЮБИΛ ΗΝΥΕΓΟ ΛИШΗΕΓΟ

Вадим Александрович Маркушин

19 августа 2011 г. После долгой и продолжительной болезни скончался военный журналист, поэт и писатель, полковник запаса Вадим Маркушин.

Он родился в небольшом волжском городке Инза Ульяновской области, рос без отца, может, потому отличался удивительным упорством в достижении своей цели, а еще восторженным и открытым отношением к жизни. Что, однако, не мешало воспринимать ее во всей ее многозначности.

Вадим закончил Казанское суворовское училище, где научился говорить по-французски, потом Ульяновское училище связи, служил лейтенантом в Тамбове. Но тяга к знаниям привела офицера в Военный институт иностранных языков, где он освоил не только базовый английский, но и второй — греческий, стал переводчиком-референтом.

Служил сначала в Одесском военном округе, затем в ГСВГ, а оттуда его пригласила к себе в штат редакция «Красной звезды».

Пригласила не за красивые глаза, не за родственные связи с большими начальниками (их у него отродясь не было), а за талант, за умение безупречно формулировать свои мысли и доходчиво, опираясь на аргументы и факты, доносить их до армейского читателя. В своей родной газете Вадим проработал более 20 лет.

Вадим Маркушин, публицист-международник, поэт, интеллигент.

Коллеги шутили, что его рабочий стол всегда был девственно чист — он не любил ничего лишнего. Все свои мысли держал в голове или в компьютере. Самое личное — в скромном портфельчике, который постоянно носил с собой.

...На сороковой день коллеги собрались в его кабинете. На экране компьютера они прочитали строки, обращённые к ним. Прощальные. Он знал, что уходит.

ГОРДОСТЬ РВСН

Николай Ефимович Белан

На 63-м году жизни скоропостижно скончался полковник в отставке Белан Николай Ефимович.

Н.Е. Белан родился 27 июля 1950 года в г. Спасск-Дальний Приморского края. В 1972 году окончил Ростовское высшее военно-политическое училище РВСН. Получив назначение в Забайкальский военный округ на должность заместителя командира роты по политчасти, начал активно сотрудничать с газетой ЗабВО «На боевом посту». В 1976 году был принят в штат окружной газеты и прошёл путь от корреспондента-организатора до начальника отдела.

С 1982 года Н.Е. Белан — в аппарате редакции «Красной звезды». За несколько лет работы в центральной газете Министерства обороны показал себя зрелым, талантливым журналистом, умелым организатором. Он был назначен заместителем главного редактора газеты, побывал в командировках в Афганистане, Чернобыле.

С конца 1980-х годов Н.Е. Белан — в отделе военных корреспондентов при Министерстве обороны. Трудился в газете «Советская Россия», объездил многие «горячие точки» страны — Нагорный Карабах, Приднестровье.

Важным этапом в жизни Н.Е. Белана была служба в должности главного редактора — заместителя начальника книжно-журнального издательства «Граница», на которой он находился до увольнения в запас в 1997 году.

Ракетчики знали Николая, гордились им.

ΦΡΟΗΤΟΒИΚ, ΡΕΔΑΚΤΟΡ ЖУРНАΛΑ, ΟБОЗРЕВАТЕЛЬ

Родился 5 сентября 1926 года в с. Лески Орловской области.

С декабря 1943 года — в действующей армии. Воевал в составе 965-го зенитно-артиллерийского полка.

С 1953 года — корреспондент газеты Таврического военного округа «Боевая слава». Заочно окончил филологический факультет Харьковского госуниверситета. С 1970 года — ответственный редактор газеты ЗакВО «Ленинское знамя».

С 1973 года — главный редактор журнала «Тыл Вооружённых Сил». В начале 1990-х годов, после увольнения из Вооружённых Сил в запас, стал работать обозревателем «Красной звезды», в которой трудился около четверти века.

Алтунин Пётр Иванович вступил в Союз журналистов Москвы в 1957 г. В средствах массовой информации начал работать в 1953 г. Был главным редактором журнала «Тыл и снабжение Советских Вооружённых Сил», четверть века трудится в «Красной звезде».

«Я родился 5 сентября 1926 года в селе Лески Краснозоренского района Орловской области. Отец Алтунин Иван Фёдорович — крестьянин, участник Первой мировой войны, воевал на территории Белоруссии, Польши. При Советской власти — учитель сельской школы.

До 9 класса я учился в средней школе города Ливны. В 1943 году 17-летним был призван в армию — в 965-й зенитно-артиллерийский полк (г. Харьков). В должности разведчика взвода управления дивизиона прошёл по Украине, Молдавии, Румынии, Венгрии. В мою задачу входило обнаружение фашистских самолётов, оперативный доклад о них — количестве, местонахождении, направлении, высоте и др. При массированных налётах в поиске самолётов участвовали радары, ПУАЗО-3, дальномеры, ночью задействовались прожекторы. На счету полка — 32 сбитых самолёта. В боях за Будапешт участвовал в поражении не только воздушных, но и наземных целей. Были потери — убитые и раненые.

После войны, в конце 1945 года, полк вернулся на Украину, 3–4 года снова дислоцировался в разрушенных войной зданиях Харькова, их мы сами и восстанавливали. Я находился в должности командира разведотделения, помощника командира взвода, секретаря комсомольской организации (штатная офицерская должность). Три месяца — в Днепропетровске, на курсах радиотелеграфистов, а потом — командир радиоотделения. Затем в Вилейке, под Вильнюсом — на курсах заместителей командира батарей по политчасти.

По окончании — снова в Харьков, в штаб Юго-западного округа ПВО. В 1950 году в звании лейтенанта я был назначен политработником в Симферополь, в радиотехнический полк ПВО. Прослужил там два года.

Поскольку я был нештатным корреспондентом газеты «Боевая слава» Таврического военного округа, мне предложили перейти на штатную работу корреспондента этого издания.

В 1956 году Таврический округ был расформирован и меня направили корреспондентом окружной газеты «Знамя победы» Южно-Уральского военного округа в г. Чкалове (ныне — Оренбург). Через два года и этот округ был расформирован. Я стал корреспондентом газеты «За Родину» Приволжского военного округа в Куйбышеве (ныне — Самара), где в течение десяти лет работал начальником отдела партийной жизни и заместителем главного редактора газеты.

В 1970 года я стал главным редактором окружной газеты «Ленинское знамя» Закавказского военного округа. Через три года был направлен главным редактором журнала Министерства обороны «Тыл и снабжение Советских Вооружённых Сил», которому отдал 15 лет. После увольнения в запас (никак этого не ожидал) 25 лет — по настоящее время — корреспондент газеты Министерства обороны «Красная звезда».

Я награждён четырьмя орденами и 30-ью медалями. Таков мой путь».

АФГАНЕЦ, РАКЕТЧИК, СОЦИОЛОГ

Виталий Леонидович Скрижалин

Полковник в отставке, 30 лет работал он в «Красной звезде».

В.Л. Скрижалин родился 22 марта 1937 года в селе Каликино Добровского района Липецкой области. В 1954 году окончил лесной техникум в Борисоглебске и до призыва в армию трудился помощником лесничего в Гвардейском лесхозе Калининградской области.

С ноября 1956 года — в рядах Вооружённых Сил. В 1964 году окончил Львовское высшее военно-политическое училище, освоив специальность военного журналиста.

С декабря 1982 года — корреспондент «Красной звезды». Виталий Леонидович несколько лет освещал в центральной военной газете тематику РВСН и Войск ПВО.

С 1982-го по 1985 год был постоянным корреспондентом при 40-й армии в Афганистане, награждён орденом Красной Звезды и афганским орденом «Слава».

Во всей полноте Виталий Леонидович проявил свой талант на посту редактора отдела писем и социологических исследований — члена редколлегии «Красной звезды». Подготовленные им тематические обзоры почты неизменно вызывали отклики в войсках и на флотах, способствовал решению проблемных вопросов, крепили связь и взаимодействие газеты с читательской аудиторией. Отдел особенно бережно относился к письмам фронтовиков, воинов-интернационалистов. Виталия Леонидовича ценили в редакции как верного товарища и друга, человека, влюблённого в газетное дело, готового щедро делиться жизненным и профессиональным опытом.

НАЧАЛЬНИКИ КОРСЕТИ

В творческом коллективе редакции все руководители — редакторы. И только корреспондентской сетью командует Начальник.

И то сказать, десятки подчинённых корреспондентов на местах под его началом.

На этой должности — своё творчество, к каждому корреспонденту надо найти подход, свой ключик.

Это умел делать Михаил Михайлович Малыгин. Мой первый начальник в «Красной звезде».

Главное качество такого начальника — уметь заступиться за подчинённого, если нужно.

Мих Мих умел делать и это. Настоящий он мужик, скажу я вам.

...По просьбе коллег после начальника корсети Александра Иванова я год исполнял эти обязанности, не оставляя РВСН.

Потом пришёл зам. главного редактора Анатолий Стасовский и сообщил, что он будет совмещать должность начальника корсети. Может, и правильная была задумка. Только Анатолия в один день уволили вскоре. Странно всё это выглядело, коварно.

С Анной Валентиновной Потехиной мы подружились, когда она трудилась на ракетном полигоне в Плесецке руководителем пресс-службы. А закончила службу начальником отдела корсети в «Красной звезде». Первая женщина на этой хлопотной должности.

М.М.Малыгин

Геннадий Миранович с начальником отдела корсети Анной Валентиновной Потехиной. 90-летие «Красной звезды».

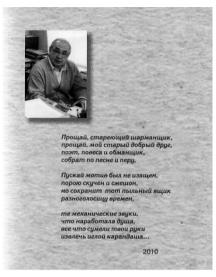

Зимние спортсмены. В верхнем ряду посредине Владимир Гавриленко (был начальником отдела корсети), Сергей Князьков, Пётр Карапетян. Внизу — крайний слева Евгений Богданов, крайний справа Анатолий Стасовский (заместитель главного редактора и начальник отдела корсети одновременно).

Коллектив газеты. Всё меньше и меньше штыков.

n/n	Democker strame • H. O.	Делжинсть, округ, группа. Олет, горед
t.	Подполксоник Астаниян Инколай Сергссияч	Посткор по СК ВО г. Ростов-па-Депу
2.	Полковину Бедула Олег Изанович	Старинй посткор по При ВО г Самара
3.	Палхениях Беропков Анателий Виктерович 4 - 8632	Старонай песткор по СК ВО г. Ростои-па-Депу Бурим Варт
4	Подполковии: Бугай Александр Сергеевич	Посткор по При. ВО г. Самира
5.	Майер Веклич Александр Андрессия	Посткор по Сиб. ВО г. Невесиберск
6.	Капитан 2 ранга Громек Велерий Изаневич	Старинай посткор по ДКБФ и прибалтийскому регизиу г. Калиниптрад (обл.)
7.	Киписан 2 ранга Гуцазроз Владимир Александровач	Песткор по СФ г. Североморей
a.	Madop Дамирок Александр Покольскич	Посткор по Заб ВО г. Чита
9.	Капретан Денисов Витьлий Алексеевич	Посткор по ГРВЗ г. Тбилися
10.	Подполковиях Делини Александр Индионеч	Посткор по РВСЯ в/ч 41466 г. Месква
11.	Подполжения Виким Александр Бериссанч	Посткор во Войскам ПВО г. Москев, в/ч 56800
12	Капитан 3 ранги Иналов Анатолия Георенскич	Посткер по ТОФ г. Петрилатопск-Канчыскай
D.	Полковину Коладев Ваперий Неколасопт	Посткор по Белируся г. Минск
14,	Полковоми. Ладин Анатолий Петревич	Стартий посткор по Средней Азия и Казахотапу г. Алматы
15.	Полковии Мынуткии Александр Петронеч	Посткор по ВВС г. Москва
16.	Палковинк Маркунии Вадим Александронич	Посткор во 31'В
17.	Майер Несмяння Грагорай Грасорьевич	Песткор по Укранос г. Кига
18.	Полковик Олийник Александр Михайлович	Старина посткор по МВО г. Москва
19.	Какитан 2 ранга Племени Владиони Михайленич	Старший посткор по ЧФ и Крыму г. Сепастополь
29.	Полидонны Пакаса Сергей Сейфуль-Мульковыч	Пескор во ЗГВ
21.	Подковина Поздоси Леонид Енгеньевич	Старина косткор во Ур ВО г. Екатеринбург
22.	Палковинк Паликов Анаталий Петренич	Посткор по Укражне г. Киса
23.	Песксовик Стрельцев Валерай Федорович	Пастаер на ЛВО г. СПетербу
24.	Полковник Усольна Валерий Петренич	Старинй посткор по ДВО г. Хабаревск
25.	Подпалковияк Хабаров Вяктор Инколисаеч	Посткор по ЗГВ
26.	Капитан 1 разен Широков Владимир Федорович	Посткор по ТОФ г. Владинест

Сборник стихов Владимира Гавриленко

ПОЭТ, ПУБЛИЦИСТ

Владислав Николаевич Павлюткин

Родился он в Петропавловске-Камчатском в 1956 году в семье флотского офицера. После Камчатки отец служил на Каспийской флотилии — в Баку, затем длительное время на Северном флоте: в Оленьей Губе, Полярном, Западной Лице.

В 1979 году окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище.

Службу начинал на Камчатке, в отдельной бригаде подводных лодок, потом служил на эсминце «Влиятельный».

В 1982 году стал корреспондентом газеты Камчатской флотилии «Тихоокеанская вахта», в 1985 году — корреспондентом газеты Балтийского флота «Страж Балтики».

В 1992 году окончил Гуманитарную академию Вооружённых Сил (ныне Военный университет МО РФ), после чего служил в еженедельном издании МО РФ «Сын Отечества», а после его закрытия — на разных должностях в газете «Красная звезда». В запасе с 2006 года.

Участник боевых служб в Индийском и Атлантическом океанах. Был в командировках в «горячих точках». Ветеран боевых действий. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Капитан 1 ранга запаса.

Зима ударила внезапно, Хоть ставь по тактике зачёт. Дырявя заметь чёрным драпом, Идёт-скользит курсантский взвод. Снежок, запущенный умело, – Азарт баталии возник. Лишь часовой в тулупе белом Застыл, как первый снеговик. 1977. Киев

Весна авралит по-морскому: Легко, задиристо, смеясь. По ватервейсу городскому Звенят ручьи, смывая грязь. И ветерок метёт вдоль улиц Истлевших листьев шелуху, И солнце рыжее споткнулось, Остановилось наверху. Глотает лужи торопливо, Не в силах жажду утолить. Волнистым паром над заливом Размыта горизонта нить. Деревья-мачты уж готовы Набухших почек сбросить груз, И отдаёт зима швартовы, И лето уточняет курс. 1977, Киев

В УЧИЛИЩЕ

Неповторимые сонаты Играет ветер по ночам. Вот и октябрь. С утра — бушлаты В угоду ранним холодам. С рассвета светопреставленье, Все мысли — с корабля на бал: Сегодня «берег», увольненье, В бытовке форменный аврал. Как броненосная эскадра. Пыхтит ватага утюгов... И вот он, радостный экватор, -С ворот низложенный засов... Закружат листья расписные, И на Владимирской горе Друзей бушлаты смоляные Утонут в жёлтом октябре... 1978. Киев

на шлюпке

— Вёсла... – Рупор поперхнулся, выждал... — На воду! – Рывок! — Pas, pas, pas! – И ял рванулся, Оперевшись на гребок. И пошёл по борту берег. Словно дёрганный фильмец: Парапет, домишки, скверик Да трамвайный бубенец. — Раз! И...раз! — В угоду счёту Вёсел-крыльев дружный взмах. Сыплет солнце позолотой, Небо плешется в волнах. Где-то музыки журчанье С микрофоном вперебой: Нынче в городе гулянье, Ходят девушки гурьбой. Ну а здесь — одна забота: Как бы «щуку» не словить. — Раз! И...раз! Спиной работать! Загребные, не частить! — Раз! И...раз! — Гребок, как выдох. — Раз! И...раз! — Занос, как вздох От уключинного взрыда Не один бы эльф издох. Спины мокрые, как в бане, По вискам стекает зной... Борту левому — табанить: Полдистанции долой. Проплывает рядом вешка – Мили верный часовой. Огибай её — не мешкай! – И домой, домой, домой! — Вёсла... на воду! — Непросто Наверстать былую прыть: Подустали даже вёсла. — Ре-же! Ре-же! Не частить! Волны в борт толкутся хлюпко. На два корпуса почти Впереди несётся шлюпка.

Надо, надо обойти!
Руки, кажется, из ваты,
Но упрямо напряглись...
Обошли!
— Давай, ребята!
Ну-ка, дружно, навались!
... Тонет бухта в звуках меди.
Пляшет финишный буёк,
Нашей радуясь победе.
Баста!
— Вёсла — на валёк!

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ

Александр Борисович Иванов

Служили мы с Александром Ивановым посткорами в одно время. Он по ПВО, я — по РВСН. А по увольнению из армии его занесло на моря.

Стал он генеральным директором ОАО «Енисейское речное пароходство». До этого занимал должность директора Московского Западного порта.

Александр Иванов родился в 1958 году в городе Красне Львовской области. Окончил Львовское высшее военно-политическое училище, Военную академию и Поволжскую академию государственной службы им. П.А. Столыпина с отличием.

Двадцать два года прослужил в Вооруженных силах, полковник запаса.

С 1999 года — заместитель управляющего делами Исполкома Всероссийского общественного движения ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство».

С 2000 по 2001 год — заместитель председателя комитета по делам печати и информации, заместитель министра-руководителя аппарата правительства Московской области.

С 2001 года Иванов возглавляет управляющую компанию Московского Гостиного Двора.

С 2005 по 2008 год — директор ГУП «Московский Западный порт», где основной его задачей являлось приостановление процесса банкротства, оздоровление экономики предприятия, сохранение государственного иму-

щественного комплекса. С его участием разработана Концепция реконструкции Западного порта и создание на его базе крупнейшего в Европе логистического комплекса «Порт-Сити» в системе Московского международного делового центра «Москва-Сити».

Является членом Совета по морским делам при Мэре Москвы, членом Экспертного Совета Комитета Госдумы РФ по транспорту, автором трех общественно-политических сборников, член Союза журналистов.

Награжден орденом «За военные заслуги», медалями.

HAIII ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Вячеслав Казимирович Лукашевич

При мне он был ответственным секретарём редакции. Военный журналист, специальный корреспондент газеты «Красная звезда».

Родился в 1941 г., получил высшее журналистское образование, служил офицером на Балтийском флоте, был ответственным секретарем флотской газеты «Стража Балтики».

С 1981 г. работает в газете «Красная звезда» являлся сотрудником отдела литературы и искусства, редактором отдела политики, ответственным секретарем.

А какую рубрику авторскую вёл в отделе политики! При Горбачёве «Красная звезда» открыто критиковала Яковлева, Шеварднадзе...

После увольнения в запас в звании капитана I ранга трудился спецкором.

Член Союза писателей России, возглавлял флотское литературное объединение им. Алексея Лебедева.

Автор пяти книг, из них четыре — поэтические сборники. Лауреат премии Союза журналистов Москвы.

Первым заступился в стихах за Наталию Гончарову, за белых офицеров («Пью красное вино за белых, пью белое вино за красных», сборник стихов так и назывался «Красное вино»).

На снимке: в центре — И.М.Панов, крайний справа — В.К.Лукашевич

Лейтенанту Александру Стовбе

Поэты воинской судьбы, Друзья отваги и устава, На зов серебряной трубы Вы отзываться не устали.

На карту ставя жизнь свою, Играли честно, без обмана В крутом бою, в чужом краю, В слепых горах Афганистана.

Вам ордена дала страна, Вы их под сердцем привернули. Но почему — то в ордена Не попадали дуры — пули,

А били в сердце напрямик Из — за обрыва, из тумана. И в горле глох последний крик, И это тоже без обмана.

И было слышно за версту, Как тишина стояла в роте... Но песня шла на высоту В самостоятельном полете.

Сквозь боль и даль, огонь и дым, Ориентируясь по звездам, Подбитым аистом седым Она к родным вернулась гнездам.

Спасибо вам за эту быль, За этот ваш глоток из фляги, Поэты воинской судьбы, Друзья устава и отваги. ***

Пью красное вино за белых, Пью белое вино за красных. Но вина перепутывать — незрело, А смешивать тем более — опасно.

А смешивать тем более опасно Две грозди виноградные, два цвета, Две песни недопетые, две краски, Два знамени вчерашнего рассвета.

Два знамени я поднимаю снова, Два солнцем переполненных стакана — Пью красное вино за Гумилёва, А белое — за Бедного Демьяна

Из сборника «Красное вино» (Издательство «Красная звезда», Москва, 1993 г.).

поэт жизни

Юрий Вахтангович Гладкевич (Беридзе)

Родился в 1956 году в Грузии.

Окончил факультет военной журналистики Львовского высшего военно-политического училища, редакторское отделение Военно-политической академии имени Ленина. Работал в редакции газеты «Красная звезда».

Участвовал как журналист в «горячих точках» в Южной Осетии и Абхазии.

Автор сборника стихов «Кровоточины».

Лауреат премии имени А.С. Грибоедова.

Я помню Юрия в отделе социальных проблем у Ивана Иванюка.

Оба ярко и напористо проявили себя в земных темах, но оба научились поэтизировать жизнь.

Юрий сегодня поэтические темы будто из родника черпает.

Я в своё время сверстал сборник его стихов «Нота». Остался он в электронном варианте.

Прими, Господь

Из пламени да копоти – в мир светлой тишины... Теперь, выходит, Господи. Ты вместо старшины? Тогда прими по описи: «калаш», бронежилет, рожок в кровавой окиси пустой, патронов нет. А гильзы-колокольчики усыпали поля. Сперва патроны кончились, а вслед за ними — я. Пиши, Господь: солдатское исподнее бельё. душа моя арбатская и тело — без неё.

родные мои...

ивановы, петровы, рогожины, чудаковы... и несть вам числа... все вы в землю когда-то уложены, и густая трава проросла там, где вы полегли безымянными, где безвестными вы полегли, где могил застарелыми шрамами вы остались на теле земли...

мы вас помним... мы плачем, не ведая, где нашли вы последний покой... да, в историю нашу победную кто-то пишет бесстрастной рукой, что потери уже подытожены, кто безвестен — уже навсегда... ивановы, петровы, рогожины, чудаковы — ушли без следа...

в эту запись не верьте лукавую, в ней ни правды, ни совести нет... так уж вышло, что встал над державою не рассвет, а почти беспросвет... верьте песням, которые сложены, верьте в тех, кто за вас постоит, Ивановы, Петровы, Рогожины, Чудаковы, родные мои...

УНИКАЛЬНЫЙ ЗВЯГЕЛЬСКИЙ

Ромен Аронович Звягельский завершил жизнь на должности главного редактора журнала «Российский адвокат», где востребован был его богатый жизненный и журналистский опыт.

Он окончил Киевское суворовское училище и Киевское училище связи. Работал корреспондентом «Красной звезды» по группе советских войск в Германии, заместителем главного редактора журнала «Советский воин». Выйдя в отставку в звании полковника, Звягельский организовал газету «Человек и право», а потом журнал «Российский адвокат». Он проявился талантливейшим фотокорреспондентом. Фотографии его смотрятся, как произведения искусства.

В журнале он публиковал свои яркие очерки и снимки. Из них получилась книга «Откровения». Я даже вычитывал её перед выходом в свет вместе с корректором.

Он везде проявлял свои дарования. Рассказывают (и я от него слышал), как будучи заместителем главного редактора журнала «Советский воин», Ромен поднял это издание на заоблачную высоту. В нём стало трудиться больше офицеров, чем в «Красной звезде»! Журнал имел своих корре-

спондентов во всех округах, на флотах и в группах войск. Некоторое время издание выходило на нескольких иностранных языках!

Сам, как корреспондент, Звягельский мотался по стране и делал головокружительные, сногсшибательные материалы, которым потом завидовали в «Красной звезде» и во многих других изданиях. С некоторых пор советские космонавты стали летать в космос не с удостоверениями «Красной звезды», как раньше, а с корочками «Советского воина», что, конечно же, организовывал Звягельский.

Он побывал в полусотне стран мира, но Камчатка, Сахалин, Курилы, вообще Дальний Восток был любимой его стороной. Оно и понятно: семь лет из сорока отданных службе, пропахал на Чукотке. Будучи военным корреспондентом, прыгал с парашютом, спускался на подводных лодках, ходил в дальние походы, поднимался в заоблачные выси, дрейфовал с полярниками на станции «Северный полюс-23». Написал двенадцать книг, пятнадцать киносценариев.

Один из них — «Вторая жизнь старого фото» — на кинофестивале в Риме получил Гран-при. Когда Рома вернулся из Италии, то рассказал мне, как потратил причитающуюся ему сумму гонорара в 10 тысяч долларов. Он пригласил всех участников фестиваля (более 300 человек!) на фуршет! И на все 10 тысяч зелёных устроил пир на весь мир!

Обладая хорошими голосом и умением играть на гитаре, Звягельский не вылезал из «гавани, куда заходят корабли». Имеется в виду популярная когда-то телепередача с одноимённым названием Эдуарда Успенского.

Долгие годы Ромен Звягельский дружил с Булатом Окуджавой, и история этих отношений достойна отдельного рассказа.

Однажды Ромэну позвонил его старый приятель полковник внутренних войск Паневин, начальник одной из колоний строгого режима. У меня, говорит, тянет срок отличный мужик Константин Чередник. Посадили его по злому навету якобы за убийство, а парень ни в чем не виноват. Дрались пять прибалтов, они же своего и порешили, а кинувшегося разнимать Чередника и побили до полусмерти, и еще навесили на него «мокрое политическое дело». Помоги, если можешь. Тогда Аронович впервые и встретился с Шалвовичем, который был членом комиссии по помилованию при президенте. Опуская бесчисленные подробности, скажу, что в итоге Константин Чередник, отсидев шесть из полученных тринадцати лет, был освобожден. Надо ли говорить, что он почитает Ромку как отца родного. В другой раз Звягельский помог подняться на ноги человеку, почти ставшему бомжом, кстати, родному сыну великого татарского поэта, узника фашистской тюрьмы, автора «Моабитской тетради» Мусы Джалиля. А когда узнал, что ветерану войны в свое время на фронте, перестраховав-

шись, не вручили звезду Героя Советского Союза, — дошел до Горбачева, но справедливость восстановил.

Как-то поехал он в Бельгию, по делам Российской гильдии адвокатов (он был вице-президент этой организации). Случайно в Антверпене встретился на выставке с местной художницей Викторией Спейс и, опять же случайно, узнал, что на самом деле она — кубанская казачка Виктория Васильевна Сорина. Надо быть Звягельским, чтобы, оттолкнувшись от этого приземленного факта написать чудную книгу «Виктория» — пронзительный, удивительный, совершенно потрясающий рассказ о любви нашей соотечественницы, в юности угнанной в Германию и бельгийского юноши, тоже заключенного в фашистском концлагере!

Из воспоминаний Михаила Захарчука

Он привечал всех в своём издании.

В журнале «Российский адвокат» трудились в своё время ветераны — краснозвёздовцы: Владимир Селёдкин, Валерий Рязанцев, Игорь Вашкевич, Юрий Теплов, Николай Белан, я там открыл трудовую книжку по увольнению из «Красной звезды».

БУДТО ЭТАЛОН НРАВСТВЕННОСТИ

Галина Эразмовна Конюшкова

Галина Эразмовна Конюшкова — журналист, чьё имя «в авторской рубрике» не сходило со страниц «Красной звезды» более 40 лет.

В 1956 году 25-летней придя в «Красную звезду»», она с первых же публикаций заявила о себе как о многообещающем газетчике-профессионале.

Все последующие десятилетия её очерками о проблемах и деятелях культуры, рассказами об интересных людях — где она их только находила, — корреспонденциями на темы быта, раздумьями на семейные темы зачитывался буквально каждый, кто брал в руки «Красную звезду» — будь то домохозяйка или маршал.

Один из известных военных журналистов, полковник в отставке, как-то признался ей в любви: «Я, Галина Эразмовна, рос на ваших материалах, начиная с курсантских лет, да и доныне не гнушаюсь брать у вас уроки».

В памяти краснозвёздовцев старшего поколения Галина Эразмовна останется обладательницей добрейшей души, готовой поделиться последним даже с незнакомым человеком. Её с полным на то основанием можно назвать эталоном нравственности.

КОСМОНАВТЫ ИЗ «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Александр Андрюшков, Валерий Бабердин

12 апреля, в День космонавтики, непременно вспоминаю шестерых журналистов, получивших в начале девяностых годов прошлого века специальность «космонавт-исследователь».

Сегодня мало кто и помнит, что российские журналисты много лет назад боролись за место в космическом аппарате.

Все началось в апреле 1989 года, когда официально объявили: подписано неправительственное соглашение между Главкосмосом СССР и японской телекомпанией ТВS о полете на советском космическом корабле журналиста этой телевизионной фирмы. Таким образом, японскому журналисту предстояло стать первым среди всех коллег мира, кто увидит Землю с высоты орбитального полета. С советской орбитальной станции «Мир».

Если не ошибаюсь, вопрос: «А как же наши?» — первым задал в телерепортаже о подписании договора комментатор Центрального телевидения Сергей Слипченко.

Еще через десять дней гневной статьей разразился ветеран космической журналистики Ярослав Голованов, сославшись на мнение С.П. Королева, который вполне серьезно говорил о полете в космос нашего собрата по перу. И уже через несколько дней была создана космическая комиссия Союза журналистов, цель которой «предложить кандидатуры журналистов для подготовки к космическому полету». В этой связи объявлялся творческий конкурс.

Откликнулись около тысячи журналистов. Сито первого тура прошли чуть больше двадцати. Затем меня ждала командировка на Байконур в группе, возглавляемой ведущим летописцем отечественной космонавтики — начальником отдела «Красной звезды» полковником Михаилом Ребровым.

Было то, что на всю жизнь осталось в памяти как праздник: присутствие при запуске в космос «Союз ТМ-8», знакомство с «Бураном», разговор с создателями ракеты-носителя «Энергия» и Иваном Григорьевичем Борисенко, вручавшим удостоверение космонавта Юрию Гагарину...

Многое, очень многое хранит память. После Байконура были знакомство с работой подмосковного Центра управления полетами, различными московскими институтами и первая медицинская проверка в Институте медико-биологических проблем. На медицинской проверке познакомился я со Светой Омельченко из «Воздушного транспорта», Юрием Крикуном из Киева, Сережей Жуковым из «Техники и экономики», Пашей Мухортовым из Риги, двумя полковниками из «Красной звезды» — Валерием Бабердиным и Александром Андрюшковым.

Именно они, да еще Валерий Шаров из «Литературной газеты» окажутся в заветной шестерке, зачисленной для подготовки к полету. Именно они прошли медико-космическое чистилище, находящееся в Центральном военном научно-исследовательском авиационном госпитале, порог которого переступил и я в январе 1990 года.

О том памятном времени, на описание которого не хватит и газетной полосы, осталась запись в медкнижке: «Капитан 2 ранга Громак В.И. находился в 7-м ЦВНИАГе на обследовании по теме № 1». И приговор: «Хронический компенсированный тонзиллит». Хотя, как сказал мне в частной беседе генерал-майор из отборочной комиссии, дело было в другом: «Три журналиста из «Красной звезды» (в штат центральной военной газеты я был зачислен 18 января 1990 года) в отряде космонавтов — это явный перебор».

Но я искренне радовался за Валерия Бабердина и Сашу Андрюшкова, мечтавших о космосе с детства. Бабердин в свое время окончил Военную инженерную академию, Андрюшков — Высшее военное училище летчиков. Космонавтика была их стихией.

В 1991 году краснозвездовцы Бабердин и Андрюшков сдали экзамены и получили квалификацию «космонавт-исследователь».

«Нас было шестеро, — написала мне Света Омельченко, — а полететь мог в лучшем случае один. Каждый был готов к тому, что останется на земле.

Тяжелее других это перенес бы Валера Бабердин. Он учился старательно, экзамены сдал на отлично. Мне говорил: «Прости, Светка, я всегда уступал женщине, но тебе этот полет не уступлю». Мы надеялись, конечно, до последнего. Но не сложилось...»

Света Омельченко, которая в одном экипаже с Бабердиным и Салижаном Шариповым выживала в пустыне, накануне Дня космонавтики написала мне очень много о рано ушедших из жизни краснозвездовцах космонавтах-исследователях Бабердине и Андрюшкове. «Я вот что вспомнила о них, — пишет космонавт-исследователь Светлана Омельченко. — Одно из первых серьезных испытаний — тренировка на выживание в Арктике под Воркутой в январе 1991 года. До этого три месяца за партами динамику и баллистику изучали. Приехал в Звездный Яцек Полкевич, итальянец польского происхождения, руководитель известнейшей школы выживания. Упакован, экипирован. Определили его в экипаж к нашим краснозвездовцам. Не выжил Яцек. То есть помереть ему спасатели, конечно, не дали. Откачали, отпарили, отпоили. А Валера с Сашей продолжили тренировку. Правда и то, что им самые сложные погодные условия достались.

Если у нас суммарная температура была минус 56 градусов, то у них покруче. Помню, что были еще и снежные заносы, буря. Так самое интересное, что Полкевич потом опубликовал большой материал (до нас дошел перевод), где рассказал о своем участии в тренировках космонавтов, ни слова не сказав о том, что сошел с дистанции, и не упомянув даже о Бабердине и Андрюшкове.

Валерий обижался. А Александр обижаться не умел».

И еще приведу один отрывок из письма Светланы: «Валерий, всколыхнул ты воспоминания. Теперь остановить их не могу. Саша как живой перед глазами. Он ни с кем не ссорился. Только Юра Крикун мог заставить его возмущаться. Не любил он Крикуна. Хотя и не ввязывался с ним в перепалку.

Один раз на моей памяти не выдержал. Юра тогда оскорбил официантку — тетю Валю. Она даже плакала. Кстати, она кормила еще Юрия Гагарина, рассказывала нам о нем. Меня удивляло, как она запоминала все наши вкусы и пристрастия и, если запаздывали с тренировок, каждому оставляла то, что он любит.

Андрюшков тогда рассвирепел и стал требовать, чтобы Юра извинился перед официанткой. Впрочем, требовал он тоже интеллигентно...»

Капитан 1 ранга Валерий Громак

4. ВСЮДУ ЗНАКОМЫЕ, МИЛЫЕ ЛИЦА

Ирина Павлюткина, Нина Дмитриченкова, Наталья Рязанцева, Людмила Капытова, Людмила Тимофеева, Татьяна Титова, Анастасия Боякова, Марина Щербакова.

Мужчины редакции организуют женщинам праздник. 2019 г.
Из архива Людмилы Тимофеевой. Слева направо: Сергей Солдатенко, Илья Николаев, Николай Ефимов, Леонид Хайремдинов, Аркадий Адамченко, Александр Тихонов.
За столом: Дмитрий Рябоконь, Геннадий Миранович (режиссёр-постановщик),
Владимир Кузарь, Сергей Петрачков

Любовь Ивановна Романова — помощник главного редактора

Владимир Мохов. Был посткором, начальником отдела корсети. Сдвинул с места жилищную проблему в редакции.

Юрий Апальков. Служил в ПВО, был замполитом дивизиона. В газете руководил отделом спорта. Нашел себя в музыке, в организации концертов и вечеров.

Слева Павел Герасимов — редактор фотоотдела. Выпускник МГУ. С Сергеем Князьковым.

Сергей Князьков

Служил в «Красной звезде» с февраля 1991 года по май 2010. Сначала в отделе Вячеслава Лукашевича (отдел военно-политической информации), работал в заместителях у Анатолия Стасовского, когда он взялся за корсеть.

Трудился с Иваном Иванюком.С его уходом возглавлял отдел социально-экономических проблем.

После моего увольнения выполнял функции политработника в «Красной звезде», главный редактор поручал ему разного рода общественные мероприятия.

Мы с ним и сейчас активно общаемся, как ни с кем другим из газеты нашей поры.

Вадим Коваль с отцом

Вадим Коваль

Работал постоянным корреспондентом в Новосибирске. Дружил с ракетной дивизией в этих местах.

Побывали мы там с Г.Мирановичем, Ю.Беличенко, встретились с молодым журналистом, приглянулся он нам.

Стали хлопотать о переводе в Москву. Сошлись на том, что для его семьи будет лучше жить во Власихе, место в пресс-службе было.

Так и стал у нас Вадим руководителем ракетной пресс-службы, полковником, заслуженным работником культуры РФ.

Заслуженный работник культуры РФ Ирина Павлюткина. Руководит отделом культуры. Поэт. На её стихи написаны песни. Их исполняли Анна Резникова, Алла Пугачёва.

Ноябрь 2015 г. Капитан 1 ранга Андрей Почтарёв. Зашёл ко мне в гости в ИППО. Писатель, многодетный отец. Сейчас работает в парке «Патриот»

Полковник Александр Зотов.
Один из руководителей секретариата.
Вместе с ним работали Игорь Подгурский,
Игорь Дмитроченко

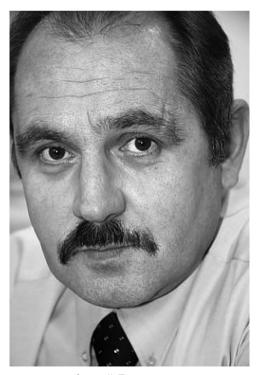
Самый молодой ответственный секретарь газеты полковник Дмитрий Рябоконь

Роман Бирюлин — сын офицера -ракетчика. Руководил отделом спорта, сейчас исполняет обязанности корреспондента по Ракетным войскам. Валерий Газзаев вручает ему приз.

Борис Солдатенко. Журналист, писатель, замечательный отец

Сергей Прокопенко

Министр обороны РФ Сергей Шойгу награждает Олега Починюка

5. С КЕМ СВЕЛА СУДЬБА

Итогом 17-летней службы в «Красной звезде» стала моя первая печатная книга «Судьба ракетная такая».

Говорят, времена романтической журналистики прошли. В таком случае нам, журналистам 1980-х, повезло. Мы-то работали не с холодным экраном монитора. Работа наша была богата на встречи с замечательными людьми. И вот я поднял архивы и понял, что совсем неплохо получится, если «освежу» публикации «Красной звезды», к которой имел честь принадлежать почти 17 лет, новыми деталями о современниках — героях газетных зарисовок и соберу их под обложкой книги. Герои её — крупные военачальники, ветераны Великой Отечественной войны, Герои Советского Союза и России, лауреаты Ленинской и Государственной премий, учёные, конструкторы, пионеры ракетной и космической техники, космонавты, писатели...

В стране Советов была бездна прекрасного, истинное богатство и гордость её составляли наши соотечественники, истинные национальные герои. И воспринимать их должно с добрым, благодарным сердцем, равно как и «простых» людей, с которыми свела меня судьба в дальних и ближних от Москвы гарнизонах: дорогими моему сердцу ракетчиками.

Неизбалованные широкой известностью, немногословные, как хлеборобы или кузнечных дел мастера, они благородно и достойно служат, и это — в высшей степени патриотично.

2007 г. На презентации книги «Судьба ракетная такая» в Лермонтовском обществе с первым в мире водителем лунохода Вячеславом Довганём

МАРШАЛ СЕРГЕЕВ

1 декабря 1993 г. Власиха. Интервью с главкомом И.Д.Сергеевым

Год 1992-й запомнился еще и тем, что главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения стал Игорь Дмитриевич Сергеев. И первое интервью с ним в новой должности, конечно же, появилось в нашей газете, в один день с публикацией о «Луноходе».

Об интервью мы договорились, когда генерал Сергеев был ещё заместителем главнокомандующего по боевой подготовке. Он уезжал в отпуск. Всё указывало на то, что новое назначение состоится.

Так и вышло. В конце августа 1992 года вышел Указ Президента РФ о назначении генерал-полковника Сергеева главнокомандующим РВСН. Он прервал отдых и вернулся в Москву. Встретились в его кабинете.

— Спасибо вам за все, — посчитал необходимым поблагодарить Игорь Дмитриевич, — в моем назначении есть и ваша заслуга.

Ну как тут не согласиться было молодому тогда подполковнику с тем, что «вырастил» главнокомандующего! Пошутили по этому поводу, я напомнил об обещанном интервью.

— Дайте разобраться с делами, и мы обязательно встретимся.

Рассказывают, что назначение это не было однозначным. Предпочтительней считалась кандидатура опытного начальника Главного штаба

РВСН. И он-де предлагал даже Игорю Дмитриевичу, бывшему у него когда-то в подчинении, свою должность в случае назначения главкомом. Случилось все не так.

Игорь Дмитриевич, человек неординарный, любящий ломать стереотипы, предложил поменять схему работы над интервью. Раньше корреспондент готовил вопросы, главком поручал оперативному управлению и другим службам подготовку ответов на них (считалось, и по большому счету, верно, что каждое слово военачальника — предмет большой политики), внимательно просматривал тезисы и предлагал их для редактирования журналисту, предупреждая о недопустимости никаких вольностей даже в заголовке, и уже готовое «интервью» подписывал. Надо сказать, это не было прихотью главкомов. Существовали на этот счет директивы, приказы, на страже находились цепкие цензоры. И не зря. Позднее я убедился, насколько внимательны были к подобным выступлениям военачальников и даже моим заметкам спецслужбы наших недругов. Открытостью и гласностью Ракетные войска тогда не щеголяли. Своих газет у них не было, о пресс-службе только мечтали, журналисты приезжали к главкому лишь по праздникам.

Когда мы побеседовали с «новатором» Сергеевым, и я предложил свой вариант публикации, он...решил вернуться к прежней, обкатанной схеме. От греха подальше! И долго потом мы с генералами Малашенковым, Ососковым и тогда еще полковником Светиковым корпели над первым, представительским интервью главкома, убирая всякие вольности, делая его политически «выдержанным».

Вот что из этого получилось.

- Игорь Дмитриевич, вы седьмой главком в истории PBCH, вся ваша служба связана с ракетами, но окончили-то вы военно-морское училище...
- В военно-морское училище я поступил по собственному желанию. Под влиянием моряков, которые были в роду Сергеевых. Но обстоятельства повелели изменить характер службы. Это было время создания РВСН, формировавшихся на базе всех видов Вооруженных Сил. В ракетные части пришли моряки, летчики, артиллеристы...
 - Вы упомянули о роде Сергеевых...
- Он простой, не именитый. Отец с 11 лет работал в шахте. Участвовал в Великой Отечественной войне, затем восстанавливал Донбасс. Мать растила детей. В семье все было направлено на то, чтобы дети получили высшее образование. Я, старший сын, стал военным, младший профессор, доктор медицинских наук.
- На должность вы назначены Указом Президента Российской Федерации. Каков статус Ракетных войск сегодня?

- О предназначении и статусе Ракетных войск стратегического назначения, входящих в состав Стратегических сил, все сказано в Соглашении, подписанном и утвержденном главами государств Содружества. В рамках этого юридического документа и строят РВСН свою деятельность. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации они переданы в оперативное подчинение Главному командованию Объединенных Вооруженных Сил Содружества. Непосредственное руководство войсками возлагается на главнокомандующего РВСН, который подчиняется министру обороны Российской Федерации и несет персональную ответственность за состояние Ракетных войск, их боевую готовность, всестороннюю подготовку, руководство боевым дежурством, гарантированное обеспечение ядерной безопасности...
- Ракетные войска по-прежнему несут боевое дежурство. Это естественно. Но в связи с известным заявлением Президента России читатели задаются вопросом: куда нацелены ракеты?
- Вопрос выбора целей дело большой политики. Задача стратегических ракетчиков, как вы правильно подметили, нести боевое дежурство в установленных степенях боевой готовности. Этим самым мы обеспечиваем выполнение задач, поставленных перед нами высшим руководством страны и Вооруженных Сил.

Очевидно, что перенацеливание ракет не может быть односторонним актом, если вести речь о коллективной безопасности.

- Игорь Дмитриевич, давайте коснемся такого острого вопроса, как взаимодействие России, Украины, Казахстана и Беларуси относительно РВСН.
- Многие проблемы в этом разрешены рядом соглашений, заключенных государствами-участниками Содружества. Однако вопросы есть. На сегодня главный среди них состав и порядок управления Стратегическими силами, в том числе и РВСН.

Все возникшие проблемы здесь требуют серьезной проработки и нахождения взаимоприемлемых условий для их разрешения, исключая конъюнктурность.

Вообще надо исходить из главного: РВСН — целостный организм, а не отдельные пусковые установки. Все они связаны органически единым руководством, централизованной системой боевого управления и эксплуатации ракетно-ядерного оружия, единой системой боевого дежурства на всех уровнях управления до пусковой установки включительно. Все это замкнуто гибкой обратной связью. Если этого не учитывать, то дело обеспечения безопасности Содружества только проиграет. И никто нам этого не простит.

- Безопасность обеспечивается и высокой надежностью остающихся на вооружении ракетно-ядерных средств. Но многие предприятия военно-промышленного комплекса останавливаются, рвутся их связи. Будут ли РВСН в будущем обладать современным оружием?
- Вопрос имеет под собой основу. Но, на мой взгляд, есть пути его решения, даже с учетом ущерба от разделения бывшего Союза. Современные боевые ракетные комплексы имеют высокие качественные характеристики. Главные из них высокая боеготовность, мобильность, живучесть, способность преодолевать системы противоракетной обороны и поражать цели с любой степенью защищенности. Снимая те или иные из них с дежурства, новые модернизируются и по боевым характеристикам предшествующим не уступают.
- В последнее время в печати нет нет да и появляются сенсационные сообщения о хищении, продаже ядерных боеприпасов. Как обеспечивается ядерная безопасность в войсках? Исключено ли несанкционированное применение оружия?
- За 33 года существования РВСН случаев пропажи ядерных боезарядов не было. Слух об этом иначе как провокационными не назовешь. Ведь вопросы ядерной безопасности, предупреждения несанкционированных действий в наших войсках всегда в центре внимания. Со дня их зарождения уже были предусмотрены необходимые меры, вложены значительные ассигнования.

К ракетно-ядерному оружию допускаются только высоко подготовленные специалисты. Круг в святая святых строго ограничен. Способы защиты и охраны ядерных объектов всесторонне проработаны наукой, опробованы многолетней практикой, учтен и мировой опыт. Так что опасность применения ядерного оружия из-за ошибочности или преднамеренности злоумышленников исключен.

- Игорь Дмитриевич, но возле этой техники люди со своими настроениями, усталостью, проблемами. Живые они, в конце концов, и судьба их, как и всех нас, особо не балует...
- Все это так, но в Ракетных войсках действия специалистов, особенно при опасных и ответственных операциях, подлежит тройному контролю. К тому же, как я уже сказал, автоматика не позволит вольностей. Что касается социальной напряженности среди личного состава Ракетных войск, то она, конечно, есть. Мы ведь не в вакууме живем. Тысячи офицеров и прапорщиков, даже из числа несущих боевое дежурство, не имеют жилья, некоторые ждут квартиры по 2–3 года. Находясь на боевом дежурстве в среднем по 18 суток в месяц, не имея угла, где можно бы отдохнуть после него, радости, понятно, они не испытывают. А если учесть, что и жены у многих не могут найти работу, и детей из-за перегруженности до-

школьных учреждений некуда пристроить, и денежное содержание хоть и увеличивается в последнее время, но не поспевает за ценами, то вполне объяснима неудовлетворенность многих условиями жизни. Встречаешься с офицерами и прапорщиками и чувствуешь: не все уверены в завтрашнем дне.

Пользуясь случаем, хочу выразить общее мнение ракетчиков: скорее нужно принимать Закон о статусе и социальных гарантиях военнослужащих. Его проект получил всеобщее одобрение в войсках. Люди ждут, когда его примут депутаты.

...И все-таки мы, несмотря ни на какие трудности, должны быть оптимистами. Оптимистическое начало в нашей службе и жизни должно иметь место. Я вообще верю в возрождение России и успешное становление ее Вооруженных Сил. Угроза мировой ракетно-ядерной войны и широкомасштабного военного конфликта сегодня практически сведена до минимума. Вместе с тем нельзя забывать: военная опасность не перестала быть реальностью. Стало быть, роль РВСН, обладающих средствами обеспечения глобальной стабильности, остается пока прежней.

В последнем абзаце Игорь Дмитриевич при правке хотел добавить «верноподданческие» слова в адрес президента (так всегда учили), но согласился со мной, что когда-нибудь придется за них краснеть: президенты меняются, а «Красная звезда» в архиве остается. Удивленно посмотрел главком на меня при этом.

Может, вспомнил он об этом эпизоде, когда с болью говорил о гибели «Курска» с экрана телевизора, будучи министром обороны: «Все разворовали, обескровили Россию!..» Мне казалось, что он шел на верную, осознанную гибель как министр с этим заявлением — не заметили, или сделали вид, что не было вызова.

Чтобы понять атмосферу того времени, позволю цитату из книги И.Ильинского «Главный противник» — выдержки из доклада президента США Б.Клинтона на совещании Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США 25 октября 1995 года:

«... Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранении одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы.

Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создать.

Да, мы заплатили за это миллиарды долларов, но уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и т.д.

Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тысяч тонн меди, почти 50 тысяч тонн алюминия, 2 тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и т.д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно.

Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 миллионов долларов, а затем такие же суммы, многие из политиков, военные также не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно — планы наши начали реализовываться.

Однако это не значит, что нам не над чем думать.

- ... В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:
- расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;
- окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;
- установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам.

Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна — США».

Времена, когда Сергеев был главкомом, а потом и министром обороны, легкими никак назвать нельзя. Кто-то до сих пор ругает его принцип: «С деньгами всякий может служить», призыв: во всем искать внутренние резервы, предлагать «компенсационные меры» (все это стало потом и министерским стилем работы). Искать — то уже нечего было, все сусеки выскребли, военнослужащие месяцами денег не видели... Но что ему оставалось делать при дефиците всего и вся. Как бы то ни было, удалось главкому Сергееву сохранить и войска, и оружие. И никто этого не сможет опровергнуть.

Вот как характеризует этот период мой однополчанин по шяуляйской дивизии, серьезный военный аналитик генерал Владислав Наумович Малашенков.

РВСН в период вступления Сергеева в должность главкома имели в боевом составе 4 ракетные армии, состоящие из 20 дивизий. На их вооружении было 1.112 стационарных (шахтных) и мобильных (самоходных пусковых установок — СПУ и боевых железнодорожных ракетных комплексов — БЖРК, поставленных после предательской оговорки Шеварднадзе еще в середине 1980-ых на прикол). На Украине — 2 дивизии в составе 156 пусковых установок с ракетными комплексами СС-19, СС-24, с украинским статусом. В Белоруссии и Казахстане размещались также по 2 дивизии под юрисдикцией России и имели в своем составе соответственно 156 (СС-18) и 72 (СС-25) пусковые установки (ПУ).

После ликвидации ракет средней дальности (РСД) главком убедил Генеральный штаб и правительство принять решение о дополнительном производстве 135 ПУ «Тополь» и развертывании их на базе ракетных дивизий РСД. Это позволило сохранить инфраструктуру, офицерские кадры, и специалистов-ракетчиков, обеспечить в целом оптимальное решение социальных проблем.

В последующем Сергеев решает задачу перехода к двум типам ракетных комплексов в составе войск. Учитывая, что за всю историю РВСН в соединениях и частях находилось 32(!) типа ракетных комплексов, поставленная задача имела исключительный выигрыш как в военном, так и в экономическом плане.

Создание ракетного комплекса «Тополь-М» с моноблочной ракетой обеспечивало не только сохранение на предельно допустимом уровне количественного состава группировки РВСН. По своим тактико-техническим данным, утверждают разработчики и специалисты, этот комплекс превосходит аналоги предыдущих поколений в 1,5-2 раза по точности, боеготовности, живучести и стойкости к поражающим факторам ядерного оружия. Кроме этого, «Тополь» обладает высокой способностью в преодолении системы ПРО противника и поражения стратегических объектов на всех без исключения стратегических воздушно-космических направлениях и практически на всех континентах и акваториях мирового океана.

...Вот так «Тополь»! А его еще и модернизировали под руководством энергичного генерального конструктора Юрия Соломонова. Стали носитель и боеголовка ловчее и хитрее. 20 декабря 1994 года на полигоне в Плесецке планировались первые испытания «Топола-М». Игорь Дмитриевич очень переживал за успех пуска. Любивший журналистов, на сей раз он решил не брать никого из пишущей братии. Пришлось мне «уговаривать» его. Подумал главком, дал добро на поездку. Я же в свою очередь пообещал в случае удачного пуска написать об этом «восторженно», а при неудаче — оставить воспоминания для будущей книги (тут следует оговориться, что неудачный пуск ракетчикам, конструкторам и испыта-

телям приносит полезной информации иногда больше, чем успешный). Еще я привел совсем уж убедительный аргумент: генеральный конструктор Юрий Соломонов считает-де меня талисманом Московского института теплотехники (головного «тополиного» разработчика — А.Д.): все пуски, на которые он приглашал посткора «Красной звезды», проходили почти без сучка и задоринки. Раз не пригласил...

О первом пуске модернизированного «Тополя» вспоминаю потому, что не писать о нём невозможно. Слишком большое значение имел он для Ракетных войск, для страны.

Итак, мы приехали с Игорем Дмитриевичем с командного пункта на площадку «Южная» к неостывшей еще шахте, из которой победно ушла ракета. Он трогал руками «опалубку», испачкался в саже. Был оживлен: «Смотрите, даже боковые фонари целыми остались». Обернулся ко мне, воскликнул: «Саша, пошла-пошла ракета! Пойдет и серия! Не останется Россия без ядерного щита!». Готов был обнять всех участников пуска за блестящую и самоотверженную работу. В глазах его блестели слезы. То ли от ветра, то ли от переполнявших чувств...

Пуск подтвердил надежность модернизированного комплекса и вселил уверенность, что в стареющую ракетную группировку вольется свежая кровь.

Отчего был так эмоционален главком Сергеев, читатель поймет, прочитав главу этой книги о генерале Болысове.

Три года спустя (23 декабря 1997 года), Игорь Дмитриевич сам же ставил на опытно-боевое дежурство первый полк в Татищеве, вооружив его еще не окрепшим до конца в летно-конструкторских испытаниях «Тополем-М». Тогда Сергеев был уже министром обороны и маршалом. Даже поговорить с ним не удалось. Лишь обнял меня, молча, оторвавшись от многочисленной свиты, когда встретились мельком в узкой потерне заглубленного командного пункта.

... И после внезапной кончины маршала Сергеева многие ставят ему в вину то, что руководя военным ведомством, он только и делал, что пестовал свои любимые Ракетные войска. Оставим это на совести оппонентов. Скажу только, что РВСН «съедали» из военного бюджета около 6 процентов, что сокращение их гораздо дороже содержания. В обескровленной России мы сами бы с ликвидацией ракет не справились. Потому американцы так охотно давали деньги на уничтожение наших пусковых установок. Свои «першинги» они прожигали на стендах, а у нас лихо взлетали на воздух сотни ракетных шахт, разлетались на кусочки надежные «Пионеры» — ракеты средней дальности. Успешно «выпили» янки, как подметил мой друг и коллега Анатолий Докучаев, перспективную ракету «Ока», которую «подставил» под Договор о РСМД щедрый Михаил Сергеевич Горбачев.

Не все решают министры, а тем более главкомы. Они, прежде всего исполнители. Сергеев, всегда искавший, по его любимому выражению, калитку в глухом заборе, как-то посетовал: вы видите во мне ГЛАВКОМА, а на самом-то деле и в Генеральном штабе для меня не все двери открыты, уж тем более в правительстве ...

Последний раз мы встретились с маршалом Сергеевым в президент — отеле, где проводилось заседание возглавляемого им Клуба военачальников. Рядом с ним были верные Владислав Наумович Малашенков и его воспитанник генерал Валерий Павлович Бублий. Игорь Дмитриевич уже болел, хотя мало кто об этом знал. Поездки к медицинским светилам в Германию и Израиль ничего не дали.

Наш последний разговор состоялся по телефону. Я поздравил его с днем рождения. «Саша,- ответил он, — я всё помню. Очень дорожу нашей дружбой…»

Скончался он, поделился генерал Виктор Федорович Топольцев, на утро после дня рождения сына. «Дотерпел», чтобы не испортить праздник Дмитрию. Хотя, какой уж тут праздник! Близкие были готовы к горькому исходу с часу на час.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЕСИН

В Ракетных войсках исключительно доверяли оценкам «Красной звезды». Главкомы, казалось, даже кадровые назначения поверяли по тем или иным публикациям о ракетчиках: раз журналист идет к человеку, значит, тот чего-то стоит. Однажды Игорь Дмитриевич спросил: «Почему ты не пишешь о генерале Есине? Это же такие мозги, такая умница!»

Виктор Иванович Есин был для меня почти что родным. Мы служили с ним одно время в управлении шяуляйской дивизии, помню его еще подполковником. В отсутствие главкома именно он «визировал», как было положено по директиве Генштаба, имевшие принципиальное значение материалы, что готовил я к публикации. Человек скромный, генерал Есин никогда не выпячивался, и даже намека не подавал на желание лишний раз выступить в газете. У него и без того всегда было дел по горло. Но в дни, когда Ельцин расстреливал «Белый дом», когда Хасбулатов с Руцким взывали о помощи к армии, когда, «повстанцы», знаю, выходили на связь с некоторыми ракетными командирами, а в этом политическом угаре, казалось, забыли и о «ядерном чемоданчике», и о тысячах боеголовок, он согласился на интервью. Тогда Виктор Иванович был начальником оперативного управления Главного штаба РВСН. С присущим ему достоинством мудрый «начопер» спокойно разъяснил, что никакая ситуация стратегических ракетчиков из равновесия не выведет и не выбьет из колеи (после

этого интервью Виктор Иванович стал выступать в газете часто, по самым злободневным вопросам).

- Виктор Иванович, в критический момент для России, в чьих руках находилась «ядерная кнопка»?
 - Как и положено, в руках Президента Российской Федерации.
- Ракетчики несут боевое дежурство в различных степенях боевой готовности. Какой она была в эти октябрьские дни (1993 г.)?
- Обычной. Боевое дежурство неслось в постоянной боевой готовности. Никаких указаний Верховного главнокомандующего или министра обороны на изменение степени боевой готовности не было. А мы действуем в строгом соответствии с их распоряжениями.

Главнокомандующий РВСН генерал-полковник И.Д.Сергеев, исходя из складывающейся обстановки, принял обоснованное решение на повышение бдительности, усиление охраны, а при необходимости — и обороны объектов.

- А чем занимались Ракетные войска в эти дни?
- Плановой боевой учебой. Конечно, с учетом ограничений, исходя из ситуации. Прежде всего, в московской зоне, да и в других регионах. Были, наложены, например, резонные ограничения на выход войск из пунктов постоянной дислокации.
- Не нарушились ли в войсках планы боевой учебы? Итоговые проверки пришлось, как известно, перенести...
- Нет, не нарушились. Пришлось только скорректировать планы боевой учебы и выезды в войска адекватно сложившейся ситуации. Командиры на местах, вне московской зоны, проводили проверки, но с известными ограничениями, о которых я уже говорил.
- И все же, видимо, есть проблемы, которые мешают нормальной жизнедеятельности PBCH?
- Они известны и характерны для всех видов Вооруженных Сил. Например, недостаточное финансирование. Мы не просим ничего дополнительного, но, что планировалось на 1993 год, необходимо. Правда, в последний месяц дело несколько поправилось. Правительство отдало некоторые «долги», но этого недостаточно.

По этой причине в ряде мест не можем подготовить должным образом объекты к зиме. Еще одна проблема — комплектование. В целом сержантами и солдатами ракетные части укомплектованы так же, как и другие виды войск. Отсюда — повышение нагрузки на личный состав, особенно офицеров, при выполнении ими не только своих обязанностей, но и за «отсутствующих» военнослужащих.

— А какой может быть судьба договоров о сокращении стратегических наступательных вооружений?

- Мы полагаем, что Договор СНВ 1 будет реализован. Он ратифицирован Россией, Казахстаном, Беларусью. Нет пока подписи Украины. Вместе с тем мы не можем держать на боевом дежурстве те ракетные комплексы, срок эксплуатации которых истек. Снимаем их с дежурства, как и американцы, в плановом порядке, упреждая вступление в силу договоров. Проводим эту работу в минимально необходимом объеме, заботясь о ядерной, технологической и экологической безопасности.
- И последнее, Виктор Иванович. В «Красной звезде» публиковались материалы по проблемам ядерной безопасности в первомайской дивизии на Украине. Насколько там серьезна ситуация?
- Она осталась прежней и может измениться к лучшему только при реализации в практическом плане договоренностей относительно ракетно-ядерного оружия, достигнутых президентами России и Украины в Ялте. Мы контролируем ситуацию в ракетных частях на Украине в рамках оперативного управления группировкой. Административное управление, как известно, в руках Министерства обороны Украины.

Интервью с генералом Есиным я, как полагалось, назвал: «Ядерная кнопка» оставалась под контролем Президента». Но, сдается, что в эти роковые 90-ые только благодаря сложившейся в Ракетных войсках системе боевого дежурства удалось удержать ситуацию и с людьми, и с оружием под надлежащим контролем. Президент, который при вояжах за границу без конца «перенацеливал» ракеты и «обнулял» их полетные задания, не особо советуясь при этом со специалистами, возможно, и не вспомнил в пылу удержания власти о ядерном джинне и своих ракетчиках. Но, может быть, я не все знаю.

... Недавно Виктор Иванович отметил юбилей. Порадовало, что «Красная звезда» уже и без меня поздравила его зарисовкой, в которой нынешний постоянный корреспондент по РВСН Дмитрий Андреев открыл для себя и напомнил нам много интересных фактов из биографии этого замечательного человека.

«Генерал-полковника в отставке Виктора Ивановича Есина постоянным читателям «Красной звезды» представлять не нужно. Рассуждения авторитетного военного эксперта о проблемах ядерного сдерживания неоднократно публиковались на страницах газеты.

Виктора Есина в армейской среде называют человеком-легендой...Его карьеру можно считать фантастической. Никого не толкая локтями, минуя тернии командных должностей (Виктор Иванович не был ни командиром полка, ни командиром дивизии, но являлся начальником оперативного управления Главного штаба, на которую, как правило, назначали начальников армейских штабов, начальником Главного штаба, ее занимали обычно командармы — А.Д.), он дослужился до генерал-полковника. Впро-

чем, Виктор Иванович и не мечтал о лампасах, поступая в Московский авиационный институт».

– Но для комплектования РВСН военными инженерами, — рассказывает Виктор Иванович, — летом 1959 года произвели спецнабор студентов ведущих технических вузов в Военную академию имени Дзержинского, куда меня взяли в качестве слушателя с четвертого курса МАИ.

Обучение шло гладко, и новая специальность военного инженера-механика по ракетным комплексам стратегического назначения впечатляла Виктора не меньше, чем авиационные двигатели. Окончив академию, инженер-лейтенант Есин попал в 79-й ракетный полк (в литовский город Плунге, в составе шяуляйской дивизии — А.Д.), который через год принялучастие в операции по размещению на Кубе Группы советских войск.

– Из огня да в полымя, — делится своими впечатлениями спустя десятилетия участник легендарной операции «Анадырь». — Мне пришлось возглавить подготовку ракетного вооружения дивизиона. Если честно говорить, не хватало не только опыта, но и знаний. Я не стеснялся обращаться к командирам стартовых батарей, которые, как правило, прошли Великую Отечественную войну.

Операция, продуманная до мельчайших деталей, предполагала дезинформацию не только американцев, но и всех советских военнослужащих, убывающих на остров Свободы.

Дело в том, что под Анадырем действительно строились стартовые позиции для ракетного полка, — поясняет Виктор Есин, — так что это была не случайная метафора, а ложный след грандиозного стратегического обмана.

Легенда походила на правду еще и потому, что кроме стратегических ракет в лесовоз «Кимовск» грузили лыжи и зимние тулупы. На верхней палубе корабля, где должно было находиться ракетное вооружение, для отвода глаз располагалась сельскохозяйственная техника, а ракеты размещались в трюмах. Но размеры люков не позволяли подавать их в горизонтальном положении, погрузка осуществлялась под углом и заняла трое суток...

— Капитану судна вручался особый пакет, который следовало вскрыть после прохождения кораблем указанных координат, — продолжает свой рассказ нынешний консультант командующего РВСН, в нем указывались порт, в который мы следовали, а также разрешение объявить об этом личному составу.

Переход через Атлантический океан был изнурительным. Об этом Виктор Иванович напишет в своих мемуарах: «Выход людей на палубу в целях маскировки ограничивали, а при подходе к Багамским островам, когда начались облеты советских морских транспортов самолетами американ-

ских ВВС и появились корабли сопровождения США, вообще запрещался. Люки твиндеков (на судне) покрывались брезентовыми чехлами, и из-за несовершенства вентиляции температура в твиндеках порой достигала 50 градусов и более. Положение усугублялось еще и тем, что очень многие военнослужащие страдали морской болезнью».

Напряжение нарастало. Все сознавали опасность. Судно могли захватить в любую минуту.

— В связи с этим нам выдали справки о том, что мы являемся специалистами сельскохозяйственной техники. К примеру, я ехал на Кубу перерабатывать сахарный тростник, — иронизирует генерал-полковник Есин, — как агроном.

Выгрузка, как и транспортировка в полевые районы, стратегических ракет осуществлялась ночью. Внешние подступы к портам охранял специальный горно-стрелковый батальон. Через каждые два часа водолазы проверяли подводные части кораблей и дно гавани.

– Уже 20 октября (1962 г.), фактически через два месяца, наш полк заступил на боевое дежурство, вспоминает Виктор Иванович. — Мы работали с рассвета до поздней ночи. Условия были тяжелыми, без преувеличения. Спали в палатках. Из-за повышенной влажности ложились в мокрую постель, которую сушили собственным телом. Тем не менее, дивизия была приведена в боевую готовность раньше установленного срока.

Однако конфликт был разрешен политическими средствами, и 29 октября личный состав соединения приступил к демонтажу оборудования и стартовых позиций, и еще через несколько дней дивизия передислоцировалась в Советский Союз.

– Операция «Анадырь» дала мне, как офицеру, неоценимый опыт, — признается генерал-полковник Есин, — во многом обеспечила мое продвижение по службе.

А вот еще одна биографическая деталь. Именно на Кубе Виктору Есину было присвоено очередное воинское звание старший лейтенант. Заветные погоны он получил из рук генерала армии Иссы Плиева в присутствии Фиделя Кастро.

Думается, что не стоит подробно останавливаться на каждой ступеньке его карьерной лестницы. Однако необходимо сказать, что он был начальником Главного штаба РВСН, впрочем, и эта должность не стала вершиной его карьеры, затем он был и начальником отдела — заместителем руководителя аппарата Совета обороны РФ в Администрации Президента России и начальником управления военной безопасности в аппарате Совета безопасности РФ. В настоящее время Виктор Иванович — консультант командующего РВСН, первый вице-президент общественной Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка.

Сейчас он мастерски парирует целый ворох информационных выпадов в адрес России и, без преувеличения, считается одним из самых видных аналитиков по вопросам, связанным с проблемами ядерной безопасности».

Читая записки ракетного посткора, может сложиться впечатление, что все-то у автора было легко и радостно. Этакий баловень судьбы! Так вот, отвечу. Радостно было с людьми, о которых пишу в этой книге. О других — умолчу, исповедуя (с точностью наоборот) принцип лермонтовского Печорина, который утверждал: «Радости забываются, а печали никогда».

Печалей хватало. И с должности некоторые начальники пытались упрямо снять, и материалы мои иногда вызывали возмущение и гнев у некоторых из главкомов. И директивы издавали — по поводу «неумения работать с корреспондентами «Красной звезды». О тех, кто лишил служебной машины и корреспондентского пункта, вообще вспоминать не хочется. Но работал тогда еще задорнее, не благодаря, а вопреки.

Министр обороны Павел Грачев грозился уволить за разглашение государственных секретов. За одну из корреспонденций — «Стратегические ядерные силы: ситуация критическая», одобренную руководством Ракетных войск. Он наказал главкома Сергеева и генерала Есина. Мне передали предупреждение начальника Генерального штаба о том, чтобы я поаккуратнее распоряжался информацией: была проведена профилактическая беседа. Причем сделали это в первые минуты моего приезда на полигон Плесецк (в течение всего полета отслеживали корреспондента по линии командного пункта, так срочно надо было приструнить зарвавшегося журналиста, видимо). Можете представить, каково после этого работалось. А вечером того же дня еще и отозвали в Москву, прервав командировку. Думалось: ладно — пусть уволят, жаль только тех, кто за мной стоял. Посчитал, с десяток человек, так или иначе, разделяли со мной ответственность за тот или иной материал.

В редакции изъяли папку с оригиналами за год, для экспертизы в Генеральном штабе. Главного редактора «пропесочили» на коллегии Министерства обороны. Он порекомендовал мне вообще месяца три не писать, пока все уляжется. Но поблагодарил за профессиональную работу, до этого считая меня слишком осторожным в ракетной теме. Посоветовал впредь быть еще осторожнее. Все это вспомнилось так, к слову.

ПОСЛЕДНИЙ ГЛАВКОМ-ФРОНТОВИК

Когда расстреливали «Белый дом» и CNN транслировало наш национальный позор на весь мир, генерал армии Максимов получил при этом инфаркт. Думал ли он, старый солдат, носивший со времен войны осколки в теле, что бывший в его прямом подчинении взводный, появившийся нежданно-негаданно через какие-то годы в руководстве Министерства обороны, будет планировать эту «фронтовую» операцию! Но такие были времена, такие люди...

Юрий Павлович Максимов. Герой Советского Союза. Генерал армии. Он был шестым главкомом Ракетных войск стратегического назначения, последним в их числе фронтовиком. Более полувека отдал службе. До последних дней его рабочее место находилось в «ракетной» Власихе, несмотря на то, что ушел в отставку. Бразды правления передал в свое время Сергееву.

В «стратегической» Власихе, знавшей Жукова и Неделина, Крылова и Бирюзова, Москаленко и Толубко, мы и встретились впервые с генералом армии Максимовым много лет назад, когда меня представляли ему в качестве постоянного корреспондента «Красной звезды» по РВСН. С того момента общались часто.

Многие сходятся во мнении, что вся предыдущая жизнь и служба этого красивого во всех отношениях человека были своеобразной подготовкой к его последней должности — главкома РВСН. В годы с 1985-го по 1992-й, сложные и переломные не только для Ракетных войск, но и для Вооружен-

ных Сил, всей страны, в период огалтелого очернения армии, развала, казалось, всего и вся, нужен был именно такой, «стратегический» военачальник. За его плечами остались две войны — Великая Отечественная, которую он закончил капитаном, командиром пулеметной роты, с тремя боевыми орденами, и афганская, в пору которой он командовал Туркестанским военным округом.

А еще он был дипломатом и политиком, по сути и по судьбе — в его военной биографии Венгрия, Йемен, Алжир в непростые для этих стран годы. Там он показал себя сильным военным специалистом, советником. Весь его богатый опыт востребовался на службе в стратегических войсках.

Принимая РВСН в 30 с лишним дивизий, с сотнями и сотнями баллистических ракет, способных, по оценкам американских экспертов, стереть с лица Земли Соединенные Штаты Америки, он на первом совещании офицеров и генералов главкомата тронул признанием:

— Всей специфики войск и оружия я пока не знаю. Буду у вас учиться. В этих словах главкома были и врожденная скромность, и уважение к труду, знаниям и опыту людей. Он действительно самым серьезным образом изучал особенности войск и ракетного вооружения, с признательностью вспоминал генералов Георгия Малиновского, Юрия Яшина, Игоря Сергеева, Станислава Кочемасова, Александра Ряжских... Все они являлись членами военного совета. Благодарил за помощь многих других ракетчиков-профессионалов, которые находились в его окружении.

Месяцами работал в войсках. Мне помнится его приезд в нашу смоленскую ракетную армию, в кармелавскую дивизию, в которой довелось служить до прихода в газету.

– Требовалось понять суть сложной системы боевого дежурства, — делился Юрий Павлович, — и управления войсками, которые обеспечивали высочайшую степень готовности к выполнению задач в считанные доли секунд. Все это, как я понимал, составляло основу РВСН с их неповторимыми особенностями, традициями, содержанием службы и колоритом, присущим только им.

Учась, он учил и подчиненных. Именно с него началась в РВСН полевая выучка по опыту Афганистана. Ракетчикам, как показала жизнь, общевойсковые навыки оказались кстати.

При генерале Максимове совершенствовалось и боевое дежурство, чему пределов нет. Под его руководством проводилась отработка способов маневренных действий мобильных ракетных комплексов, становилось более четким взаимодействие Ракетных войск с другими родами и видами Вооруженных Сил. При нем улучшились охрана и оборона ракетных полков в полевых условиях.

Серьезное влияние на развитие РВСН в те годы оказали заключение и реализация Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Подписали его в Вашингтоне в декабре 1987 года. В течение трех лет наша страна ликвидировала 826 ракет средней дальности, 680 пусковых установок, 60 операционных баз и десятки вспомогательных объектов.

Оценивал эту колоссальную работу Юрий Павлович так:

— Ликвидация ракет средней дальности влекла за собой появление новых сложностей в развитии группировки войск межконтинентальных ракет.

Наряду со многими из них предстояло решить судьбу дивизий РСД. В военно-политических кругах тогда имели место две точки зрения по этому вопросу...

Политбюро и Генеральный штаб считали, что из боевого состава войск нужно исключить все 14 дивизий, ранее вооруженных «средними» ракетами. Главком настаивал на ликвидации пяти из них, все остальные предлагалось перевооружить на новые подвижные железнодорожные (БЖРК) и грунтовые комплексы МБР. «Битва» с Генштабом была жаркой. Точку в вопросе поставил Совет обороны, который главком убедил в своей правоте. Было принято постановление о дополнительном выпуске промышленностью «Тополей». Дивизии РСД планово перевооружились, используя позиционные районы, всю инфраструктуру. Были сохранены и офицерские кадры, благодаря скрупулезному индивидуальному подходу соответствующего управления под руководством генерала Ильи Панина, командиров и командующих на местах. (Илья Григорьевич Панин — генерал-полковник, опытнейший профессионал, «делегированный» из РВСН еще молодым офицером в аппарат ЦК КПСС, где проработал 10 лет, из армии уволился с должности начальника Главного управления кадров Министерства обороны РФ).

Бойцовские качества генерала армии Максимова наблюдал я и тогда, когда в апреле 1992 года неожиданно возникла проблема с перспективой ракетного полигона в Мирном Архангельской области. В то время усиленно проталкивалась идея отказа от Байконура создания чисто российского космодрома в Плесецке, что военном отношении, считалось тогда, неминуемо привело бы к потере единственного испытательного полигона РВСН. Уже и проект указа подготовили для Президента РФ, который приехал туда. Но, поработав на полигоне, президент согласился с доводами ракетчиков, в целом оставшись довольным их деятельностью.

Посчитал, что не время еще становиться Плесецку космодромом № 1: средств на это не хватало.

... Все, кто знал генерала армии Максимова, отмечают, что он — образец патриотизма.

– Мы вправе гордиться нашей историей, своим великим народом, нравственными ценностями, — говорил он и убедительно доказал это в своей книге «Записки бывшего главкома стратегических». Он подарил ее мне с надписью: «С глубоким уважением и добрыми чувствами». До последних дней общались с Юрием Павловичем Максимовым.

Последнее, что сделали совместно, — подготовили статью для «Красной звезды» о бережном отношении к потенциалу ядерного сдерживания. Он написал, я сопровождал ее в номере.

— Ход событий в мире, — предостерегал генерал армии Максимов, — не обещает, что XX1 век будет спокойным и безмятежным. В результате все возрастающей военно-политической активности США и НАТО, ростом противоречий между Севером и Югом, а также локальных войн и силовых акций, обострения борьбы за сырьевые и энергетические ресурсы война как социальное явление не только не сходит с исторической арены, но и приобретает новые формы и геополитические характеристики. Это говорит о том, что сохранение необходимого потенциала ответного удара стратегических ядерных сил на ближайшие десятилетия XXI можно считать одной из важнейших не только военных, но и военно — политических задач нашего государства».

Скончался Юрий Павлович в день моего рождения. Когда вечером принесли из цеха «Красную звезду» с некрологом, у меня в кабинете находились старшие коллеги Геннадий Миранович и Юрий Беличенко.

— Что же вы, Юрий Павлович, так подгадали, — только и произнес я.

С болью выслушал это Юрий Николаевич Беличенко, затаенно глядя мне в глаза. Кто бы мог подумать, что через три недели не станет и тезки главкома, и упокоится он на том же Троекуровском кладбище.

Памятник генералу армии Максимову ракетчики поставили величественный. Стоит он на возвышении, напротив — могилы начальника Главного штаба РВСН Станислава Григорьевича Кочемасова, генерального конструктора «Сатаны» — «Воеводы» Владимира Федоровича Уткина, других ракетчиков, главного редактора «Красной звезды» Ивана Митрофановича Панова... Словно на военный совет призвал их главнокомандующий.

И Игорь Дмитриевич Сергеев неподалеку от них. И наш Юрий Николаевич — за часовенкой, под разлапистою сосной.

РОМАНТИЧЕСКИЙ ГЕНЕРАЛ

Есть мнение, что генерал Яшин засиделся первым заместителем у главкома Толубко. Так это или не так, несомненно одно: богатым опытом он потом умело распорядился на других ответственных должностях, будучи заместителем министра обороны СССР и генералом армии, а позднее — председателем Гостехкомиссии при Президенте Российской Федерации, в статусе федерального министра.

Мы летели в Плесецк. На борту самолета находились конструкторы ракетной техники, иностранные специалисты и дипломаты, приглашенные на демонстрационный пуск отечественной конверсионной ракеты-носителя «Старт-1». Генеральный конструктор Юрий Соломонов, по дружбе, пригласил и меня.

Моим соседом оказался генерал армии Яшин. Юрий Алексеевич являлся председателем государственной комиссии по «Старту». Признаться, я испытывал волнение от этого случайного соседства.

И то сказать, генерал Яшин был для нас, молодых ракетчиков едва ли не легендой. Я знал его, заочно конечно, сержантом был тогда, он — командующим самой крупной в РВСН Смоленской ракетной армией. «Очная встреча» с бывшим командармом была первой.

Но, то обстоятельство, что мы в некоторой степени однополчане, как раз и сблизило нас, генерала армии и меня, тогда подполковника, годящегося ему в сыновья. К слову сказать, у Юрия Алексеевича своих сыновей двое: младший — полковник, кандидат технических наук, старший — тоже

ученый, в физико-математической области, работает в Санкт-Петербурге, где родился отец.

С внуками у генерала армии все по-военному четко. Старший отслужил матросом на Северном флоте, вернулся домой старшиной 1-ой статьи. Успешно окончил институт. Младший внук — историк, учится в аспирантуре МГУ.

Пример и авторитет отца и деда для младших Яшиных во многом оказался заразительным. Юрий Алексеевич все учебные заведения кончил с отличием, с серебряной и золотыми медалями. Он доктор технических наук, профессор, академик, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный военный специалист, кавалер многих орденов.

Разговор на борту за чашкой чая с медом, который любезно предложила стюардесса, нам был обоюдно приятен. Мы вспомнили с Юрием Алексеевичем о нашей Смоленской армии. Я напомнил ему о Семене Гейченко, о Пушкиногорье, над которым, мало кто знает, стратегические ракетчики взяли шефство, и десятки лет оно несет добро этим святым для русских людей местам.

— Наше знакомство с Гейченко, — рассказал он, — началось летом 1979 года, когда я вступил в командование Смоленской ракетной армией. Первый сбор в этом качестве проводил в Острове Псковской области. Островская дивизия и учебный центр уже как-то помогали Михайловскому. Я подумал, почему бы всему командному составу армии не посетить этот исторический памятник мирового значения. И выделил в регламенте сбора один день на знакомство генералов и офицеров с Пушкиногорьем — Михайловским, Тригорским и Петровским, Святогорским монастырем и могилой Пушкина.

Позвонил Гейченко, он ответил, что готов нас принять. Там, в Михайловском, мы и познакомились — одновременно и с заповедником, и самим Семеном Степановичем Гейченко. Как захватывающе и с какой любовью он рассказывал о Поэте, как великолепно знал нашу литературу, историю страны и армии! Сам 60 книг написал.

У Семена Степановича, можно сказать, в самих генах заложена военная косточка. С самого детства он был неравнодушен к армии и, по существу, родился в военной семье. Отец его был вахмистром гвардейского кавалерийского полка, что обслуживал царскую семью, был конюхом великих князей. Семья состояла из девяти человек, ютилась в казарменной комнатушке, и, когда сына надо было определять в гимназию, финансов на это, естественно, не было. Помог случай.

Однажды на встрече с императрицей Александрой Федоровной Гейченко — старший решил попросить ее определить сына Семена в гимназию бесплатно. Сегодня Александру Федоровну рисуют только в розовых тонах,

но тогда она пренебрежительно ответила Степану Гейченко что-то вроде: «Ты — конюх, и сын твой должен конюхом быть, а не гимназистом». На этом разговор и закончился. (Кто бы знал тогда, что сын конюха будет при советской власти восстанавливать и лелеять царские и барские имения).

Но о нем узнали офицеры и определили Семена, по нынешним понятиям, сыном полка. На офицерские деньги из казны полка Семен был направлен в гимназию. Окончил ее, в советское время — Ленинградский университет по музейному искусству. И всю жизнь занимался этим. Но так или иначе был связан с армией.

Родившись в прямом смысле в русской армии, он стал солдатом Великой Отечественной. На Волховском фронте в одном из боев под Новгородом получил тяжелое ранение: взрывом оторвало кисть левой руки. И Гейченко уволили «по чистой». В 1945 году молодого музейного работника нашел Сергей Иванович Вавилов — президент Академии наук СССР и рекомендовал ему поехать в Михайловское для восстановления там Пушкинского заповедника. С вещмешком за плечами и красавицей женой сразу после войны Гейченко и появился в Михайловском, где провел, в сущности, всю последующую жизнь. Начал с того, что вместе с солдатами и офицерами разминировал разрушенный фашистами заповедник (даже могила Пушкина была заминирована).

Тогда же в одну из первых встреч Гейченко предложил командарму: а не взять ли ракетчикам шефство над Пушкинским заповедником? Тут же в течение суток отработали проект договора. И с тех пор, до самого расформирования, Смоленская ракетная армия была шефом Михайловского. И сейчас, оставшийся там Островской учебный центр помогает Пушкиногорью.

(Друг мой, Валентин Лукьянчук, служит там заместителем начальника по воспитательной работе и традиции умножает, дружит с монахами Святогорского монастыря, который возрождается, с руководством заповедника и района. Думается, немало добрых дел у них еще впереди. — А.Д.).

Ракетчики произвели Гейченко в «почетные солдаты». Так как Семен Степанович был выдающимся пушкинистом и ученым, решили «присвоить» ему звание не рядового, а ефрейтора. Впервые в истории на территории Михайловского было вынесено Боевое Знамя, и под звуки военного оркестра проведена торжественная церемония посвящения Гейченко в гвардейцы-ракетчики. (Мне было велено написать в стихах поздравление ему по этому случаю. Специально в Смоленск приглашали из Шяуляя. — А.Д.).

Гейченко был частым гостем в воинских подразделениях. Таких встреч были сотни. Туристов, которые приезжали в Пушкинские горы, он называл «паломниками». Среди них были солдаты и офицеры. Когда Семен Сте-

панович просил о помощи в сохранении Михайловского, особенно после страшного смерча 7-8 августа 1987 года, ракетчики помогали, чем могли. Генерал Яшин разыскал необходимые сорта яблонь и других деревьев, чтобы восстановить сад и поваленную аллею Анны Петровны Керн, распорядился отправить саженцы военным «бортом».

Вообще, замечу, Юрий Алексеевич — человек творческий и душа у него поэтическая. Он вот и знаменитому ансамблю песни и пляски «Красная звезда» помогал в становлении, уже будучи первым заместителем главкома. А в том же Плесецке, куда мы летели, он показал себя в свое время неординарным начальником ракетного полигона. Причем проявлялось это во всем. Для города Мирного и полигона он за короткое время сделал так много хорошего, что старожилы просто не узнавали родные места. Водители вспоминали его добрым словом за дороги, все жители города — за ожившее озеро, которое едва не загубило соседство с автопарком. При нем в городе появились многоэтажные дома.

Президент Академии наук СССР Анатолий Петрович Александров в очередной приезд в Мирный был потрясен увиденным, «северной жемчужиной» назвал он город. По предложению Яшина на полигоне совместно с Академией наук открылись научно — производственные предприятия. Не случайно жители Мирного избрали Юрия Алексеевича почетным гражданином города.

Много внимания уделял начальник полигона семьям ракетчиков, их детям. Списанный самолет Ли — 2 по его инициативе стал летним детским кинотеатром. В городе жили полнокровной жизнью военно-патриотические лагеря для подростков. «Зарничники» и «орлята» из Мирного побеждали во всех финалах военно-спортивных игр в Архангельской области, а затем и Союза. До сих пор эти традиции продолжаются.

Творчество начальника полигона проявлялось и в работе с кадрами, и в организации испытаний ракетной техники, боевых ракетных комплексов и космических систем. В 1975 году он пришел начальником Научно-исследовательского испытательного полигона. Плесецк он знал не понаслышке. Девять лет до этого был заместителем командира части.

И вот — новый виток. Пришелся он на испытания нового высокоавтоматизированного ракетно-космического комплекса «Цииклон-3» с ракетой-носителем легкого класса. Его назначили председателем Госкомиссии по комплексу. Справился с доселе неизвестной работой новоиспеченный начальник вполне успешно, испытания провели добротно и приняли комплекс на вооружение. Этапным, не будем бояться громких слов, стало успешное завершение испытаний подвижного твердотопливного ракетного комплекса «Темп-2С». На заключительной стадии испытаний и при постановке его на дежурство начальник полигона лично вникал в вопро-

сы его применения, решал вопросы строительства пунктов управления, финансирования, обустройства жизни и быта дежурных смен. За работу по принятию комплекса «Темп-2С» и обеспечение программы длительного хранения техники генерал-лейтенанту Яшину тогда присудили Государственную премию СССР.

К концу 70-ых годов под непосредственным руководством Юрия Алексеевича на полигоне создали уникальную экспериментальную базу для дальнейшего испытания перспективных ракетно-космических и боевых систем. Не будем преувеличением сказать, что генерал Яшин в те годы положил кирпичик в фундамент и нынешних «Тополей». За годы службы в РВСН генерал Яшин не единожды возглавлял государственные комиссии по ракетным и ракетно-космическим комплексам — «Циклон-З», «Воевода», «Старт». Каждый из них — уникальное творение человеческого гения. С тревогой и, быть может с завистью, смотрят зарубежные недруги и конкуренты на эти «изделия».

Яшин по духу и в силу предлагаемых службой обстоятельств — испытатель и «стратег». По окончании 2-го Ленинградского артучилища в 1950 году служил командиром взвода тяжелой гаубичной бригады, но уже в декабре был переведен в бригаду особого назначения в Капустин Яр. Так, задолго до образования собственно РВСН, ракеты стали его судьбой на десятки и десятки лет. В Ракетных войсках вырос от техника отделения до первого заместителя главнокомандующего. Командовал испытательной частью, дивизией в Йошкар-Оле, приняв ее в нелегкое время. Он по праву может гордиться своими подчиненными. Становились они большими людьми, авторитетными в стратегических войсках. Леонид Долинов, к примеру, возглавил испытательное управление, стал Героем Социалистического Труда, Анатолий Перминов руководил плесецким полигоном, возглавлял главный штаб РВСН, командовал вновь созданными Космическими войсками, сейчас — директор Федерального космического агентства России.

В феврале 1989 года Яшин был назначен заместителем министра обороны СССР — председателем Гостехкомиссии СССР, в январе 1992 года стал председателем Государственной технической комиссии при Президенте Российской Федерации.

Гостехкомиссия, являясь федеральным органом исполнительной власти, организовывала деятельность государственной системы защиты информации в стране от утечки ее по техническим каналам. В сферу ее деятельности входили также организация и обеспечение противодействия иностранным разведкам.

Юрий Алексеевич на этой государственной должности оказался в сложное, смутное время. Царившее в годы перестройки «новое мышление»

проблемы защиты государственных интересов сузило настолько, что недавние «супостаты» получили непосредственный доступ практически к любым ранее секретным сведениям. Достаточно сказать, что в тогдашнем Госкомимуществе, проводившем «прихватизацию» предприятий, в том числе оборонно-промышленного комплекса, работали...18 американских советников!

Генерал армии Яшин создал и Союз ветеранов-ракетчиков. Три срока подряд избирался его председателем, сейчас является почетным руководителем этой весьма авторитетной организации, которую возглавляет ныне энергичный, неравнодушный Владимир Александрович Муравьев, генерал-полковник в отставке, бывший первый заместитель главнокомандующего РВСН.

Триста пусков и запусков на памяти Юрия Алексеевича, со всех четырех отечественных полигонов — Капустина Яра, Байконура, Плесецка, Свободного. Тот, на который мы летели в Плесецк, был очередным. Двухчасовой полет, воспоминания в ходе которого охватили почти всю яркую, насыщенную жизнь генерала-романтика Яшина, помнится нам по сей день (в 2011 году Юрия Алексеевича не стало, похоронен он на Троекуровском кладбище, где все военачальники — ракетчики).

СУДЬБА РАКЕТНАЯ ТАКАЯ

Заправка баллистической ракеты

У ракетчиков всех поколений лейтенантская юность, так или иначе, связана с полигоном Капустин Яр, хотя даже не каждому офицеру удавалось побывать здесь.

Мне и моим сослуживцам повезло. В октябре 1974 года наша стартовая батарея (из 1-го дивизиона приекульского полка шяуляйской дивизии) в теплушках прибыла на 85-й секретный разъезд, где обосновался с мая 1946 года первый отечественный полигон и космодром Капустин Яр.

Неделю добирался состав с дровами, досками и провиантом из лесов Прибалтики до астраханских степей с их сусликами, белохвостыми орланами (степными орлами) и скудной растительностью, напоминающей колючую проволоку.

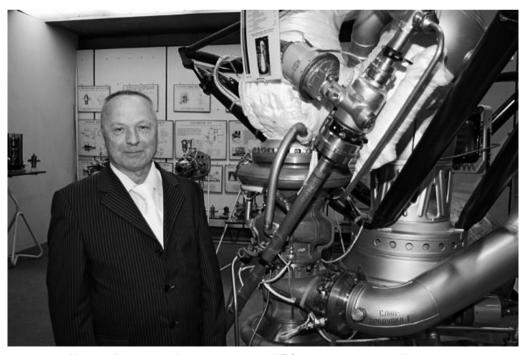
Здесь нас ждала баллистическая ракета средней дальности Р-14. «Изделие» Янгеля, Пилюгина и Глушко, умевшее летать на 4.500 километров со стартовой массой в 80 тонн и мощным боезарядом в две мегатонны.

Щелкая лесные орехи по дороге, распевая частушки под баян при стеариновых свечах, в сердечной теплушке не забывали мы повторять электрои пневмогидравлические схемы своих агрегатов, готовясь к предстоящим перед пусками зачетам особенно придирчивой, как были наслышаны, комиссии полигона. Мне, гуманитарию-отличнику, более успешному секре-

тарю комсомольской организации, чем старшему механику-заправщику, понадобилась помощь замполита дивизиона майора Рудольфа Сухарева. В пять минут он «разложил» эти схемы по косточкам, и я, с легкостью их освоив, удивил себя и комиссию «блестящими» знаниями.

Кто из нас, солдат и сержантов, да и офицеров тоже, знал тогда, сколь великие конструкторы создавали нашу ракету. А была она на то время одной из самых надежных в системе баллистических, способной поразить любой объект на территории Западной Европы, что я вычитал, будучи уже журналистом, в брошюре однополчанина профессора Николая Монахова.

Был тогда Николай Константинович начальником штаба нашей дивизии, но ни он, ни начальники поменьше нам об этом не рассказывали. И истории создания ракеты мы тоже не знали (все тогда было чрезвычайно секретно, в письмах домой не могли мы похвалиться службой в Ракетных войсках стратегического назначения). А между тем наша 8К65 имела уже зрелый возраст, потому как Михаил Янгель приступил к ее разработке в 58-ом (тогда мы, будущие «стратеги», еще под стол пешком ходили). В то же время произошло событие, оставившее заметный след в отечественном ракетостроении. Оказывается, ученым Государственного института прикладной химии удалось синтезировать новое горючее — нессиметричный диметилгидразин, или гептил. В сочетании с азотным окислителем

Химки. Александр Долинин в музее НПО у двигателя «своей» ракеты

оно давало эффективное и долгохранимое топливо для ракетных двигателей Валентина Глушко.

По всему выходит, что и это славное ракетное горючее — ровесник моих однополчан. Помню, в восьмом классе преподаватель химии Любовь Петровна Князева, говоря о подобных изобретениях, заметила, что они представляют собой страшный яд для человека. Разве думал я тогда, мечтавший о театральных подмостках, лауреат всяческих конкурсов и обладатель золотой медали Артека, что стану сержантом и буду любоваться этой азотной кислотой с красивыми вкраплениями металлизированного йода, вдыхать нечаянно пары необыкновенно «ароматного» гептила, на агрегаты с которым даже птицы не садились.

Пуски наши в Кап. Яре были экспериментальными. Мы, как выяснилось, продлевали жизнь нашей четырнадцатилетней ракете, испугавшей американцев во время Карибского кризиса. Чуть ли не в два раза предстояло сократить график ее подготовки к пуску. Справились с этим во главе с интеллигентным командиром батареи майором Вадимом Александровичем Харченко, первым и единственным тогда в полку выпускником Военной академии имени Дзержинского, вполне успешно. В боевом листке я пытался выразить самочувствие стихотворными строками. Стихи не получились, но ребята переписывали их тайком в блокнотики, а бдительные особисты листок со стенда удалили.

Обо всем этом вспомнилось, когда вновь удалось побывать в Капустином Яре, теперь уже зрелым полковником. Вместе с нынешним командующим РВСН генерал-полковником Николаем Евгеньевичем Соловцовым — и встретиться ...со своей ракетой. Вернее, с ее братишкой — космическим спецносителем К65М-Р, созданным в далекие уже семидесятые прошлого столетия на базе нашей Р-14. В апреле 2006 ему предстояло впервые вынести на расчетную орбиту экспериментальную головную часть для ракет нового поколения и попасть в заданный квадрат на балхашском полигоне, что и осуществилось успешно.

Готовую «к бою» ракету-носитель я наблюдал с заброшенного соседнего старта, по соседству с котором мы, ракетчики 1970-ых, учились пускать «янгелевские игрушки»...

Из книги Александра Долинина «Судьба ракетная такая».

На сайте «Ружаны стратегические» — электронный вариант книги «И путь, и судьба»

Со старшим внуком Данилой Макеевым в Серпуховском ракетном училище.2007 г.

В Димитровграде Ульяновской области. 2016 г.

Участвую в собрании Ульяновского отделения ИППО. Во Дворце книги. Январь 2022 г. На снимке: игуменья Сергия, полковник Владимир Шкирков, начальник суворовского училища, Александр Долинин, митрополит Лонгин, Наталья Гудень, искусствовед Владимир Скурлов, игуменья Магдалина, директор областной библиотеки Светлана Нагаткина

На представлении моей книги в гвардейском суворовском училище. г.Ульяновск. 2016 г.

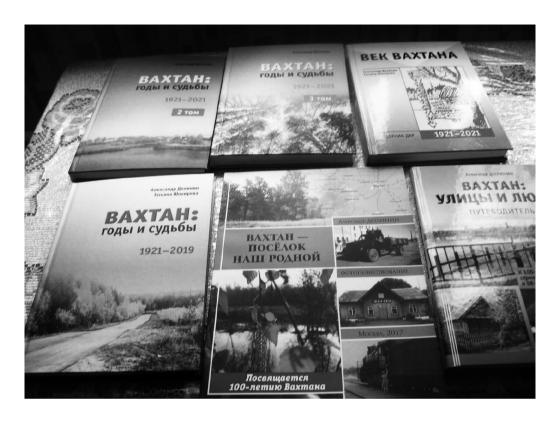
С читателями-земляками в библиотеке посёлка Вахтан Шахунского района Горьковской области (моя малая родина). 29 сентября 2017 г. Верхний ряд. Павел Комлев, Владимир Балагуров, Татьяна Борисова, Галина Косарева, Любовь Комлева, Валентина Балагурова, Лидия Дурнева, Марина Червоткина, Вера Киричёк. Нижний ряд. Михаил Закиров, Александр Долинин, Мария Макеева, Эвелина Староверова, Людмила Орлова

Сегодня у меня 30 печатных книг. Это документальные, краеведческие книги. О малой родине, об РВСН, о школе и семье.

Вручили мне премию «Щит Отечества» имени маршала Н.И.Крылова.

На снимке: генерал-лейтенант Виктор Дрёмов (мой однополчанин по Шяуляйской дивизии, учредитель премии), Виктор Плескач и Николай Иванов — председатель Правления Союза писателей РФ

О родном посёлке в Нижегородской области я написал 10 книг

СОДЕРЖАНИЕ

1.0 AUYHOM	
У каждого журналиста своя районная газета	5
Дело счастливого случая	11
Промучился я год	20
«Фитиль» спортсменам	
«Штрафбат»	27
Юбилеи. Фильм	33
Клуб редакторов	37
«Военный космос»	40
2.НАШИ ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ	45
Великий Макеев	45
Мудрый и осторожный Панов	52
Самый молодой главный редактор	55
З.ЛЕГЕНДЫ РАССКАЖУТ, КАКИМИ МЫ БЫЛИ	62
Литературный маршал (А.П. Беляев)	62
Алтайский самородок (B.C. Возовиков)	65
Вспоминает Юрий Теплов	69
Беличенко, ты могуч!	
И писатель, и сценарист (А.Ф. Пинчук)	
Космический журналист (М.Ф. Ребров)	90
Литературный руководитель, фронтовик (Ю.Т. Грибов)	94
Военкор «горячих точек» (В.М. Житаренко)	
Боевик и лирик воедино (Г.Д. Миранович)	
Ракетчик, редактор, жизнелюб (А.В. Белоусов)	. 108
Моряки-журналисты	. 111
Человек-праздник (В.Я. Каушанский)	
Он делал мир светлее (И.И. Иванюк)	. 116
Душа редакции и издательства (В.П. Комиссаров)	
Не любил ничего лишнего (В.А. Маркушин)	. 121
Гордость РВСН (Н.Е. Белан)	. 123
Фронтовик, редактор, обозреватель (П.И. Алтунин)	. 124
Афганец, ракетчик, социолог (В.Л. Скрижалин)	. 127
Начальник корсети (М.М. Малыгин и другие)	
Поэт, публицист (В.Н. Павлюткин)	. 132
По морям, по волнам (А.Б. Иванов)	. 134
Поэт жизни (Ю.В.Гладкевич)	. 139
УНИКАЛЬНЫЙ ЗВЯГЕЛЬСКИЙ (Р.А. ЗВЯГЕЛЬСКИЙ)	. 141 111
Будто эталон нравственности (Г.Э. Конюшкова)	. 144
Космонавты из «Красной звезды» (А. Андрюшков, В. Бабердин)	1/10
4. ВСЮДУ ЗНАКОМЫЕ, МИЛЫЕ ЛИЦА 5.С КЕМ СВЕЛА СУДЬБА	
Маршал Сергеев	
Выдающийся Есин	
Последний главком-фронтовик	
Романтический генерал	
Судьба ракетная такая	
OJAPOG POROTION FORCE! INTERNATIONAL INTERNA	

Александр Иванович ДОЛИНИН

Наша «Красная звезда»

К 100-летию газеты

Фото Павла Герасимова, Сергея Князькова, Людмилы Тимофеевой, Александра Долинина, Игоря Детинича, Нафанаила Николаева (Ульяновск), Сергея Пятакова, Сергея Титкова, Татьяны Ледневой, Елены Пироговой, из архива «Красной звезды», пресс-службы Космических войск и РВСН

С благодарностью

Владимиру Геннадьевичу Щекотилову, Михаилу Александровичу Захарчуку

Автор-составитель Александр Долинин **Вёрстка и дизайн** Ольга Лехтонен

Подписано в печать 15.06.2022 г. Формат 70х100/16 Гарнитура «BloknotC»

> Бумага офсетная Печать офсетная Тираж 50 экз. Усл. печ. л. 11,9 Заказ № 2398

Отпечатано с готового оригинал-макета

Издательство «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50а/5,
тел.: 8 (495) 690-67-19
www.uniki.ru